

ИМПЕРИЯ:

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Материалы XXXVIII международного семинара
исторических исследований
«От Рима к Третьему Риму»

Москва, 15 января 2019 г

Издательство «Весь Мир»

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ИМПЕРИЯ:

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Материалы XXXVIII международного семинара
исторических исследований
«От Рима к Третьему Риму»

Москва, 15 января 2019 г.

Москва
Издательство «Весь Мир»
2019

ИМПЕРИЯ:

ПРОБЛЕМЫ
ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ
КОЛОНИЗАЦИИ

УДК 94
ББК 63.3(0)
И 54

Издание подготовлено при поддержке Российско-итальянского
«Форума-диалога по линии гражданских обществ»

Редакционная коллегия:

*Ю.А. Петров (председатель), М.Н. Бахматова,
С.П. Карнов, Д.Б. Павлов*

Перевод
М.Н. Бахматовой

И54 Империя: проблемы внутренней и внешней колонизации. Материалы XXXVIII международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 15 января 2019 г. / на рус. и ит. яз. — М.: Издательство «Весь Мир», 2019. — 160 с.

ISBN 978-5-7777-0778-9

В сборнике помещены доклады, представленные российскими, итальянскими и французскими историками на XXXVIII международном семинаре исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», который работал в Институте российской истории РАН 15 января 2019 г. Тексты публикуются на языке оригинала и в переводе на русский/итальянский языки.

**УДК 94
ББК 63.3 (0)**

ISBN 978-5-7777-0778-9

© Коллектив авторов, 2019
© Институт Российской истории РАН, 2019
© Издательство «Весь Мир», 2019

Оглавление

Приветствие Ю.А. Петрова	6
<i>С.П. Карпов.</i> Генуэзский и венецианский варианты колонизации Причерноморья: сходство и отличия	8
<i>S.P. Karpov.</i> Venezia e Genova: due modelli di colonizzazione del Mar Nero	25
<i>M. Balard.</i> Caffa e il Mondo Tataro	41
<i>М. Балар.</i> Каффа и татарский мир	57
<i>E. Basso.</i> Costruire un impero, gestire un impero: modelli delle talassocrazie italiane nel Mediterraneo bassomedievale	74
<i>Э. Бассо.</i> Создание империи, управление империей: итальянские модели талассократии в Средиземноморье в позднем Средневековье	88
<i>В.В. Трепавлов.</i> Имперское пространство в русской сакральной географии	104
<i>К.А. Соловьев.</i> Империя, нация, окраины в политике П.А. Столыпина	112
<i>Н.И. Никитин.</i> Сибирь как колония: мнения и факты	123
<i>Д.А. Аманжолова.</i> Колонизация и «деколониальный поворот» в казахстанской историографии	136
Сведения об авторах	156

Приветствие

Уважаемые коллеги, дорогие гости!

Разрешите приветствовать вас в Институте российской истории РАН, в традиции которого находится проведение представительных международных форумов, посвященных различным проблемам мировой и российской истории.

У международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», очередную сессию которого мы сегодня проводим, давняя, почти 40-летняя история, опубликовано множество книг и научных статей, изданных по итогам его работы на итальянском и русском языках. Без всякого преувеличения семинар можно назвать «долгожителем» среди подобных научных форумов, он собирается в 38-й раз. Не могу не отметить роли нашего итальянского коллеги, профессора Пьеранджело Каталано, который стоял у истоков семинара и по сей день является одним из его организаторов и ключевых участников. К сожалению, обстоятельства не позволили ему присоединиться к нам сегодня.

Семинар «От Рима к Третьему Риму» является живым организмом, который не должен ограничиваться раз и навсегда данным, строго очерченным кругом проблем. Нынешней сессией мы открываем новую страницу в его истории, которую можно назвать империологической. Повестка изучения всех трех империй (Римской, Османской и Российской) научно актуальна, разнообразна и широка. На наш взгляд, она предполагает изучение:

1. Моделей управления окраинными и заморскими территориями, проблем типологии колонизации и колониализма.
2. Истории создания и функционирования органов военного и гражданского управления и их эволюции; пределов полномочий и взаимодействия местных гражданских и военных властей с центральными органами управления.

Приветствие

3. Инкорпорирования, интеграции и сепаратизации местных элит, специфики этих процессов.
4. Хозяйственно-экономического освоения колонизируемых территорий и его результатов; финансовой и фискальной политики метрополии.
5. Решения транспортных, санитарно-эпидемиологических, экологических, социальных проблем колонизируемых территорий.
6. Проблем межкультурной коммуникации, этнических и межэтнических региональных связей.
7. Вопросы колониальной символики.
8. Проблем историографии империй.

Мы сознательно не стали заострять тематику сегодняшнего семинара на каком-то одном из пунктов этой повестки; доклады, которые нам предстоит услышать, в той или иной степени посвящены всем или почти всем граням и направлениям изучения империй.

Пожелаю участникам семинара успеха и плодотворной работы.

Ю.А. Петров
доктор исторических наук,
профессор, директор ИРИ РАН

Генуэзский и венецианский варианты колонизации Причерноморья: сходство и отличия

С.П. Карпов

МГУ им. М.В. Ломоносова

Прежде всего, на мой взгляд, необходимо провести четкую грань между понятиями «колониализм» и «колонизация». Колониализм, как справедливо определяет Большая Российская энциклопедия, это «подчинение и эксплуатация государством (группой государств) с помощью методов военного, политического и экономического принуждения народов, стран и территорий, как правило, экономически менее развитых и имеющих инонациональное население»¹. Колонизация — явление более сложное и составное, не сводящееся только к эксплуатации и включающее в себя аспекты колонизации кочевой, переселенческой, торговой и др. Она может быть соединена с партнерством, миссионерством и разными формами освоения территорий, в том числе и на вовсе не занятых населением. Словом, она имеет гораздо больше конкретных проявлений, чем колониализм, много отличий от него.

Итальянские морские республики осуществляли торговую экспансию в Причерноморье в разное время и при разных обстоятельствах. Это следует учитывать при любом сравнении значения и влияния колонизации. В 1204 г. активные участники IV Крестового похода венецианцы овладели торговыми кварталами Константинополя и значительной частью византийских островов и земель в Эгейде. Путь к черноморским берегам был для них открыт. Они, однако, не устремились туда, — ибо все их ресурсы были направлены на колонизацию Крита и других завоеванных территорий, тогда как основные торговые пути к источникам пряностей и иных привлекательных для них товаров Востока пролегли через Багдад, Сирию и Палестину, минуя Константинополь и Черное море. Ситуация изменилась к 60-м гг. XIII в., когда после походов татаро-монголов, разрушивших прежние узлы торговли, на Севере и на Юге Причер-

¹ См.: https://bigenc.ru/world_history/text/2081842

номорья возникли мощные анклавы Монгольской империи — Золотая Орда (Улус Джучи) и держава Ильханов. И там, и там установленный Рах Mongolica содержал в порядке магистральные пути торговли, протянувшиеся от Китая, Индии и Средней Азии до границ Европы². Их терминалами, вместо разрушенных Багдада и других торговых центров Ближнего Востока, стали на Юге — Трапезунд, на Севере — города крымского южного побережья, а также Тана (Азак/Азов) в устье Дона³. Генуэзцы первыми поняли преимущества новой ситуации и поспешили сначала укрепиться на Босфоре, заключив договор с никейским, а затем и византийским, императором Михаилом VIII Палеологом, а следом вступить в неформальные, а потом и формальные, договорные отношения с ханами и эмирами Улуса Джучи. Очевидно, это произошло в начале 70-х гг. XIII в⁴. В результате им была предоставлена для поселения территория вокруг прекрасной феодосийской бухты в местечке тогда именовавшимся Каффой. Именно Каффу они и сделали постепенно главным опорным пунктом своей колонизации, оттесняя маленькую венецианскую факторию в Сугдее/Солдае /Судаке на второй план, а затем и вовсе подавив ее и политически, и экономически, в том числе благодаря прямой и более удобной трассе от Каффы к центру ордынских владений в Крыму — Солхату. Венецианцам пришлось догонять. Первая их попытка оттеснить соперников вылилась в знаменитую Курцольскую войну, когда венецианский флот под командованием адмирала и будущего дожа Джованни Соранцо захватил и разрушил Каффу в 1296 г., но не вынес тяжелых условий зимовки и оставил поселение на произвол судьбы. Генуэзцы вернулись туда через пару лет, но конфликт с татарами и нападение хана Ногая в 1307 г. воспрепятствовали им: после длительной осады и стойкого сопротивления Каффа в 1308 г. была оставлена и сожжена колонистами и цезура в их деятельности там продол-

² *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // *Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World* / Amitai R., Biran M. eds. Leyden; Boston, 2005. P. 391—394.

³ См.: *Карпов С.П.* От Таны — в Ургенч: Эти трудные дороги средневековья // *Средние века*. 2000. С. 217—224; *Karpov S.P.* Main changes in the Black Sea Trade and Navigation, 12th—15th Centuries // *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*. Sofia, 22—27 August 2011. Vol. 1. Plenary Papers. Sofia, 2011. P. 419—421.

⁴ *Barald M.* Gènes et la mer. Genova e il mare. Genova, 2017. Т. II. P. 771—772 (основание фактории относит к промежутку между 1268 и 1275 гг., склоняясь к тому, что, скорее всего, это произошло ближе к 1275 г.).

жалась с 1308 по 1312 г.⁵ С 1313 г., благодаря договору с новым ханом Узбеком, фактория в Каффе возобновляется и получает прочное юридическое обоснование своей деятельности от метрополии с изданием статутів Оффиции Газарии 1316 г. Чтобы поддержать быстрое восстановление Каффы, Оффиция Газарии запрещает генуэзцам зимовать в Тане, соседней фактории на Азовском море, приобретать там дома, а также торговать в Солдаиде и разгружать товары в гаванях побережья от Солдаиды до самой Каффы. Все генуэзские суда, направлявшиеся в Азовское море, также должны были делать обязательную стоянку в Каффе минимум на один день (чтобы платить за это соответствующую пошлину). Штрафы, налагаемые за эти нарушения подеста Перы и консулом Каффы, должны были идти на строительные работы в Каффе⁶. Столкновения с венецианцами продолжались: в 1323 и 1328 гг. эскадра венецианских галей под командованием Джустиниани Джустиниана посылалась в Черное море для оказания давления на генуэзцев. И если в первом случае дело закончилось мирными переговорами с каффинцами, то во втором близ Босфора уже велись военные действия, и венецианцами захватывались генуэзские суда⁷. Тем самым, генуэзское доминирование на Черном море оспаривалось венецианцами. И все же основное препятствие для развития генуэзской навигации в Черном море с конца XIII в. представляли не они, а тюркские пираты. Шла борьба генуэзцев с Синопом, правитель которого Тадж ал-Дин Гази Челеби превратил его в центр черноморского пиратства. В 1313 и 1314 гг. его флот дважды атаковал саму Каффу⁸. Гази Челеби вел настоящую пиратскую войну против итальянских торговых судов. Статутом Каффы (*Ordo de Caffa*) 1316 г.

⁵ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. I. С. 120, 162; *Varagine, da, Iacopo e la sua Cronaca di Genova* / studio introduttivo e testo critico commentato di Monleone G. Roma, 1941. Т. I. P. 479–480; *Golubovich G.* Biblioteca Bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese. Т. III (dal 1300 al 1332.). Quaracchi, presso Firenze, 1919. P. 173–174; *Nystazopoulou M.G.* Η εν τη Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ' μῆχρι τοῦ ΙΕ' αἰῶνος. Athenai, 1965. P. 129, No. 125; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. Т. I. P. 202.

⁶ *Impositio Officii Gazarie*, a cura di L. Sauli // MHP. Vol. 2. Torino, 1838. P. 378, 380–382; *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1885–1886. Т. II. P. 170–171.

⁷ *Cristea O.* Veneția și Marea Neagră în secolele XIII–XIV. Contribuții la studiul politicii orientale venețiene. Brăila, 2004. P. 99 –116.

⁸ См.: *Карнов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2017. С. 348–349.

запрещался любой заход генуэзских судов в Синоп⁹. Внутренние смуты, борьба группировок в Генуе мешали в строгости соблюдать этот запрет. И вот результат. В 1323 или 1324 г. Гази Челеби предательским образом захватил и истребил экипажи галей генуэзских гвельфов, с которыми перед тем заключил договор о совместных действиях против гибеллинов Перы. В 1340 г. генуэзский торговый флот под командой Симоне ди Кварто напал на синопскую корсарскую эскадру и разгромил ее. В 1346 г. военные действия против Синопа вел уже генуэзский военный флот, опустошая территорию эмирата. В 1361 г. флот Синопа, в свою очередь, совершает неожиданное нападение на Каффу и причиняет генуэзцам ущерб. Только вооружив галеи в Каффе и Пере, генуэзцы смогли, наконец, нанести синопскому флоту поражение¹⁰.

Известным водоразделом в истории итальянской колонизации Причерноморья был кризис середины XIV в. Сначала произошли столкновения татар с венецианцами в Тане в 1343 г., вслед за которыми хан Джанибек дважды осаждал Каффу в 1343 и 1346 гг. Вскоре, в 1350-х гг., распадается держава Ильханов, а с 1359 г. в Золотой Орде наступила длительная смута, так называемая «Великая замятня». В 1368 г. в Китае пала династия Мин, последний оплот некогда единой Монгольской империи¹¹. Это ликвидировало ранее налаженные трансконтинентальные пути международной торговли и усугубило конкуренцию Венеции и Генуи. В результате этих событий произошла перестройка всех приоритетов торговли, изменились номенклатура товаров, характер торговых связей и сами формы коммерции.

Результатом кризиса были две жестокие войны морских республик за преобладание в азово-черноморской торговле: в 1351–1355 и в 1377–1381 гг. Но и после них мало что изменилось в соотношении сил соперников. В последующем длительном противостоянии¹² борьба и конфликты переплетались со взаимным

⁹ *Impositio Officii Gazarie*. P. 386.

¹⁰ См.: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 80.

¹¹ *Карпов С.П.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220–238.

¹² См.: *Волков М.* О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в. // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 151–236; *Brunetti M.* Contributo alla storia delle relazioni Veneto-Genovesi dal 1348 al 1350 // *Miscellanea di Storia Veneta*, ed. per cura della R. Deputazione Veneta di Storia Patria. Ser. III. T. IX. Venezia, 1916. P. 1–160; *Papacostea Ş.* De la guerre du Bosphore à la guerre

деловым сотрудничеством купцов и конъюнктурными временными союзами обеих республик против татар или османов¹³.

Глобальной (и недостижимой) целью соперников было «закрытие» моря для конкурентов, прежде всего — моря Азовского, источника продовольствия и иных местных товаров, включая рабов. Еще начиная с 1269 г. генуэзцами формулируется принцип «*Quod non iretur ad Tanam*» (чтобы не допускать плавания в Тану), включенный затем (как временное, трехлетнее ограничение) в мирные договоры сторон¹⁴. При этом условием любого перемирия с венецианско-пизанским альянсом в 1269–1270 гг. генуэзцы считали утверждение собственного права на свободную коммерцию на Востоке, где были сильны позиции их соперников¹⁵. Ограничения касались навигации именно в Азовском море.

Официальная аргументация генуэзцев широко отражена в венецианской и византийской историографии XIV–XV вв. Венецианские источники (*Venetiarum Historia*, приписываемая Пьетро Джустиниану и другие хроники) подчеркивают желание генуэзцев «присвоить себе» (аргорпгiare) Черное море и запретить венецианцам плавать в Тану, что и вызвало их резкое возражение и военный конфликт. В хронике Энрико Дандоло, наряду с этим аргументом, указывается, что генуэзцы впали в большую гордыню (*se elevono*

de Ténédos: rivalité commerciales et alignements politiques dans le Sud-Est de l'Europe dans la seconde moitié du XIVe siècle // *Coloniser au moyen âge/ sous la direction de M. Balard & A. Ducellier*. Paris, 1995. P. 341–347, 350–352 [перепечатано: *Papacostea Ș. La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204–1453*. București, 2006. P. 179–201].

¹³ *Karpov S.P. Venezia e Genova: rivalità e collaborazione a Trebisonda e Tana, secoli XIII–XV // Genova, Venezia, il Levante nei secoli XII–XIV. Atti del Convegno Internazionale di Studi, Genova–Venezia, 10–14 marzo 2000 / a cura di G. Ortalli — D. Puncuh*. Venezia, 2001. P. 257–272.

¹⁴ *Papacostea Ș. “Quod non iretur ad Tanam”*. Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // *RESEE*. 1979. T. XVII. N 2. P. 201–217 [*Papacostea Ș. La Mer Noire carrefour des grandes routes... P. 132–156*]; *Cristea O. Genoa's Struggle for Hegemony in the Black Sea (Thirteenth–Fourteenth Centuries) // Historical Yearbook*. București, 2005. T. 2. P. 117–132. Впервые положение об исключении для соперников права плавать в Тану было сформулировано в послании генуэзского дожа римскому папе, которого генуэзские послы должны были просить быть гарантом этого ограничения при заключении договора между воюющими Генуей и Венецией: *Cessi R. La tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del sec. XIII // Archivio Veneto-Tridentino*. 1923. T. IV. P. 10. Пикантность ситуации заключалась в том, что в этот момент, когда было написано послание генуэзского дожа, 17 октября 1269 г., папский престол оставался вакантным после смерти Климента IV (29 ноября 1268 г.) и до избрания Григория X (1 сентября 1271 г.). Реальные переговоры вела коллегия кардиналов от имени несуществующего пока еще понтифика.

¹⁵ *Cessi R. La tregua... P. 10–11*.

in molta superbia), и далее приводятся аргументы генуэзской стороны, что Черное море было ими «освобождено» (*franchado per loro*) в борьбе с «сарацинами и татарами», к тому же именно генуэзцы понесли большой урон по вине венецианцев из-за инцидента в Тане в 1343 г., и потому настаивали, чтобы венецианцы не плавали в Азовское море или северочерноморские порты, но направлялись бы лишь в Каффу, где и вели бы свою торговлю. И именно из-за нежелания венецианцев следовать этому ограничению генуэзцы стали противодействовать венецианской навигации (в Тану). В ответ на притязания генуэзцев, венецианский дож Андреа Дандоло, как отмечено еще у одного хрониста конца XIV в. Рафаино Карезини, провозгласил тезис о необходимости всеми силами защищать свободу морей (*libertatem maris summo studio summisque viribus conservare*). Венецианский историк XV в. Лоренцо Моначи приводит более подробную аргументацию. Мотивом для генуэзцев служило то, что якобы именно они очистили море от пиратов и турок. Моначи противопоставлял этой эксклюзивности аналогичную политику Венеции, также очистившей от пиратов и набегов мавров и сарацинов Адриатику, но сделала она это для блага всех христиан, а не только для себя. Автор приводит и еще более интересный аргумент: ключевые пункты моря — Перу и Каффу — генуэзцы приобрели обманом в чужой земле, тогда как венецианцы, владыки четверти и еще полчетверти всей империи Романии, обладают этим не столько силой, сколько по праву и разуму, подтверждая время от времени вечный мир договорами с императором греков. И вновь звучит все тот же мотив: сверх меры возгорелась гордыня генуэзцев (*conflavit elata supra modum superbia Januensium*). Такое же объяснение конфликта, и то же указание на гордыню генуэзцев приводят и другие хронисты XV в.

Генуэзский хронист середины XVI века Паоло Интериано замечает, что венецианцы якобы желали полностью лишить генуэзцев власти над Левантом (*privar totalmente Genovesi del dominio di Levante*). Но, как позднее указывает и сам автор, целью генуэзских капитанов было владычество над морем и слава Республики (*per l'Imperio del mare e per la gloria della loro Republica*), что совсем не противоречит той аргументации обвинений, которые исходили из уст их венецианских оппонентов¹⁶.

¹⁶ См. подробнее: Карпов С.П. Superbia генуэзцев в середине XIV в. глазами византийских и венецианских историков и хронистов // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византинистов. СПб., 2016. С. 75–86.

Итак, уже в столь раннее время мы встречаем формулирование политико-юридических принципов: «свободы морей», с одной стороны, и создания привилегированных зон морской торговли, с закрытием их для конкурентов — с другой. Все это, а также особенности строя самих республик, наложили отпечаток на характер колонизации Причерноморья.

Фактология процессов генуэзской и венецианской колонизации Причерноморья в основных чертах известна¹⁷. Появляются работы и о культурологической составляющей этого процесса¹⁸. Поэтому постараемся выделить главные особенности, сходство и отличие двух вариантов колонизации.

Первое различие производно от самих форм организации власти в метрополиях. Если консолидированный венецианский патрициат опирался на государственные формы поддержки колонизации, и в частности на мощный флот галей «линии»¹⁹, руководствуясь нормативным регулированием Сенатом и другими высшими ассамблеями всех политических инициатив и переговоров, то Генуэзская Республика, где политическая власть была слаба и раздираема фракционными противоречиями, опиралась на инициативу семейных кланов, alberghi²⁰, на юридические и фи-

¹⁷ Heyd W. Histoire du commerce du Levant ... Т. 1–2; Lopez R.S. Storia delle colonie Genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938 (repr.: Genova, 1997); Thiriet F. La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959 (repr.: 1975); Brătianu G. La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane. München, 1968; Balard M. La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978, Т. 1–II; Balletto L. Genova Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII–XV). Genova, 1976; Pistarino G. Genovesi d'Oriente. Genova, 1990; Basso E. Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994; Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000; он же. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма. М., 2017. С. 314–362; Hryszko R. Z Genui nad Morze Czarne. Z kart genueńskiej obecności gospodarczej na północno – zachodnich wybrzeżach Morza Czarnego u schyłku średniowiecza. Kraków, 2004; Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев, 2015.

¹⁸ Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012; Quirini-Popławski Rafał. Sztuka kolonii Genueńskich w basenie Morza Czarnego (1261–1475). Kraków, 2017.

¹⁹ Lane F.C. Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance. Baltimore, 1934; idem. Venice and History. Baltimore, 1966; Stöckly D. Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leiden; N.Y.; Köln: E.J. Brill, 1995; Karpov S.P. La Navigazione Veneziana nel Mar Nero XIII–XV sec. Ravenna, 2000.

²⁰ Ascheri G.A. Notizie storiche intorno alla riunione delle famiglie in alberghi in Genova. Genova, 1846; Grendi E. Profilo storico degli alberghi Genovesi // Mélanges de l'École Française de Rome. Moyen âge – temps modernes. Т. 87/1.1975. P. 241–302; Doosselaere, van Q. Commercial Agreements and Social Dynamics in Medieval Genoa. Cambridge, 2009. P. 176–182.

нансовые механизмы²¹. Сам строй Генуи, генуэзской *Communitas*, вырос и укрепился благодаря изначальной коммерческой организации, объединению, именуемому *Compagna*²². Генуя создавала автономные фактории, управление которыми осуществлялось на основе статуты, согласованных с законодательством метрополии²³. Кроме того, финансовые институты, а с XV в. — знаменитый Банк св. Георгия играли первостепенную консолидирующую роль²⁴. Отсюда и проистекает стремление Венеции укрепиться в немногих, но стабильных центрах, терминалах торговли, связь с которыми осуществлялась при помощи караванов судов, регулярная навигация которых регламентировалось республикой св. Марка. Сами поселения, будь то Тана или Трапезунд, или даже константинопольские кварталы, выполняли функции торговых представительств, контор, не требовавших значительного числа самих венецианских граждан. Но для стабильного функционирования этой торговой сети была нужна своеобразная цепь — *catena veneziana*, протянутая от Адриатики до устья Дона, с опорой на владения в Эгееде. В случае конфликтов Республика действовала централизованно, но медленно и осмотрительно, собирая в кулак свои силы, оснащая и финансируя эскадры кораблей. Венеция проявляла известное безразличие к территориальному освоению кварталов и допускала формальное подчинение местным властям (при сохранении внутренней автономности), как это было в случае с Таной²⁵ или Трапезундом²⁶.

²¹ *Petti Balbi G.* Una città e il suo mare. Genova nel Medioevo. Bologna, 1991; *Pistarino G.* I Signori del mare. Genova, 1992; *idem.* La Capitale del Mediterraneo: Genova nel Medioevo. Bordighera, 1993; *Epstein S.* Genoa and the Genoese, 958–1528. Chapel Hill; London, 1996.

²² *Pistarino G.* La Capitale del Mediterraneo... P. 119.

²³ *Buongiorno M.* L'amministrazione genovese nella "Romania". Legislazione-magistrature-fisco. Genova, 1977.

²⁴ *Sieveking H.* Studio sulle finanze genovesi e in particolare sulla casa di S. Giorgio, trad. dal tedesco da O. Soardi // *ASLSP.* 1906. T. XXXV. Parte 1–2; *Balard M.* Il Banco di San Giorgio e le colonie d'Oltremare // *Balard M.* Gênes et la mer... T. II. P. 675–684; *Felloni G.* Amministrazione ed etica nella Casa di San Giorgio (1407–1805). Lo statuto del 1568. Firenze, 2014.

²⁵ *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // *État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction du M. Balard.* Lyon, 1989. P. 252, 260–261; *Origone S.* Guerra e società nel Mar Nero. Il confronto tra Genovesi e Veneziani // *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies.* Sofia, 22–27 August 2011. Vol. 1. Plenary Papers. Sofia, 2011. P. 433–434.

²⁶ *Карпов С.П.* История Трапезундской империи... С. 343–345, 377–388.

Генуэзцы действовали несколько иначе. Изначально опираясь на частную инициативу, они устраивали небольшие поселения на подконтрольных Орде территориях, заключали сначала частные, а потом и межгосударственные договоры с местными правителями и с самими ханами, а укоренившись и получив привилегии (включая, конечно же — налоговые), начиная с торговой колонизации, постепенно переходили к колонизации территориальной, как это было в Крыму и в Северном Причерноморье. Они создавали основной форпост (сначала это была Пера/Галата, а затем — Каффа) и, опираясь на него, тонкой полосой распространяли сеть своих опорных пунктов вдоль побережья: в Крыму — от Воспоро (Керчи) до Чембало (Балаклавы), переходя от внедрения в городских центрах к овладению (со второй половины XIV в.) сельской периферией, так называемыми казалиями Крыма. Не Генуя, но Каффа была регулятором этого процесса, она согласовывала и координировала свои действия с волей и устремлениями всего патрициата лигурийской метрополии, вовлекая в процессы колонизации все большее число людей из Лигурии, Ломбардии и других окрестных земель и принимая волны переселенцев из Анатолии и Ближнего Востока (армян, греков, сирийцев...) ²⁷. Аналогичную роль выполняла и венецианская Тана, привлекая греческих, армянских, еврейских, русских и иных переселенцев ²⁸.

Разумеется, процессы колонизации не были бесконфликтными. Не раз и не два фактории подвергались опасности разрушения и даже полностью уничтожались (как Тана в 1343, 1395, 1410, 1412, 1418, 1442 гг.) ²⁹, но вновь и вновь предпринимательская инициати-

²⁷ *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle)... Т. II. P. 507–531; Пономарев А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги — массарии казначейства за 1381–1382 г. // Причерноморье в средние века / под ред. С.П. Карпова. М.; СПб., 2000. Т. 4. С. 317–443.

²⁸ *Фомичев Н.М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака — Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов, 1994. С. 5–18; *Tzavara A.* «Εἰς τὸν Τάναϊν ἀποδημήσαντα»: Esempi di immigrazione greca a Tana nei testamenti ivi rogati da notai veneziani (prima metà del XV sec.) // Atti dell' incontro scientifico: Oltre la morte. Testamenti di Greci e Veneziani redatti a Venezia o in territorio greco-veneziano nei sec. XIV–XVIII. Venezia, 22–23 gennaio 2007 / A cura di Chryssa Maltezou e Gogò Varzelioti. Venezia, 2008. P. 59–81; *Карпов С.П.* Межэтнические отношения и смешанные браки на окраине Латинской Романии (Тана, XIV–XV века) // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова. М., 2011. С. 208–215.

²⁹ *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. Т. 94. No. 3–4. P. 363–379.

ва и политическая необходимость³⁰ возрождали их к новой жизни, и лишь османское завоевание 1475 г. поставило точку в их истории.

Отношения колонистов с местным населением были непростыми. В любом из вариантов местное торговое население не вытеснялось, но превращалось в младших партнеров, не имевших сравнимых с купеческой верхушкой капиталов и не участвовавших в торговых ассоциациях типа комменды, но часто выполнявшей посреднические функции в операциях с восточными купцами³¹. Городские низы, как и везде, оставались эксплуатируемой категорией и на их долю оставалось быть грузчиками-камалами, слугами, портовыми работниками, плотниками и т.д. Ни о каком равноправии в факториях местных жителей и имевших римское гражданство западноевропейцев речи не было.

Однако местные жители-христиане могли пользоваться защитой и покровительством властей фактории и обладать равными с итальянцами налоговыми привилегиями при уплате коммерческих местным правителям, если они получали статус *fideles*, подданных, «белых» венецианцев или равный им. Существовали специальные процедуры предоставления тех или иных гражданских прав лицам, находившимся под покровительством властей морских республик. Они не означали обретение статуса гражданина этих республик³², но лишь приобретение привилегий, прежде всего — фискальных, защиты и покровительства со стороны Венеции или Генуи. Статус гражданина, *civis*, был высшим, самым юридически определенным, несмотря на существовавшие внутри самой Венеции различия между исконными гражданами-оригинариями и теми, кто приобретал статус гражданина путем пожалования (эти граждане имели некоторые ограничения

³⁰ *Karpov S.P.* Perché Tana? Motivazioni ufficiali per proteggere e mantenere un lontanissimo insediamento veneziano // *POLIDORO. Studi offerti ad Antonio Carile* | a cura di Giorgio Vespignani. Spoleto, 2013. P. 569–576.

³¹ См., напр.: *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle)... Т. II. P. 870–883; *Карпов С.П.* Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // *Византийский временник*. 1983. Т. 44. С. 81–87; он же. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье... С. 260–299; *Laiou A.E.* Venetians and Byzantines: Investigation of Forms of Contact in the Fourteenth Century // *Thesaurismata*. 1992. Т. 22. P. 29–43; *Еманов А.Г.* Между полярной звездой и полуденным солнцем. Каффа в мировой торговле XIII–XV веков. СПб., 2018. С. 122–130.

³² См. об этом: *Климанов Л.Г.* “Quod sunt cives nostri”: статус венецианского гражданства в XIV в. // *Культура и общество Италии накануне Нового времени*. М., 1993. С. 28–38.

в правоспособности и правах ведения торговли³³). Статус *cives* любого рода жестко ограничивался для всех невенетянцев по крови, и попытка провести в Сенате решение разрешить венецианскому консулу в Тана (для расширения социальной базы поселения) предоставлять, даже с ограничениями, такие права купцам-латинянам и при том исключительно на территории, контролируемой Золотой Ордой, было решительно отклонено и в регистрах канцелярии консулата Таны встречаются упоминания граждан только самой Таны под венецианской опекой³⁴. В Генуе такие ограничения гражданства были менее строгие. Среди *cives* Каффы встречались как генуэзцы по происхождению (их большинство), так и греки, и армяне. Равным образом, термин *burgensis Caffè* маркировал одновременно и членов древних генуэзских родов, которые проживали в бургах Каффы, так и привилегированную верхушку из местных жителей, владевшую недвижимостью³⁵. Статус *burgensis* Каффы открывал доступ к низшим органам местного самоуправления³⁶. В венецианской Тана статус *burgensis* Таны обнаружен нами лишь единожды³⁷, у генуэзцев он встречается постоянно, расширяя социальную опору колонистов. У генуэзцев степень интегрированности местного населения была выше: из греков, армян, татар и иных этносов рекрутировались иррегулярные воинские отряды для охраны факторий

³³ Casini M. La cittadinanza originaria a Venezia tra i secoli XV e XVI. Una linea interpretativa // Studi Veneti offerti a Gaetano Cozzi. Venezia, 1992. P. 133–150; Mueller R.C. Veneti facti privilegio: les étrangers naturalisés à Venise entre XIVe et XVIe siècle // Les étrangers dans la ville: minorités et espace urbaine du bas Moyen Age à l'époque moderne / sous la direction de J. Bottin et D. Calabi. Paris, 1999. P. 171–181; idem. Immigrazione e cittadinanza nella Venezia medievale. Roma, 2010.

³⁴ Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XV, f.59r [Diplomatarium Veneto — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 1: a.1300–1350 / ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880. P. 251]–18/II 1333; Doumerc B. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction du M.Balard. Lyon, 1989. P. 252–253.

³⁵ Balard M. Les orientaux à Caffa au XVe siècle // Byzantinische Forschungen. 1987. T. XI. P. 235; Pistrino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 118–122; Барабанов О.Н. Новые материалы о статусе *burgenses* генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3. С. 117–125.

³⁶ Balard M. La Romanie Génoise ... T. 1. P. 327–334; idem. Les milieux dirigeants dans les comptoirs génois d'Orient (XIIIe–XVe ss.) // Balard M. La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe–XVe siècles). London, 1989, art. N III (первоначально опубликовано в: La Storia dei Genovesi, t.1. Genova, 1981. P. 159–181).

³⁷ Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, Notai, 19. Benedetto Bianco, cart. 1, N 182.

и поддержания внутреннего порядка (оргузии — в свите консула, соции, так называемые казаки и др.)³⁸. Венецианцы предпочитали рекрутировать профессиональных воинов (лучников-баллистариев и иных) из «латинян». Часто встречающийся в источниках термин *habitor* не имеет юридического смысла и указывает только на длительность проживания в фактории как колонистов, так и местного населения. Итак, у генуэзцев, при наличии статусных градаций, допускалось инкорпорирование местных жителей-христиан (не только католиков) в органы самоуправления, у венецианцев это было скорее исключением³⁹.

Итальянские фактории Причерноморья были источником приобретения рабов⁴⁰. Их покупали как полон у татар, у обедневших родителей, их приобретали всеми доступными способами, цены на них постоянно росли, особенно после кризиса середины XIV в. Колонисты, как это описал очевидец Иосафат Барбаро, устраивали подлинную охоту за подъезжавшими (в свою очередь, для грабежа) степняками⁴¹, патроны кораблей захватывали местных жителей на побережье и продавали их в рабство⁴² и т.д. Число вывозимых из портов Причерноморья рабов измерялось тысяча-

³⁸ *Činperis A.M.* Социально-экономическое положение и движения моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV–XV вв. // УЗ Кабардинского ГПИ. 1956. Вып. 9. С. 67–79; *Činperis A.M.* Situazione interna e lotta di classe a Caffa tra gli anni '50 e '70 del XV secolo // *Storici sovietici del Levante Genovese* / a cura di A. Prefumo. Genova, 1985. P. 223–257; *Balard M.* In extremo Europae: les soudoyers de l'Orient génois (XIVe–XVe siècles) // *Histoire et société. Mélanges offerts à Georges Duby*. Aix-en-Provence, 1992. T. 2. P. 167–180; *idem.* Gênes et la mer. Genova e il mare ... T. 2. P. 821–830.

³⁹ *Карпов С.П.* Гражданский статус и этнический состав населения итальянских факторий Причерноморья в XIV–XV // От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 36–42.

⁴⁰ *Verlinden Ch.* Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles) // *Miscellanea historica in honorem Leonis van der Essen*. Bruxelles; Paris, 1947. P. 287–298; *idem.* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // *Studi in onore di Gino Luzzatto*. Milano, 1950. Vol. 2. P. 1–25; *idem.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2: Italie. Colonies italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977; *Barker H.* Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500. Columbia University, 2014; *Карпов С.П.* Работоторговля в Тане в XIV–XV вв. (преимущественно по данным венецианских нотариальных источников) // *Византийский временник*. 2017. Т. 101. С. 128–142.

⁴¹ *Скряжинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 122–123, 147; *I Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini* / a cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M.F. Tiepolo. Roma, 1973. P. 81–82.

⁴² *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000. С. 176–178.

ми в год, но не десятками тысяч, как в османский период⁴³. Рабы составляли заметную часть населения самих факторий. Разумеется, они были лишены юридической правоспособности, но, в отличие от классического римского рабства, зачастую отпускались на волю хозяевами по достижении определенного возраста (женщины даже с приданым). Случаи сожителства хозяев со служанками или рабынями были обыденным явлением, и дети (особенно мальчики) могли включаться в семью хозяина и становиться полноправными римскими гражданами⁴⁴. Их матери также получали свободу через акты манумиссии.

Механизмы управления факториями у венецианцев и генуэзцев были разными. Венеция управляла ими непосредственно из метрополии, Генуя — через свой главный форпост Каффу, а в 1453 г. передала административное и финансовое управление факториями Банку св. Георгия⁴⁵. Однако все высшие магистраты факторий были выборными и назначались на короткий срок (генуэзский консул Каффы — на один год, венецианский консул Таны — на два) с возможностью продления мандата только в особых случаях и на основании специальных решений. Консулы во время несения службы обладали широкими судебными и административными полномочиями, вплоть до применения высоких штрафов и суровых телесных наказаний, даже казни. В вершении суда им помогали специальные юристы — викарии⁴⁶. Но по истечении срока полномочий консулы подлежали процедуре расследования и специальному суду — синдикаменту. В венецианском варианте следствие начинали прибывшие в факторию новые магистраты, собиравшие все доказательства правовых и административных нарушений у полноправных жителей, а заканчивалось все судом в метрополии, где основным наказанием при обнаружении нарушений был денежный штраф, взыскиваемый из оставляемого консулом перед отправкой в факторию залога. При обнаружении серьезных преступлений магистрату запрещалось

⁴³ *Inalcik H. Quataert D. (ed.). An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914.* Cambridge, 1994. P. 283–284

⁴⁴ *Капнов С. П. Латинская Романия...* С. 199–206.

⁴⁵ *Kressel R. Ph. The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio.* The Univ. of Wisconsin PhD. Univ. Microfilms Inc. Ann Arbor. Michigan, 1966.

⁴⁶ *Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare.* Genova, 1974. P. 14–24; *Balletto L. L'administration de la justice dans les établissements génois d'Outre-mer // Coloniser au moyen âge/ sous la direction de M. Balard et A. Ducellier.* Paris, 1995. P. 258–268, 275–276.

ли впредь на определенный срок или навсегда занимать эту выборную должность⁴⁷. В генуэзском варианте синдикацию производила специальная юридическая комиссия, на решение которой можно было апеллировать. Но рассмотрение апелляций зачастую длилось годами, и лишь потомкам магистратов иногда удавалось добиваться оправдания своих невинно осужденных или оклеветанных (увы, это случалось нередко) пращуров по суду⁴⁸. Немногие сохранившиеся «синдикаменты» в деталях рассказывают нам о подобных казусах⁴⁹.

Ведение делопроизводства в факториях осуществлялось нотариумами. И здесь венецианская и генуэзская практика различалась⁵⁰. Венецианские нотариумы были исключительно клириками, священниками венецианских храмов⁵¹, генуэзские, напротив, светскими лицами, входившими в нотариальную коллегию⁵². И там, и там требовалась инвеститура и избрание, но в генуэзской практике нотариум канцлеров фактории подбирал себе консул (затем они утверждались), а в венецианской — канцлер фактории избирался столичными магистратурами. Кроме того, как правило, в небольших венецианских факториях, как Тана или Трапезунд, одновременно работал один нотариум-канцлер фактории (не считая корабельных нотариумов и писцов), а в генуэзском варианте таких нотариумов могло быть несколько, включая и част-

⁴⁷ Карпов С.П. Преступления и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валарессо (1423) // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 32–43; он же. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) // Причерноморье в средние века. СПб., 2011. С. 122–138.

⁴⁸ Карпов С.П. Консулы генуэзской Каффы перед судом и наветом // он же. Латинская Романия... С. 152–159.

⁴⁹ См. напр.: Синдикаменты Перы 1402–1403 гг.: Archivio di Stato di Genova. San Giorgio, Sala 34, No. 590/1306–1307 — Peirae Sindicamenta. Синдикамент капитана генуэзской Фамагусты на Кипре: Otten-Froux C. Une enquête à Chypre au XVe siècle. Le *sindicamentum* de Napoleone Lomellini, capitaine génois de Famagouste (1459). Nicosie, 2000. Общий обзор этих источников: *eadem*. Contribution à l'étude de la procédure du *sindicamentum* en Méditerranée orientale (XIVe–XVe siècle) // Chemins d'outre-mer. Etudes sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard. Paris, 2004. Т. 2. P. 639–650.

⁵⁰ Bartoli Langeli A. Il notariato // Genova, Venezia, il Levante nei secoli XII–XIV. Atti del Convegno Internazionale di Studi, Genova — Venezia, 10–14 marzo 2000 / a cura di G. Ortalli — D. Puncuh. Venezia, 2001. P. 73–101.

⁵¹ Tiepolo M.F. Notai veneziani, 'da mar' // Il notariato veneziano tra X e XV secolo / a cura di G. Tamba, Sala Bolognese, 2013. P. 71–161.

⁵² Costamagna G. Il notaio a Genova tra prestigio e potere. 2 ed. Milano, 1995; Balletto L. Il Mar Nero nei notai genovesi: panoramica generale, stato degli studi, progetti di pubblicazione // Причерноморье в средние века. СПб., 2006. Вып. VI. С. 22–42.

ных нотариев, и писцов книг финансовой отчетности — массарий. Еще одно отличие заключалось в языке нотариальных актов. В генуэзской практике все акты (от кратких суммарных регистрационных записей — имбревиатур, до выдаваемых на руки контрагентам оригиналов, именуемых «инструментами») составлялись на латыни, а в венецианской — латынь перемежалась с венецианским диалектом, особенно когда речь шла о записи показаний свидетелей, не владевших латынью, но далеко не только в этих случаях.

Хотя в факториях действовали католические храмы и монастыри, не связанные напрямую с метрополиями, власти факторий предпочитали обращаться к «своим» священникам, а там, где фактории соседствовали (как, например, в Тане), и приходилось при необходимости обращаться к клирику другой «нации», — это вызывало у властей подозрение и даже обвинения в измене⁵³.

Нотарии, разумеется, составляли акты разного юридического содержания. Но значительная и наиболее оберегаемая их часть — это завещания и исполнительные распоряжения по ним. Изучение этих источников открывает богатую палитру знаний об имуществе и занятиях, о быте и досуге, о хозяйственной и административной деятельности завещателей. На их основании можно судить и о предпочтениях итальянцев, живших больший и меньший срок в факториях. Исследование корпуса завещаний венецианского канцлера в Тане 60-х гг. XIV в. Бенедетто Бьянко показало, например, что завещатели предпочитали оставлять большие вклады венецианским храмам и богоугодным заведениям, чем храмам и церквям самой Таны, даже если они там проживали длительный срок. Это был сравнительно небольшой процент от завещанного капитала⁵⁴.

У нас нет возможности сколько-нибудь подробно рассматривать здесь историю культуры факторий Причерноморья. Упомяну только, что в них складывался своеобразный синкретический стиль, объединявший художественные предпочтения и ремесленные навыки Запада и Востока, причудливо переплетая их в общий букет, где греческие, итальянские, армянские, иранские, золотоордынские мастера обменивались опытом и приемами мастерства

⁵³ Карпов С.П. Преступления и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валарессо... С. 40.

⁵⁴ Карпов С.П. Корпус завещаний венецианского нотариуса Бенедетто Бьянко как источник по истории Таны в середине XIV в. // Византийский временник. 2015. Т. 74 (99). С. 142.

и создавали нечто столь разнообразное, что определить, в каком именно месте и в какой мастерской изготавливалось изделие, зачастую невозможно: там плавно осуществляется переход от одного стиля к другому, изделие одних мастеров получает надпись на ином языке, выполненную другими. Мастера приспосабливались к вкусам своих потребителей, особенно когда речь шла о церемониальных дарах, типа кубков или серебряных поясах с фигурными изображениями⁵⁵. И в языке (за пределами официального делопроизводства и специальных школ грамматиков и скрипториев) происходило столь же примечательное смешение слов, фраз, образов, понятных вступающими в общение людьми разных этносов и формировавшее особый язык — лингва франка, изредка оставивший свой след в письменных источниках⁵⁶.

Международный товарообмен, в который в XIII—XV вв. было вовлечено Причерноморье, способствовал унификации цен, созданию международных рынков с общими регуляторами цен на пространстве от Азовского моря до берегов Атлантики, обмену как товарами, производственным опытом, так и политической информацией, а в известной мере и достижениями культуры. Разве не удивительно, что генуэзский купец заказывает себе надгробие со стрельчатыми арками готической архитектуры в клуатре храма св. Франциска в Каффе?⁵⁷ Разумеется, вся эта интеграция осуществлялась при доминировании и в интересах итальянского купечества, сопровождалась эксплуатацией местного населения, расцветом работорговли. Изучая ее проявления, мы должны видеть ее разные стороны и результаты, не затушевывая негативных сторон и не замалчивая достижений.

Конец и венецианскому, и генуэзскому предпринимательству в Причерноморье положила османская экспансия второй половины XV в., поглотившая бывшие фактории венецианцев и генуэзцев⁵⁸, поработившая, переселившая или изгнавшая значительную

⁵⁵ См., напр.: *Крамаровский М.Г.* Поясной набор со сценой «спора о вере» из собрания Эрмитажа (XIV — первая половина XVв.) // АДСВ. 1999. Т. 30. С. 234—252; *он же.* Человек средневековой улицы... С. 304—320.

⁵⁶ *Maltezos Chr.* Terminologia navale Grecoveneta // JÖB. 1994. Bd. 44. P. 283—289; *Bádenas P.* La lingua franca, moyen d'échange et de rencontre dans un milieu commun // BS, LVI/2. 1995. P. 493—505.

⁵⁷ Акты генуэзских нотариусов, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV—XV вв. / под ред. С.П. Карпова, сост. М.Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо // Причерноморье в средние века. СПб., 2018. С. 12, 227.

⁵⁸ *Inalcik H. Quataert D. (ed.).* An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300—1914. Cambridge, 1994. P. 273—274.

часть прежнего населения факторий⁵⁹, постепенно вводившая жесткий контроль торговли на проливах⁶⁰ и превратившая черноморский бассейн во внутреннее озеро Порты в XVI —первой половине XVIII в. Но это уже другая история.

⁵⁹ *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente... P. 95–142, 281–382, 477–518; *Musso G.G.* Il tramonto di Caffa genovese // *Miscellanea di storia ligure in memoria di G. Falco.* Genova, 1966. P. 313–339.

⁶⁰ *Inalcik H.* The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans // *АП.* 1979. Т. 35. P. 74–110.

Venezia e Genova: due modelli di colonizzazione del Mar Nero

S.P. Karpov

Moscow State University

Innanzitutto sarebbe necessario, a mio avviso, marcare una netta distinzione tra i concetti di “colonialismo” e di “colonizzazione”. Il concetto di “colonialismo”, come giustamente lo definisce la Grande Enciclopedia Russa, indica la “sottomissione e sfruttamento da parte di uno stato (o di più stati) tramite metodi di coercizione militare, politica ed economica dei popoli, paesi e territori di solito meno sviluppati economicamente ed abitati da una popolazione autoctona”¹. Il concetto di “colonizzazione”, invece, descrive un fenomeno più complesso ed eterogeneo, non riducibile solamente allo sfruttamento, ma comprendente anche aspetti di una colonizzazione nomade, migratoria, commerciale, ecc. Essa può essere associata a dei partenariati, a delle opere missionarie, nonché a varie forme di insediamento sul territorio, includendo anche quello non abitato. Dunque la colonizzazione rispetto al colonialismo contiene una maggiore variabilità di manifestazioni concrete e si differenzia da questo sotto molti punti di vista.

Le Repubbliche marinare italiane effettuarono l'espansione commerciale nel Mar Nero in tempi e circostanze diversi. Ciò va tenuto in considerazione quando si fa un qualsiasi confronto dell'importanza e dell'influenza della colonizzazione. Nel 1204 i veneziani, assidui partecipanti della IV Crociata, s'impossessarono dei quartieri commerciali di Costantinopoli e di una notevole parte delle isole e dei territori bizantini nell'Egeo. La via verso le coste del Mar Nero fu per loro spalancata. Tuttavia i veneziani non vi si precipitarono poiché tutte le loro forze erano impiegate a colonizzare Creta ed altri territori conquistati, mentre le principali rotte commerciali verso i rifornimenti delle spezie e di altre merci orientali di loro interesse transitavano attraverso Baghdad, Siria e Palestina aggirando Costantinopoli e il Mar Nero. La situazione cambiò verso gli anni 60 del Duecento quando, dopo le invasioni dei mongolo-tatari che distrussero gli antecedenti

¹ Cfr.: https://bigenc.ru/world_history/text/2081842

snodi commerciali a Nord e a Sud del Mar Nero, nacquero delle potenti *enclaves* dell'Impero Mongolo – l'Orda d'Oro (Ulus Giuci) e lo stato degli Il-khan. In entrambi gli stati le direttrici principali del commercio che si estendevano dalla Cina, India e Asia Centrale fino ai confini europei venivano tenute in ordine dall'istituita Pax Mongolica². I terminali dei queste rotte, dopo la distruzione della città di Baghdad e degli altri centri commerciali del Vicino Oriente, si spostarono a Sud verso Trebisonda, a Nord verso le città della costa meridionale del Mar Nero, e a Tana (Azak/Azov) nella foce del Don³. I Genovesi furono per i primi a capire i vantaggi della nuova situazione e si affrettarono prima di tutto a stabilirsi sul Bosforo, grazie a un accordo con l'imperatore – prima niceno e poi bizantino – Michele VIII Paleologo, e in seguito ad allacciare i rapporti inizialmente informali e dopo contrattuali con i khan ed emiri dell'Ulus Giuci. Questo fatto avvenne all'inizio degli anni 70 del XIII sec.⁴ Di conseguenza venne loro concesso il territorio adiacente alla magnifica baia di Teodosia nella località all'epoca chiamata Caffa per l'insediamento. Proprio Caffa diventerà per i genovesi la principale base d'appoggio della loro colonizzazione, emarginando sempre di più il piccolo insediamento veneziano di Sugdea/Soldaia/Sudak per poi soffocarlo del tutto sia politicamente che economicamente anche grazie alla via diretta e più comoda che portava da Caffa verso il centro dei possedimenti dell'Orda in Crimea – Solgat. I veneziani dovettero colmare il ritardo. Il loro primo tentativo di respingere gli avversari si trasformò nella famosa guerra di Curzola, quando nel 1296 la flotta veneziana sotto il commando dell'ammiraglio nonché del futuro doge Giovanni Soranzo conquistò e distrusse Caffa, ma, non riuscendo a sopportare le dure condizioni dello svernamento, abbandonò l'insediamento al proprio destino. I genovesi tornarono dopo un paio d'anni ma il conflitto con i tatars e l'attacco del khan Nogai nel 1307 li ostacolarono: dopo un lungo assedio e una forte resistenza, nel 1308 Caffa venne abbandonata e incendiata dai coloni. L'interruzione delle loro attività nel luogo

² *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // *Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World* / Amitai R., Biran M. eds. Leyden; Boston, 2005. P. 391–394.

³ Vedi: *Карпов С.П.* От Таны – в Ургенч: Эти трудные дороги средневековья // *Средние века*. 2000. С. 217–224; *Карпов С.П.* Main changes in the Black Sea Trade and Navigation, 12th–15th Centuries // *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*. Sofia, 22–27 August 2011. Vol. I. Plenary Papers. Sofia, 2011. P. 419–421.

⁴ *Balard M.* Gênes et la mer. Genova e il mare. Genova, 2017. T. II. P. 771–772 (la fondazione dell'insediamento risale al periodo che va dal 1268 al 1275 con maggior probabilità che si tratti del periodo attorno al 1275).

durò dal 1308 al 1312⁵. A partire dal 1313 grazie all'accordo con il nuovo khan Uzbek la colonia di Caffa rinacque e nel 1316 ottenne dalla metropoli, con la promulgazione degli Statuti di Gazaria, un solido regolamento giuridico a fondamento delle sue attività. Per sostenere una rapida ripresa di Caffa l'Ufficio di Gazaria vietò ai genovesi di svernare nella colonia vicina di Tana, sul Mar d'Azov, di acquistarvi le case, nonché di commerciare a Soldaia e di scaricare le merci negli scali lungo la costa che va da Soldaia fino alla stessa Caffa. Inoltre tutte le navi genovesi dirette nel Mar d'Azov dovevano fare una sosta obbligatoria a Caffa per un giorno come minimo (al fine di pagare un apposito dazio). Le multe inflitte ai trasgressori dal podestà di Pera e dal console di Caffa venivano destinate a finanziare i lavori edili a Caffa⁶. Gli scontri con i veneziani continuarono: negli anni 1323 e 1328 una squadra di galee sotto il comando di Giustiniano Giustiniani venne mandata nel Mar Nero per esercitare la pressione sui genovesi. Se nel primo caso tutto si risolse con delle trattative di pace con i caffini, nel secondo caso, vicino al Bosforo, si avviarono le azioni belliche e i veneziani catturarono le navi genovesi⁷. In questo modo i veneziani metterono in discussione il dominio genovese nel Mar Nero. Tuttavia il maggior ostacolo per lo sviluppo della navigazione genovese nel Mar Nero, a partire dalla fine del XIII sec., fu costituito non dai veneziani, ma dai pirati turchi. La lotta dei genovesi era diretta contro Sinope, trasformata dal suo signore Tadgi al Din Gazi Çelebi in un centro della pirateria del Mar Nero. Nel 1313 e 1314 la flotta di Tadgi al Din per ben due volte attaccò la città di Caffa⁸. Gazi Çelebi conduceva una vera e propria guerra pirata contro le navi commerciali genovesi, e lo Statuto di Caffa (Ordo de Caffa) del 1316 vietò alle navi genovesi

⁵ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. I. С. 120, 162; *Varagine, da, Iacopo* e la sua Cronaca di Genova / studio introduttivo e testo critico commentato di *Monleone G.* Roma, 1941. Т. I. P. 479–480; *Golubovich G.* Biblioteca Bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano. Т. III (dal 1300 al 1332.). Quaracchi, presso Firenze, 1919. P. 173–174; *Nystazopoulou M.G.* Η εν τη Ταυριική Χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνα. Athenai, 1965. P. 129, N 125; *Ballard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. Т. I. P. 202.

⁶ *Impositio Officii Gazarie*, a cura di L. Sauli // MHP. Vol. 2. Torino, 1838. P. 378, 380–382; *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1885–1886. Т. II. P. 170–171.

⁷ *Cristea O.* Veneția și Marea Neagră în secolele XIII–XIV. Contribuții la studiul politicii orientale venețiene. Brăila, 2004. P. 99–116.

⁸ Vedi: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2017. С. 348–349.

l'accesso nel porto di Sinope⁹. Ma le discordie intestine e le lotte tra le fazioni a Genova minavano il rispetto rigoroso di questo divieto. Di conseguenza nell'anno 1323 oppure 1324, Gazi Çelebi catturò e uccise a tradimento gli equipaggi delle galee dei guelfi genovesi con i quali poco prima ebbe stretto un accordo sulle attività congiunte contro i ghibellini di Pera. Nel 1340 la flotta commerciale genovese, sotto il comando di Simone di Quarto, attaccò la squadra dei corsari di Sinope e la sconfisse. Nel 1346 le azioni belliche contro Sinope vennero effettuate già dalla marina militare genovese che devastò il territorio dell'emirato. Nel 1361 fu la volta della flotta di Sinope a compiere un'improvvisa incursione contro Caffa recando dei danni ai genovesi. Solo dopo aver armato le galee di Caffa e di Pera i genovesi riuscirono finalmente a sconfiggere la flotta di Sinope¹⁰.

Un noto spartiacque nella storia della colonizzazione italiana del Mar Nero rappresentò la crisi della metà del XIV secolo. La crisi iniziò con gli scontri tra i tatarsi e i veneziani a Tana nel 1343 dopodiché il khan Gianibek assediò Caffa per due volte: nel 1343 e 1346. Subito dopo, negli anni 50 del XIV sec. si disgregò l'impero di Il-khan e, a partire dal 1359, scoppiò una lunga guerra intestina nell'Orda d'Oro, la cosiddetta "Grande discordia". Nel 1368 in Cina cadde la dinastia Ming, ultimo baluardo dell'impero Mongolo, un tempo unificato¹¹. Questo evento distrusse il sistema prima ben funzionante delle vie transcontinentali del commercio internazionale ed inasprì la concorrenza tra Venezia e Genova. Ne conseguì il ridimensionamento di tutte le priorità di commercio: cambiò la nomenclatura merceologica, il carattere dei rapporti commerciali e le forme stesse del commercio.

A questa crisi seguirono due sanguinose guerre scoppiate tra le due repubbliche marinare per il controllo del commercio nel mar d'Azov e nel Mar Nero: nel 1351–1355 e nel 1377–1381. Tuttavia il rapporto di forza tra le rivali rimane praticamente inalterato. Nella successiva contrapposizione di lunga durata¹² la lotta e i conflitti si intrecciavano

⁹ *Impositio Officii Gazarie*. P. 386.

¹⁰ Vedi: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 80.

¹¹ *Карпов С.П.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики* / отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220–238.

¹² Vedi: *Волков М.* О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в. // *ЗООИД*. 1860. Т. 4. С. 151–236; *Brunetti M.* Contributo alla storia delle relazioni Veneto-Genovesi dal 1348 al 1350 // *Miscellanea di Storia Veneta*, ed. per cura della R. Deputazione Veneta di Storia Patria. Ser. III. T. IX. Venezia, 1916. P. 1–160; *Papacostea Ş.* De la guerre du Bosphore à la guerre de Ténédos: rivalité commerciales et alignements politiques dans le Sud-

con le reciproche collaborazioni d'affari dei mercanti e con le alleanze temporanee congiunturali di entrambe le repubbliche contro i tatarsi o gli ottomani¹³.

L'obiettivo globale (ed irraggiungibile) di entrambe le rivali consisteva nella "chiusura" del mare per i concorrenti, soprattutto del Mar d'Azov in quanto fonte di approvvigionamento e di altre merci locali, compresi gli schiavi. Già a partire dal 1269 i genovesi formularono il principio «quod non iretur ad Tanam», inserito dopo (a tempo limitato di tre anni) negli accordi bilaterali¹⁴. A questo punto come condizione di qualsiasi accordo con l'alleanza veneziano-pisana nel 1269–1270 i genovesi consideravano l'affermazione del loro diritto di libero commercio in Oriente, laddove erano forti le posizioni dei loro rivali¹⁵. Le restrizioni riguardavano la navigazione proprio nel Mar d'Azov.

L'argomentazione ufficiale dei genovesi è riflessa ampiamente nella storiografia veneziana e bizantina del XIV-XV sec. Le fonti veneziane (*Venetiarum Historia*, attribuita a Pietro Giustiniani ed altre cronache) ribadiscono il desiderio dei genovesi di "impadronirsi" del Mar Nero e di vietare ai Veneziani di recarsi a Tana. Questo fatto causò la loro decisa protesta e il conflitto bellico. Nella Cronaca di Enrico Dandolo, accanto a questo argomento, si afferma che i genovesi avrebbero assunto un atteggiamento altezzoso ("se elevono in molta superbia"), dopodiché vengono riportate le motivazioni della parte genovese secondo cui il Mar

Est de l'Europe dans la seconde moitié du XIVe siècle // Coloniser au moyen âge/ sous la direction de M.Balard & A.Ducellier. Paris, 1995. P. 341–347, 350–352 [ristampa: *Papacostea Ș.* La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204–1453. București, 2006. P. 179–201].

¹³ Karpov S.P. Venezia e Genova: rivalità e collaborazione a Trebisonda e Tana, secoli XIII–XV // Genova, Venezia, il Levante nei secoli XII–XIV. Atti del Convegno Internazionale di Studi, Genova – Venezia, 10–14 marzo 2000 / a cura di G. Ortalli – D. Puncuh. Venezia, 2001. P. 257–272.

¹⁴ *Papacostea Ș.* "Quod non iretur ad Tanam". Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // RESEE. 1979. T. XVII. N 2. P. 201–217 [*Papacostea Ș.* La Mer Noire carrefour des grandes routes... P. 132–156]; *Cristea O.* Genoa's Struggle for Hegemony in the Black Sea (Thirteenth–Fourteenth Centuries) // Historical Yearbook. București, 2005. T. 2. P. 117–132. Per la prima volta la tesi sul divieto per i rivali di navigare a Tana venne formulata in una lettera del Doge genovese al Papa di Roma, al quale gli ambasciatori genovesi dovevano chiedere di diventare garante di questo divieto al momento della stipula del trattato tra le parti belligeranti – Genova e Venezia: *Cessi R.* La tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del sec. XIII // Archivio Veneto-Tridentino. 1923. T. IV. P. 10. La cosa curiosa è che nel momento della redazione della lettera del Doge, 17 ottobre 1269, la sede pontificia era ancora vacante dopo la morte di Clemente IV (29 novembre 1268) fino all'elezione di Gregorio X (1 settembre 1271). Le trattative vere e proprie furono condotte dal collegio cardinalizio a nome del pontefice che non c'era ancora.

¹⁵ *Cessi R.* La tregua... P. 10–11.

Nero sarebbe stato “liberato” da loro (“franchado per loro”) nella lotta contro “i saraceni e i tatarsi”; inoltre proprio ai genovesi sarebbe stato recato un grave danno per colpa dei veneziani a causa dell’incidente di Tana del 1343, e quindi la loro richiesta consisteva nel vietare ai veneziani di recarsi nel Mar d’Azov o verso gli scali settentrionali del Mar Nero affinché si dirigessero solamente a Caffa per svolgervi le loro attività commerciali. Proprio a causa del rifiuto da parte dei veneziani di rispettare questa imposizione, i genovesi cominciarono a contrastare la navigazione veneziana (verso Tana). In risposta alla pretesa dei genovesi il doge veneziano Andrea Dandolo, — come lo afferma Rafaino Caresini, un altro cronista della fine del XIV sec., — si pronunciò a favore della difesa con tutti i mezzi della libera navigazione sui mari (“libertatem maris summo studio summisque viribus conservare”). Lorenzo Monaci, storico veneziano del XV sec., fornisce l’argomentazione più articolata: la motivazione principale dei genovesi consisteva nel fatto che sarebbero stati proprio loro ad aver liberato il mare dai pirati e dai turchi. Monaci contrappose a questo esaltato protagonismo l’esempio della politica di Venezia che nello stesso modo avrebbe difeso l’Adriatico dai pirati e dalle incursioni dei mori e saraceni facendolo però per il bene di tutti i cristiani e non solo per sé stessa. L’autore riporta un altro argomento ancora più interessante: i punti chiave del mare — Pera e Caffa — sono stati acquisiti dai genovesi grazie all’inganno nella terra altrui, mentre i veneziani, dominatori di un quarto e mezzo di tutto l’impero di Romania, lo posseggono non tanto grazie alla forza quanto grazie al diritto e all’intelligenza, confermando di tanto in tanto per via dei trattati con l’imperatore dei Greci la pace eterna. Risuona di nuovo lo stesso *leitmotiv*: la superbia dei genovesi ha superato ogni limite («conflavit elata supra modum superbia Januensium»). La stessa spiegazione del conflitto e lo stesso riferimento alla superbia dei genovesi si ritrovano nelle opere di altri cronisti del XV sec.

Secondo il cronista genovese della metà del XVI sec. Paolo Interiano, i veneziani desidererebbero “privar totalmente Genovesi del dominio di Levante”. Ma, come ribadisce subito dopo lo stesso autore, l’obiettivo dei capitani genovesi era il dominio sul mare e la gloria della Repubblica (“per l’Imperio del mare e per la gloria della loro Repubblica”), il che non contraddice affatto le accuse della controparte veneziana¹⁶.

¹⁶ Vedi in particolare: *Капов С.П.* Superbia генуэзцев в середине XIV в. глазами византийских и венецианских историков и хронистов // *Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византинистов.* СПб., 2016. С. 75–86.

Dunque già in tempi così remoti troviamo la formulazione dei principi politico-giuridici quali “libertà dei mari” – da un lato, e la creazione di zone privilegiate del commercio marittimo chiuse per i concorrenti – dall’altro. Tutti questi fattori, sommati alle specificità dell’ordinamento politico delle stesse repubbliche, incisero fortemente sul carattere della colonizzazione del Mar Nero.

I fatti storici inerenti ai processi della colonizzazione genovese e veneziana del Mar Nero sono sostanzialmente ben noti¹⁷. Non mancano neanche le ricerche sulla componente culturale di questo processo¹⁸. Perciò cercheremo di individuare le caratteristiche principali, somiglianze e differenze tra i due modelli della colonizzazione.

La prima differenza deriva dalle forme stesse dell’organizzazione del potere nelle due repubbliche. Se il consolidato patriziato veneziano si avvaleva delle forme statali di sostegno alla colonizzazione, in particolare della potente flotta delle galee “di linea”¹⁹, basandosi sul regolamento normativo da parte del Senato e di altre supreme assemblee di tutte le iniziative politiche e di trattative; la Repubblica di Genova, dove il potere politico era debole e minato da conflitti tra le fazioni, si basava sull’iniziativa dei clan familiari, i cosiddetti “alberghi”²⁰,

¹⁷ *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant ... T. 1–2; *Lopez R.S.* Storia delle colonie Genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938 (repr.: Genova, 1997); *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959 (repr.: 1975); *Brătianu G.* La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane. München, 1968; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978, T. I–II; *Balletto L.* Genova Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII–XV). Genova, 1976; *Pistarino G.* Genovesi d’Oriente. Genova, 1990; *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994; *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000; *он же.* Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма. М., 2017. С. 314–362; *Hryszko R.* Z Genui nad Morze Czarne. Z kart genueńskiej obecności gospodarczej na północno – zachodnich wybrzeżach Morza Czarnego u schyłku średniowiecza. Kraków, 2004; Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев, 2015.

¹⁸ *Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012; *Quirini-Popławski Rafał.* Sztuka kolonii Genuieńskich w basenie Morza Czarnego (1261–1475). Kraków, 2017.

¹⁹ *Lane F.C.* Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance. Baltimore, 1934; *idem.* Venice and History. Baltimore, 1966; *Stöckly D.* Le Système de l’incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leiden; N.Y.; Köln: E.J. Brill, 1995; *Karpov S.P.* La Navigazione Veneziana nel Mar Nero XIII–XV sec. Ravenna, 2000.

²⁰ *Ascheri G.A.* Notizie storiche intorno alla riunione delle famiglie in alberghi in Genova. Genova, 1846; *Grendi E.* Profilo storico degli alberghi Genovesi // *Mélanges de l’École Française de Rome. Moyen âge – temps modernes*. T. 87/1.1975. P. 241–302; *Doosselaere, van Q.* Commercial Agreements and Social Dynamics in Medieval Genoa. Cambridge, 2009. P. 176–182.

e sui meccanismi giuridici e finanziari²¹. Lo stesso ordinamento di Genova, della *Communitas* genovese, si sviluppò e si consolidò grazie all'organizzazione commerciale di base, alla comunità chiamata la *Compagna*²². Genova fondava insediamenti autonomi governati in base agli statuti concordati con la legislazione della metropoli²³. Inoltre il ruolo consolidante di prim'ordine veniva svolto dalle istituzioni finanziarie e, — a partire dal XV sec., — dalla famosa Banca di San Giorgio²⁴. Da questo derivava il desiderio di Venezia di stabilirsi in pochi ma stabili centri — scali commerciali, collegati con la metropoli tramite le galee di linea che effettuavano la navigazione regolare regolamentata dalla Repubblica di San Marco. Gli insediamenti, — Tana, Trebisonda, o quartieri di Costantinopoli, — fungevano da rappresentanze commerciali, uffici che non richiedevano impiego di un grande numero dei cittadini veneziani. Ma per il funzionamento stabile di questa rete commerciale serviva una specie di catena, — la “catena veneziana”, estesa dall'Adriatico all'estuario del Don con appoggio nei domini del Mar Egeo. In caso di conflitti la Repubblica agiva in modo centralizzato, ma lento e cauto, concentrando le sue forze, allestendo e finanziando le squadre delle navi. Nell'area del Mar Nero Venezia mostrava una certa indifferenza verso la colonizzazione territoriale dei quartieri e accettava una formale sottomissione ai poteri locali (con il mantenimento dell'autonomia interna) come nel caso di Tana²⁵ o Trebisonda²⁶.

I genovesi agivano diversamente. Inizialmente con l'aiuto dell'iniziativa privata venivano fondati piccoli insediamenti sui territori controllati dall'Orda, si stipulavano accordi prima interpersonali e poi

²¹ Petti Balbi G. Una città e il suo mare. Genova nel Medioevo. Bologna, 1991; Pistarino G. I Signori del mare. Genova, 1992; *idem*. La Capitale del Mediterraneo: Genova nel Medioevo. Bordighera, 1993; Epstein S. Genoa and the Genoese, 958–1528. Chapel Hill; London, 1996.

²² Pistarino G. La Capitale del Mediterraneo... P. 119.

²³ Buongiorno M. L'amministrazione genovese nella “Romania”. Legislazione-magistrate-fisco. Genova, 1977.

²⁴ Sieveking H. Studio sulle finanze genovesi e in particolare sulla casa di S. Giorgio, trad. dal tedesco da O. Soardi // ASLSP. 1906. T. XXXV. Parte 1–2; Balard M. Il Banco di San Giorgio e le colonie d'Oltremare // Balard M. Gênes et la mer... T. II. P. 675–684; Felloni G. Amministrazione ed etica nella Casa di San Giorgio (1407–1805). Lo statuto del 1568. Firenze, 2014.

²⁵ Doumerc B. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction du M. Balard. Lyon, 1989. P. 252, 260–261; Origone S. Guerra e società nel Mar Nero. Il confronto tra Genovesi e Veneziani // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 22–27 August 2011. Vol. 1. Plenary Papers. Sofia, 2011. P. 433–434.

²⁶ Карнов С.П. История Трапезундской империи... С. 343–345, 377–388.

intergovernativi con i signori locali e con i khan in persona e, una volta radicatisi sul territorio, dopo aver ottenuto privilegi (compresi, ovviamente, quelli fiscali), partendo dalla colonizzazione commerciale passavano gradualmente a quella territoriale, come fu nel caso di Crimea e della zona settentrionale del Mar Nero. I genovesi creavano un avamposto principale (prima lo era Pera/Galata, dopo – Caffa) e partendo da lì estendevano a mo' di striscia sottile una rete dei propri punti d'appoggio lungo tutta la costa: in Crimea dal Bosporo (Kerč') fino a Cembalo (Balaclava), passando dall'infiltrazione nei centri urbani all'appropriazione (a partire dalla seconda metà del XIV sec.) del contado rurale, delle cosiddette "casalie" della Crimea. A gestire il processo non era Genova ma Caffa, sebbene quest'ultima concordasse e coordinasse le proprie azioni con la volontà e le aspirazioni di tutto il patriziato della metropoli ligure, coinvolgendo nei processi di colonizzazione un sempre maggiore numero di persone provenienti dalla Liguria, dalla Lombardia e da altre regioni vicine, accogliendo persino le ondate migratorie dall'Anatolia e dal Vicino Oriente (armeni, greci, siriani...) ²⁷. Un ruolo analogo veniva svolto da Tana veneziana che attirava gli immigrati greci, armeni, ebrei, russi ed altri ²⁸.

Ovviamente i processi di colonizzazione non erano del tutto pacifici. Più di una volta gli insediamenti corsero il rischio di essere distrutti, o addirittura vennero completamente distrutti (come Tana negli anni 1343, 1395, 1410, 1412, 1418, 1442) ²⁹, ma ciononostante immancabilmente l'iniziativa imprenditoriale e la necessità politica ³⁰ li

²⁷ *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle)... T. II. P. 507–531; Пономарев А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 г. // Причерноморье в средние века / под ред. С.П. Карпова. М.; СПб., 2000. Т. 4. С. 317–443.

²⁸ *Фомичев Н.М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака – Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Азов, 1994. С. 5–18; *Tzavara A.* «Εἰς τὸν Τάναϊν ἀποδημήσαντα»: Esempi di immigrazione greca a Tana nei testamenti ivi rogati da notai veneziani (prima metà del XV sec.) // Atti dell' incontro scientifico: Oltre la morte. Testamenti di Greci e Veneziani redatti a Venezia o in territorio greco-veneziano nei sec. XIV–XVIII. Venezia, 22–23 gennaio 2007 / A cura di Chryssa Maltezou e Gogò Varzelioti. Venezia, 2008. P. 59–81; *Карпов С.П.* Межэтнические отношения и смешанные браки на окраине Латинской Романии (Тана, XIV–XV века) // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А.Тишкова. М., 2011. С. 208–215.

²⁹ *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. Т. 94. N 3–4. P. 363–379.

³⁰ *Karpov S.P.* Perché Tana? Motivazioni ufficiali per proteggere e mantenere un lontanissimo insediamento veneziano // POLIDORO. Studi offerti ad Antonio Carile / a cura di Giorgio Vespignani. Spoleto, 2013. P. 569–576.

риportavano di nuovo in vita e solo la conquista ottomana del 1475 pose fine alla loro storia.

I rapporti dei coloni con la popolazione locale non erano semplici. In qualsiasi caso i mercanti del posto non venivano emarginati ma trasformati in partners minori che non disponevano di capitali paragonabili a quelli che possedeva il patriziato mercantile e non partecipavano alle associazioni commerciali come *commenda*, ma spesso svolgevano le funzioni di mediatori nelle operazioni con i mercanti d'Oriente³¹. I poveri delle città, come dappertutto, venivano sfruttati e dovevano lavorare come facchini — camali, servitori, scaricatori di porto, falegnami, ecc. Nelle colonie non esisteva nemmeno alcuna parità nei diritti tra gli autoctoni e gli occidentali aventi la cittadinanza romana.

Tuttavia gli autoctoni cristiani potevano usufruire della difesa e della protezione delle autorità coloniali, e godere, alla stregua degli italiani, di agevolazioni fiscali per il pagamento del *kommerkion* ai signori locali qualora possedessero lo status di “fideles”, di sudditi, di veneziani “bianchi” o uno statuto simile. Esistevano delle apposite procedure di concessione di alcuni diritti civili alle persone che si trovavano sotto la protezione delle autorità delle Repubbliche marinare. Queste concessioni non comportavano l'attribuzione dello status di cittadino di quelle Repubbliche³², ma soltanto l'acquisizione di privilegi, soprattutto quelli fiscali, nonché della difesa e protezione da parte di Venezia o di Genova. Lo status di cittadino, *civis*, era lo stato più alto e più giuridicamente privilegiato nonostante l'esistenza nella stessa Venezia delle differenze tra i cittadini per diritto di nascita (cittadinanza originaria) e quelli che acquisivano la cittadinanza per concessione oppure per privilegio (questi ultimi avevano alcune limitazioni nelle capacità giuridiche e nei diritti inerenti alle attività commerciali³³).

³¹ Vedi ad es.: *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle)... T. II. P. 870—883; *Карпов С.П.* Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // *Византийский временник*. 1983. Т. 44. С. 81—87; *idem.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье... С. 260—299; *Laiou A.E.* Venetians and Byzantines: Investigation of Forms of Contact in the Fourteenth Century // *Thesaurismata*. 1992. Т. 22. P. 29—43; *Еманов А.Г.* Между полярной звездой и полуденным солнцем. Каффа в мировой торговле XIII—XV веков. СПб., 2018. С. 122—130.

³² Vedi: *Климанов Л.Г.* “Quod sunt cives nostri”: статус венецианского гражданства в XIV в. // *Культура и общество Италии накануне Нового времени*. М., 1993. С. 28—38.

³³ *Casini M.* La cittadinanza originaria a Venezia tra i secoli XV e XVI. Una linea interpretativa // *Studi Veneti offerti a Gaetano Cozzi*. Venezia, 1992. P. 133—150;

Lo status di *cives* a qualsiasi titolo si negava nettamente a tutti i non veneziani d'origine e i tentativi di far passare al Senato la delibera che avrebbe accordato al console veneziano di Tana (per allargare la base sociale dell'insediamento) la facoltà di concedere, anche con restrizioni, tali diritti ai mercanti latini esclusivamente sul territorio controllato dall'Orda d'Oro, furono respinti con decisione, e sui registri di cancelleria del consolato di Tana troviamo menzioni di cittadini (non Veneziani) solamente di Tana sotto la protezione veneziana³⁴. A Genova le limitazioni alla cittadinanza erano meno rigide. Tra i *cives* di Caffa s'incontravano sia i genovesi di origine (la maggioranza della popolazione) sia i greci che gli armeni. In egual misura il termine *burgensis Caffè* designava sia gli appartenenti alle antiche casate genovesi che risiedevano nei borghi di Caffa sia l'*élite* privilegiata degli abitanti del posto — proprietari di beni immobiliari³⁵. Lo status di *burgensis* di Caffa dava l'accesso ai gradini più bassi dell'autogoverno locale³⁶. Nella città di Tana veneziana lo status di "*burgensis* di Tana" è stato trovato da un notaio una sola volta³⁷, mentre nell'ambito genovese è molto frequente, allargando così la base sociale dei coloni. Il livello di integrazione della popolazione locale nella società genovese era più alto: i reparti militari irregolari per la difesa delle colonie e per il mantenimento dell'ordine pubblico potevano essere reclutati tra i greci, gli armeni, i tatarsi e altre etnie (*orgusii* — nella scorta del console, i *socii*, i cosiddetti cosacchi, ecc.)³⁸. I veneziani preferivano reclutare

Mueller R.C. Veneti facti privilegio: les étrangers naturalisés à Venise entre XIVE et XVIe siècle // Les étrangers dans la ville: minorités et espace urbaine du bas Moyen Âge à l'époque moderne / sous la direction de J. Bottin et D. Calabi. Paris, 1999. P. 171–181; *idem*. Immigrazione e cittadinanza nella Venezia medievale. Roma, 2010.

³⁴ Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XV, f.59r [Diplomatarium Venetorum — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 1: a. 1300–1350 / ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880. P. 251]–18/II 1333; Doumerc B. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction de M. Balard. Lyon, 1989. P. 252–253.

³⁵ Balard M. Les orientaux à Caffa au XVe siècle // Byzantinische Forschungen. 1987. T. XI. P. 235; Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 118–122; Барabanов О.Н. Новые материалы о статусе бургенсес генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3. С. 117–125.

³⁶ Balard M. La Romanie Génoise ... T. 1. P. 327–334; *idem*. Les milieux dirigeants dans les comptoirs génois d'Orient (XIIIe–XVe ss.) // Balard M. La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe–XVe siècles). London, 1989, art. N III (pubblicazione originale in: La Storia dei Genovesi, t.I. Genova, 1981. P. 159–181).

³⁷ Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, Notai, 19. Benedetto Bianco, cart. 1, N 182.

³⁸ Чуперис А.М. Социально-экономическое положение и движения моряков, соций и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV–XV вв. // УЗ Кабардинского ГПИ. 1956. Вып. 9. С. 67–79; Čiperis A.M. Situazione interna e

и солдаты профессионалы (арциеры-балестриеры и др.) в «латины». Термин *habitor*, встречаемый часто в источниках, не имеет юридического значения, а указывает только на продолжительность проживания в колонии как для колонистов, так и для местного населения. Поэтому генуэзцы, сохраняя градации статусов, допускали интеграцию местных христиан (не только католиков) в систему самоуправления, тогда как венецианцы этого не делали, за исключением исключений.³⁹

Итальянские колонии в Черном море составляли источник пополнения рабов.⁴⁰ Они приобретались как пленники из татар и из бедных семей. Если их покупали всеми возможными способами, то цена на раба была постоянно растущей, особенно после кризиса второй половины XIV в. Колонисты, как свидетельствует Гиоффредо Барбаро, организовывали настоящую и собственную охоту на кочевников степей, которые находились поблизости (часто также для целей грабежа)⁴¹, а владельцы кораблей захватывали жителей порта на берегу и продавали их в рабство, и т.д.⁴² Количество рабов, вывезенных из портов Черного моря, считалось тысячами в год, но не десятками тысяч, как в османский период.⁴³ Рабы составляли заметную часть населения этих колоний. Конечно, они были лишены всякой правовой защиты, но в отличие от классического рабства

борьбы за место в Кафе в последние 50 и 70 лет XV в. // Исторические источники из Леванта Генуэзского / под редакцией А. Префумо. Генуя, 1985. С. 223–257; Balard M. In extremo Europae: les soudoyers de l'Orient génois (XIVe–XVe siècles) // Histoire et société. Mélanges offerts à Georges Duby. Aix-en-Provence, 1992. Т. 2. С. 167–180; *idem*. Gênes et la mer. Генуя и море ... Т. 2. С. 821–830.

³⁹ Капов С.П. Гражданский статус и этнический состав населения итальянских факторий Причерноморья в XIV–XV вв. // От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 36–42.

⁴⁰ Verlinden Ch. Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles) // Miscellanea historica in honorem Leonis van der Essen. Bruxelles; Paris, 1947. С. 287–298; *idem*. La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di Gino Luzzatto. Milano, 1950. Vol. 2. С. 1–25; *idem*. L'esclavage dans l'Europe médiévale. Т. 2: Italie. Colonies italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977; Barker H. Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500. Columbia University, 2014; Капов С.П. Работоторговля в Танае в XIV–XV вв. (преимущественно по данным венецианских нотариальных источников) // Византийский временник. 2017. Т. 101. С. 128–142.

⁴¹ Скоржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 122–123, 147; I Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini / под редакцией Л. Локхарт, Р. Мороззо della Rocca, М.Ф. Тьеполо. Roma, 1973. С. 81–82.

⁴² Капов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 176–178.

⁴³ Inalcik H. Quataert D. (ed.). An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Cambridge, 1994. С. 283–284.

romana sovente venivano manomessi dai padroni al raggiungimento di una certa età (le donne addirittura con la dote). I casi di convivenza dei padroni con le serve o le schiave erano all'ordine del giorno, mentre i figli (soprattutto i maschi) non di rado venivano accolti nella famiglia del padrone diventando cittadini romani a pieno diritto⁴⁴. Anche le loro madri potevano ottenere la libertà previo l'atto di manomissione.

I meccanismi dell'amministrazione coloniale dei veneziani e dei genovesi si differenziavano tra di loro. Mentre Venezia governava le sue colonie direttamente dalla metropoli, Genova governava attraverso Caffa, il suo avamposto principale, affidando nel 1453 la gestione amministrativa e finanziaria delle colonie alla Banca di San Giorgio⁴⁵. Tuttavia tutte le cariche più alte dei magistrati delle colonie erano elettive e a scadenza (quella del console genovese di Caffa – di un anno, del console veneziano di Tana – di due anni) con possibilità di rinnovo solo in casi particolari e con apposite delibere. Nell'espletamento del loro mandato i consoli avevano ampi poteri giudiziari ed amministrativi, essendo autorizzati di applicare ingenti multe e severe punizioni corporali, persino la pena capitale. Nel processo giudiziario venivano assistiti dai giurisperiti – i vicari⁴⁶. Al termine del mandato i consoli dovevano sottoporsi alla procedura di indagine e alla corte speciale dei *sindicatori*. Nella versione veneziana l'indagine veniva avviata subito dopo l'arrivo nel fondaco dei nuovi magistrati che raccoglievano tutte le prove delle violazioni legislative ed amministrative fornite dai cittadini di diritto pieno, e il tutto si concludeva con il processo nella metropoli dove la pena principale nel caso di infrazioni consisteva nel pagamento della multa riscossa dal pegno speciale depositato dal console prima di partire per la missione oltremare. Qualora fossero scoperte gravi inadempienze, al magistrato si vietava per un certo periodo, o per sempre, di occupare questa carica elettiva⁴⁷. Nel caso genovese il *sindacamento* si effettuava da un'apposita commissione giuridica, la sentenza della quale era passibile d'appello. Tuttavia l'esame d'appello poteva durare per molti

⁴⁴ Карпов С.П. Латинская Романия...С. 199–206.

⁴⁵ Kressel R.Ph. The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio. The Univ. of Wisconsin PhD. Univ. Microfilms Inc. Ann Arbor. Michigan, 1966.

⁴⁶ Airalidi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Genova, 1974. P. 14–24; Balletto L. L'administration de la justice dans les établissements génois d'Outre-mer // Coloniser au moyen âge/ sous la direction de M.Balard et A.Ducellier. Paris, 1995. P. 258–268, 275–276.

⁴⁷ Карпов С.П. Преступления и наказание в венецианской Тана. Дело консула Эрмолао Валарессо (1423) // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 32–43; он же. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) // Причерноморье в средние века. СПб., 2011. С. 122–138.

anni, permettendo solo ai discendenti dei magistrati di poter ottenere la sentenza di assoluzione dei propri avi ingiustamente condannati o addirittura calunniati (come purtroppo capitava non di rado)⁴⁸. I pochi “sindicamenti” arrivati fino ai nostri giorni ci raccontano nei dettagli questi casi⁴⁹.

La conduzione dell'ordinaria amministrazione nei fondaci toccava ai notai. Anche in questo caso le prassi veneziana e genovese si differenziavano tra di loro⁵⁰. I notai veneziani erano esclusivamente chierici, sacerdoti delle chiese veneziane⁵¹, mentre i notai genovesi erano al contrario dei laici facenti parte del collegio notarile⁵². In entrambi i casi serviva l'investitura e l'elezione, ma nell'ambito genovese i notai-cancellieri venivano selezionati dai consoli (previa la successiva conferma), invece in quello veneziano il cancelliere del fondaco veniva eletto dalle magistrature metropolitane. Inoltre di regola nei piccoli stabilimenti veneziani come Tana e Trebisonda lavorava contemporaneamente un solo notaio-cancelliere (senza contare i notai e gli scrivani delle navi), mentre nel caso genovese ce n'erano più di uno, compresi quelli privati e gli scrivani dei registri contabili — le “massarie”. Un'altra differenza riguardava la lingua degli atti notarili. A Genova tutti gli atti (da brevi scritture sommarie — “abbreviature”, agli originali rilasciati ai contraenti, chiamati “instrumenti”), si redigevano in latino, invece a Venezia il latino si alternava al dialetto veneziano, soprattutto quando si verbalizzavano le deposizioni dei testimoni che non parlavano il latino, ma non solo in questi casi.

Sebbene negli insediamenti funzionassero le chiese cattoliche e i monasteri non dipendenti direttamente dalla metropoli, le autorità

⁴⁸ *Карпов С.П.* Консулы генуэзской Каффы перед судом и наветом // *он же.* Латинская Романия... С. 152–159.

⁴⁹ Vedi ad es.: Синдикаменты Перы 1402–1403 гг.: Archivio di Stato di Genova. San Giorgio, Sala 34, No. 590/1306–1307 — Peirae Sindicamenta. Синдикамент капитана генуэзской Фамагусты на Кипре: *Otten-Froux C.* Une enquête à Chypre au XVe siècle. Le *sindicamentum* de Napoleone Lomellini, capitaine génois de Famagouste (1459). Nicosie, 2000. La rassegna generale delle fonti: *eadem.* Contribution à l'étude de la procédure du *sindicamentum* en Méditerranée orientale (XIVe–XVe siècle) // *Chemins d'outre-mer. Etudes sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard.* Paris, 2004. T. 2. P. 639–650.

⁵⁰ *Bartoli Langeli A.* Il notariato // Genova, Venezia, il Levante nei secoli XII–XIV. Atti del Convegno Internazionale di Studi, Genova — Venezia, 10–14 marzo 2000 / a cura di G. Ortalli — D. Puncuh. Venezia, 2001. P. 73–101.

⁵¹ *Tiepolo M.F.* Notai veneziani, da mar' // Il notariato veneziano tra X e XV secolo / a cura di G. Tamba, Sala Bolognese, 2013. P. 71–161.

⁵² *Costamagna G.* Il notaio a Genova tra prestigio e potere. 2 ed. Milano, 1995; *Balletto L.* Il Mar Nero nei notai genovesi: panoramica generale, stato degli studi, progetti di pubblicazione // Причерноморье в средние века. СПб., 2006. Вып. VI. С. 22–42.

coloniali preferivano avere a che fare con i “propri” preti, mentre laddove i fondaci erano vicini (come ad esempio a Tana) e capitava che qualcuno si rivolgesse, in caso di bisogno, al chierico di un'altra “nazione”, ciò suscitava un sospetto da parte delle autorità e poteva sfociare addirittura in un'accusa di tradimento⁵³.

I notai ovviamente redigevano atti di vario contenuto giuridico, ma la parte più importante e salvaguardata consisteva nei testamenti e inerenti disposizioni esecutive. Lo studio di queste fonti offre una ricca gamma di conoscenze sui beni e gli affari, sulla vita quotidiana e il tempo libero, sull'attività economica ed amministrativa dei testamentari. Da queste informazioni si evincono anche le preferenze degli italiani che risiedevano per diverso tempo negli insediamenti. Lo studio del corpus testamentario del cancelliere veneziano di Tana degli anni '60 del XIV sec. Benedetto Bianco ha mostrato ad esempio il fatto che i testamentari preferivano destinare i maggiori lasciti alle chiese e agli istituti di beneficenza veneziani piuttosto che alle chiese locali di Tana, anche se vi risiedessero da molto tempo. Si trattava di una percentuale relativamente piccola del capitale del lascito⁵⁴.

In questa sede non è possibile presentare in modo dettagliato la storia dell'arte degli insediamenti del Mar Nero. Menziono solo il fatto che nelle colonie si sviluppò uno stile sincretico che univa le preferenze artistiche e le abilità artigianali dell'Occidente e dell'Oriente, intrecciandole in un modo originale in una specie di *pot-pourri* dove artigiani greci, italiani, armeni, iraniani e tatars facevano lo scambio delle proprie esperienze e dei segreti del mestiere, creando una produzione talmente variegata che a volte diventa addirittura impossibile stabilire in quale luogo e in quale bottega fosse stato prodotto un artefatto in cui si passa con naturalezza da uno stile all'altro e l'opera di un maestro viene firmata in una lingua diversa dalla sua da un altro artigiano. Gli artigiani si adattavano ai gusti dei committenti soprattutto quando si trattava dei doni cerimoniali come coppe o cinture d'argento con immagini figurate⁵⁵. Anche nella lingua (al di fuori della lingua ufficiale amministrativa e delle scuole speciali dei grammatici nonché dei centri scrittori) si verificava la stessa

⁵³ Карпов С.П. Преступления и наказание в венецианской Тана. Дело консула Эрмолао Валарессо... С. 40.

⁵⁴ Карпов С.П. Корпус завещаний венецианского нотариуса Бенедетто Бьянко как источник по истории Таны в середине XIV в. // Византийский временник. 2015. Т. 74 (99). С. 142.

⁵⁵ Vedi ad es.: Крамаровский М.Г. Поясной набор со сценой «спора о вере» из собрания Эрмитажа (XIV – первая половина XVв.) // АДСВ. 1999. Т. 30. С. 234–252; он же. Человек средневековой улицы... С. 304–320.

stupefacente mescolanza di parole, di idee comprensibili alle persone di varie etnie che entravano in contatto e che formavano una lingua particolare — lingua franca che ogni tanto lasciava una traccia nelle fonti scritte⁵⁶.

Gli interscambi commerciali internazionali che coinvolgevano il Mar Nero nel XIII–XV sec. favorivano l'unificazione dei prezzi, la creazione dei mercati internazionali dotati di regolatori di prezzi comuni nello spazio che andava dal Mar d'Azov fino alle coste dell'Atlantico; si effettuava lo scambio non solo delle merci e delle esperienze produttive ma anche delle informazioni politiche e, in una certa misura, delle tendenze culturali. Non è forse sorprendente il fatto che un mercante genovese commissiona il proprio monumento sepolcrale ad archi ogivali in stile gotico nel chiostro della chiesa di San Francesco a Caffa?⁵⁷ Ovviamente tutta questa integrazione avveniva nel contesto del dominio dei mercanti italiani e dei loro interessi in concomitanza con lo sfruttamento della popolazione locale e con il fiorente commercio degli schiavi. Studiandone le manifestazioni dobbiamo prendere in considerazione i suoi diversi aspetti e i risultati senza oscurarne i lati negativi né tacerne i successi.

L'espansione ottomana della seconda metà del XV sec. pose fine all'imprenditoria veneziana e genovese nel Mar Nero, inglobando gli ex insediamenti dei veneziani e genovesi⁵⁸, riducendo in schiavitù, deportando o cacciando via la maggior parte della popolazione che abitava prima nei fondaci⁵⁹, installando poco a poco un rigido controllo del commercio negli stretti⁶⁰ e trasformando il bacino del Mar Nero nel lago interno della Porta nel XVI — seconda metà del XVIII. Ma questa è già un'altra storia.

⁵⁶ *Maltezou Chr.* Terminologia navale Grecoveneta // *JÖB.* 1994. Bd. 44. P. 283–289; *Bádenas P.* La *lingua franca*, moyen d'échange et de rencontre dans un milieu commun // *BS*, LVI/2. 1995. P. 493–505.

⁵⁷ Акты генуэзских нотариусов, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / под ред. С.П. Карпова, сост. М.Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо // Причерноморье в средние века. СПб., 2018. С. 12, 227.

⁵⁸ *Inalcik H. Quataert D. (ed.).* An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Cambridge, 1994. P. 273–274.

⁵⁹ *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente... P. 95–142, 281–382, 477–518; *Musso G.G.* Il tramonto di Caffa genovese // *Miscellanea di storia ligure in memoria di G. Falco.* Genova, 1966. P. 313–339.

⁶⁰ *Inalcik H.* The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans // *АП.* 1979. Т. 35. P. 74–110.

Caffa e il Mondo Tataro*

Michel Balard

Università di Paris 1 – Sorbonne

«Ianuensis civitas in extremo Europe», la città genovese di Caffa era insediata sulla più bella e più vasta delle baie litorali della Crimea, ai confini tra il mondo dei nomadi e dei stati sedentari. Non c'è dunque da stupirsi se i Genovesi, ai quali l'imperatore bizantino Michele VIII Paleologo aveva concesso l'ingresso al Mar Nero, si sono preoccupati di trovare lì un punto di contatto con il mondo tataro, ricco di opportunità commerciali e via di accesso verso l'Asia centrale, le Indie e la Cina, produttrici di merci di lusso, seta e spezie. In quali condizioni i Genovesi hanno potuto creare quella città di Caffa, chiamata ad essere durante due secoli una delle più grandi metropoli della zona pontica?

Le prime relazioni tra i Genovesi e le autorità tatarsi che dagli anni 1240 dominavano la penisola crimeana rimangono poco conosciute. Nessun documento chiarisce chi e quando la concessione di Caffa al Comune genovese è stata fatta. Sembra infatti che i mercanti liguri, insediati dal basileus in Pera nel 1268, si sono recati dapprima a Soldaia, piccolo mercato veneziano sul litorale della Crimea, ma, scontenti dalla concorrenza dei loro rivali, hanno cercato un posto più favorevole. La storia del loro insediamento in Caffa è stata discussa da molti storici da Giorgio Stella a Canale e da Giustiniani a gli storici sovietici e a chi scrive¹. La testimonianza di Niceforo Gregoras, autore di una «Storia

* Цитаты и сноски в статье оформлены в соответствии со стандартами, принятыми во Франции.

¹ G. STELLA, *Annales Geuenses*, a cura di G. PETTI-BALBI, RIS, t. XVII/2, Bologna 1975, p. 156; A. GIUSTINIANI, *Annali della Repubblica di Genova*, Genova 1537, p. 136; M. da CANALE, *Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai dì nostri*, 3 vol., Genova 1855–1856, t. 1, p. 139 e ss.; C. MANFRONI, «Le relazioni tra Genova, l'impero bizantino e i Turchi», in *Atti della Società ligure di storia patria* (di seguito *ASLi*), t. 28 (1898), p. 530; W. HEYD, *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age*, 2e ed., 2 vol. Amsterdam 1967, t. 2, p. 158–165; G.I. BRATIANU, *Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle*, Paris 1929, p. 202; B. SPULER, *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223–1502*, Wiesbaden 1965, p. 392; P. SARACENO, «L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453», in *Rivista di storia del diritto italiano*, t. 42–43 (1969–1970),

romana» ben documentata scritta verso la metà del Trecento, rimane la base delle nostre conoscenze². Egli scriveva che poco tempo fa i Genovesi avevano fondato la città di Caffa, avendo avuto dal « grande capo dei Sciti » l'autorizzazione di insediarsi in tale luogo. Ciperis nel suo saggio si chiede se tale parola si riferisce al governatore tataro di Solgat?³ Secondo lui, non è probabile, perchè nelle cronache di Soldaia del 1239 e del 1308, i Tatarsi sono chiamati «tataroi», e non «sciti». Si tratterebbe dunque di un principe indipendente, di progenie alano-sarmata, il quale regno si stendeva sulla parte sud-orientale del litorale crimeano. Non c'è bisogno di tale ipotesi. La lettura dei documenti genovesi conferma l'uso nel Trecento e Quattrocento dell'archaismo «Scita» per designare l'imperatore dei Tatarsi. Ad esempio, nella corrispondenza dei protettori del Banco di San Giorgio, il 4 dicembre 1454, è citato l'*imperator Scitorum* che ha dato l'assalto alla città di Caffa insieme con una flotta di sessanta bireme turche⁴. Nello stesso modo, nella loro lettera del 28 aprile 1470, i protettori del Banco si rallegrano del trattato firmato coll'imperatore dei Sciti⁵. Non c'è più nessun dubbio: le autorità genovesi condividono con Niceforo Gregoras l'uso della parola arcaizzante «Scita» o «Sciti» per designare l'imperatore della Orda d'Oro o il suo popolo. Sembra dunque quasi sicuro che i Genovesi hanno fatto ricorso a Möngkä Temür, khan dell' Orda d'Oro (1267–1280) per essere autorizzati a insediarsi sul suolo della vecchia colonia greca di Theodosia, rimasta quasi vuota dopo la conquista dei Tatarsi negli anni 1240. Il sito di Caffa non è nemmeno senza passato.

Ma quando avviene questo insediamento? alla fine degli anni 1260, come lo suggerisce Bertold Spuler?⁶ o tra gli anni 1270 e 1280? Bratianu

p. 180; E.S. ZEVAKIN – N.A. PENCKO, «Ricerche sulla storia delle colonie genovesi nel Caucaso occidentale nei secoli XIII-XV», in *Miscellanea di Studi storici*, t. 1, Genova 1969, p. 7–98; A. MATVEEVIC CIPERIS «Per una storia della prima colonizzazione genovese del litorale settentrionale del Mar Nero nella seconda metà del secolo XIII», in *Storici sovietici del Levante genovese*, a cura di A. PREFUMO, Genova 1985, p. 181–189; M. BALARD, *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*, 2 vol., BEFAR n° 235, Roma – Genova 1978, t. 1, p. 114–118; ID e G. VEINSTEIN, «Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane», in *Actes du XIe Congrès des Historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur public*, Lyon 1981, pp. 79–131; G. PISTARINO, *I Gin dell'Oltremare*, Genova 1988, p. 108.

² Niceforo GREGORAS, ed. di Bonn, t. 2, p. 683–684.

³ A. MATVEEVIC – CIPERIS, *Per una storia*, cit., p. 186–188.

⁴ A. VIGNA, « Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di San Giorgio (MCCCCLIII– MCCCCLXXV) », in *ASLI*, t. VI/1 (1868), p. 136, doc. XLVIII.

⁵ Ibidem, t. VII/1 (1871), p. 674, doc. DCCCIV.

⁶ B. SPULER, *Die Goldene Horde*, cit., p. 392.

aveva notato che la prima testimonianza sui Genovesi nel Mar Nero risulta da un atto del notaio Federico di Piazzalunga del 1274, rogato a Soldaia, ciò che conferma il fatto che i mercanti genovesi subito dopo il loro ingresso nel Mar Nero si sono recati a Soldaia, prima di creare la loro nuova fondazione, Caffa⁷. D'altra parte, nei cartolari notarili rogati a Genova, la prima menzione degli aspri baricati, la moneta di Caffa, è del novembre 1276, mentre fino all'anno 1280 poche sono le transazioni in aspri, benchè essi costituiscono l'unico mezzo di pagamento in questa zona, come lo ricorda Guglielmo di Rubruck citando la diffidenza dei Tatarsi nei riguardi dei perperi bizantini⁸. D'altra parte nell'ottavo decennio del Duecento, i notai genovesi che rogano i contratti di *commenda* o di *societas* per investimenti in Oriente non distinguono Pera dagli altri insediamenti genovesi in Romania. Caffa è ancora sconosciuta. Si potrebbe dunque concludere che verso gli anni 1270–1275 i Genovesi hanno ottenuto dal khan tataro l'autorizzazione di insediarsi nella baia di Theodosia. Qualche mercante, Baldo d'Oria, citato da Giorgio Stella, o Antonio dell'Orto, citato da Agostino Giustiniani, si sarebbe stabilito lì, presto raggiunto da concittadini, in modo che nel luglio 1281 viene citato un console di Caffa presso il quale il banchiere Angelino e Daniele Guccio sporgono querela contro Raffaele Embriaco⁹. Poi, nel 1284, viene citato il console di Caffa, Luchetto Gambono, che si interessa dell'eredità di un Genovese morto in Crimea¹⁰. Grazie alle relazioni commerciali con i Tatarsi, la colonia genovese conosce un rapido sviluppo, come è attestato dagli atti del notaio Lamberto di Sambuceto, che roga a Caffa nel 1289 e 1290¹¹.

La prosperità della colonia genovese non dura tanto. Già nel 1296, nel corso della guerra di Curzola tra Genova e Venezia, una flotta veneziana, sotto il commando dell'ammiraglio Giovanni Soranzo, s'impadronisce della città, ma per mancanza di approvvigionamenti è costratta di ritirarsi; i Genovesi la rioccupano due o tre anni dopo¹². Nuovo incidente nel 1307: il khan Tohtu, scontento dalla tratta di schiavi tatarsi da parte dei mercanti genovesi, fa arrestare quelli che erano nella sua capitale, Saraï, e manda un esercito di 100.000 uomini

⁷ G.I. BRATIANU, *Recherches sur le commerce*, cit., p. 202 e 307–309.

⁸ W.W. ROCKHILL, *The Journey of William of Rubruck*, Londra 1900, p. 42–49.

⁹ G.I. BRATIANU, *Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle (1281–1290)*, Bucarest 1927, doc. n° XII, p. 79.

¹⁰ Archivio di Stato di Genova (di seguito ASG), Notai, cart. n° 128, f. 86r-v.

¹¹ M. BALARD, *Gènes et l'Outre-Mer*. T. 1: *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*, Paris-La Haye, 1973.

¹² W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 169.

contro Caffa. Difesa da qualche centinaio di soldati, la città resiste otto mesi, ma la disproporzione delle forze è tale che il 21 marzo 1308 i Genovesi ripararono sulle loro navi, dando la città a fuoco prima di abbandonarla¹³. Ne risulta la scomparsa degli investimenti e dei mercanti genovesi nel nord del Mar Nero, fatta eccezione di qualche mercante protetto dal sultano, ad esempio Segurano-Sakran Salvaygo, il quale dopo 1308 si recò dai mercati dell'Orda¹⁴. Ma, approfittando della morte del khan Tohtu il 9 agosto 1312 e dell'ascesa al trono dell'Orda d'Oro di Özbek (1313–1341), i Genovesi mandano al nuovo khan gli ambasciatori Antonio Grillo e Niccolò di Pagano, che ottengono il ritorno a Caffa dei loro concittadini¹⁵.

Si tratta allora di ricostruire la colonia. Già in 1313, qualche mercante genovese aveva ripreso la via della Crimea: infatti, un documento di quest'anno menziona i furti commessi a Caffa da soggetti dell'imperatore di Trebisonda a danno di mercanti genovesi¹⁶. Nel 1316, la nuova commissione degli otto saggi *costituti super factis navigandi et maris maioris*, creata nel 1313 e che poco dopo sarà chiamata *Officium Gazarie*, stabilisce nel suo *ordo de Caffa* le norme per ricostruire, migliorare e fortificare la colonia genovese¹⁷. Per quel che riguarda le relazioni con i Tatars, lo statuto del 1316 prescrive al console di Caffa di lasciare libero tutto lo spazio fuori la città verso la via di Solgat, senza dubbio per facilitare la difesa di Caffa. D'altra parte viene proibito ai mercanti genovesi di trascorrere più di tre giorni a Solgat, per comprare seta, pellicie e spezie, di passare l'inverno a Tana, città dove non possono acquistare una casa¹⁸. Malgrado la benevolenza del nuovo khan, le autorità genovesi non si fidano dei Tatars e cercano di proteggere tanto la loro colonia pontica quanto i loro concittadini che si recano e si stabiliscono lì.

¹³ V. PROMIS, «Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine dal 1297 al 1332», in *ASLI*, t. X (1874), p. 500–501; G. PISTARINO, «Due secoli tra Pera e Caffa», in *ID.*, *I Gin dell'Oltremare*, cit., p. 223.

¹⁴ B.Z. KEDAR, «Segurano Sakran Salvaygo: un mercante genovese al servizio dei sultani mamalucchi, c. 1303–1322», in *Fatti e idee di storia economica nei secoli XII–XX. Studi dedicati a Franco Borlandi*, Bologna 1976, p. 82.

¹⁵ *Ibidem*, p. 502. Si veda A. MATVEEVIC CIPERIS, *Per una storia*, cit., p. 199.

¹⁶ ASG, Notai, cart. n° 127, f. 241 r-v.

¹⁷ *Imposicio Officii Gazarie*, in *Monumenta Historiae Patriae. Leges municipales*, a cura di L. SAULI, t. 1, Torino 1838; W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 171; V. PROMIS, «Statuti della colonia genovese di Pera», in *Miscellanea di Storia italiana*, t. XI (1871), 761–765; V. VITALE, *Le fonti del diritto marittimo ligure*, Genova 1951, p. 143–147.

¹⁸ *Imposicio Officii Gazarie*, cit., col. 408.

Durante trent'anni, Caffa si sviluppò a tal punto che questo periodo è stato senz'altro il più fiorente per la città. Ma le sue relazioni con i Tatars rimanevano sempre fragili. A Tana nel 1343, l'omicidio di un Tataro da un Veneziano scatenò la popolazione locale contro i mercanti occidentali, di cui le case furono saccheggiate, le loro merci sottratte, le loro vite minacciate¹⁹. Diversi atti notarili genovesi dimostrano quali furono i danni per certi mercanti stabiliti a Tana. Ad esempio, Leonardo Giudice dichiara al notaio Tommaso Casanova di essere stato rubato in settembre 1343 da due *commende*, l'una di 603 perperi di Pera, l'altra di 45 *sommi* al peso di Tana. Nello stesso mese, Andalo Ceba ha perso 251 *sommi* 38 *saggi* et 21 carati, affidatigli tramite quattro *commende* da Gabriele Ceba e da Antonio e Ansaldo Calvo²⁰. I Genovesi avrebbero perso 350.000 fiorini e i Veneziani 300.000²¹. Per vendicarsi il khan Gianibek (1342–1357) mandò il suo esercito all'assalto di Caffa nel 1343, senza successo. Venezia e Genova decisero allora la proibizione del commercio con il Kiptchak, una misura che non fu totalmente osservata da i mercanti genovesi, malgrado la protesta del doge veneziano. Una seconda volta nel 1346, l'esercito di Gianibek diede l'assalto a Caffa, che gli oppose un «accanita e vittoriosa resistenza» (E. Basso), a tal punto che i Tatars, sprovvisti di vettovaglie e rovinati da un epidemia di peste, sbolognarono i loro cadaveri appestati sopra le mura della città assediata e così scatenarono la prima «guerra batteriologica», registrata nella storia²². Alla fine del grande conflitto che vide Venezia e Genova opponendosi («guerra degli Stretti»), il trattato di Milano del 1355 istituisce un *devetum* del commercio con i Tatars, proibizione generalmente rispettata dalle due parti, fino al 1358. Allora il Comune di Genova si affrettò a mandare due ambasciatori, Niccolò di Goano e Raffo Erminio, presso Berdi Beg (1357–1359), successore di Gianibek. Il khan accetta le loro proposte e il traffico con il mondo tataro riprende, come prima del 1343, con la stessa rivalità tra le due repubbliche marittime²³.

La morte di Berdi Beg nel 1359, ultimo discendente diretto del khan Batu, fondatore dell' Orda d'Oro, provocò nel Kiptchak uno stato di

¹⁹ S.P. KARPOV, « Génois et Byzantins face à la crise de Tana de 1343 d'après les documents d'archives inédits », dans *Byzantinische Forschungen*, t. 22 (1996), p. 33–51.

²⁰ ASG Notai, Tommaso Casanova 1346 in 1347, f. 36 r-v- e 95 r-v.

²¹ N. GREGORAS, cit., t. 2, p. 685 ; G. STELLA, *Annales genuenses*, cit., p. 138; G. VILLANI, *Croniche storiche*, a cura di F.G. DRAGOMINI, Milano 1849, lib XII, cap. XXVII. Si veda W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 187–188; B. SPULER, *Die Le paysage urbain au Moyen Age. Goldene Horde*, cit., p. 394; E. SKRZINSKAJA, «Storia della Tana», in *Studi Veneziani*, t. X (1969), p. 10.

²² W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 187–188.

²³ M. BALARD, *La Romanie génoise*, cit., t. 1, p. 86.

anarchia che favorì il consolidamento delle posizioni di Caffa nel Mar Nero. Ne approfittò per occupare Soldaia nel 1365 e le diciotto villaggi che costituiscono la Gazaria genovese. Così i contatti di Caffa coll'Orda si estendono a tutta la penisola crimeana.

Dopo quasi due decenni di anarchia, l'Orda ritrova la stabilità con l'ascesa al trono di Toktamys (1376/77–1395), attento ad essere in buoni rapporti con Caffa, per ragioni economiche. Il nuovo khan aveva capito che i scambi commerciali con i Genovesi potevano contribuire alla prosperità del suo stato. Infatti i primi registri della Massaria di Caffa (1374 e 1381) registrano molti scambi di ambasciatori e di messaggeri tra l'Orda e la colonia genovese. Ecco per esempio la lista delle spese registrate per l'ambasciata di Raffaele de Trani, mandato presso l'imperatore dei Tatars e il suo maestro di palazzo, Mamai, nel giugno 1374. I regali consegnati comprendono panni di Firenze, panni vermigli, cammellotti, tela sottile e vino, per un totale di 17.217 aspri, 94 *sommi*, 33 *saggi* e 18 *carati*, cioè 36.200 aspri²⁴, mentre diversi messaggeri di Mamai ricevono cammellotti, camicie, panni e vestiti²⁵. Nello stesso tempo le autorità di Caffa moltiplicano le relazioni con il signore di Solgat, Hadji Macomet, al quale Pietro Ceba regala un «alaffa» di 714 e di 130 aspri, e Giovanni Ricio gli porta vino, panni e cibo per una spesa di 679 aspri²⁶. Siamo all'epoca della guerra di Dobrudja ed è probabile che le autorità genovesi volevano assicurarsi l'alleanza o almeno la benevolenza dei Tatars dell'Orda e di Solgat.

Dopo l'avvento di Toktamys, gli scambi di messaggeri si fanno più intensi. Il 1° febbraio vengono registrate le spese degli ambasciatori Corrado de Goasco e Christoforo della Croce, mandati presso l'imperatore dei Tatars. Ai soliti regali di panni, di tele e di vino, si aggiungono nove cavalli, nove camocati, diverse spezie, zucchero e riso per una somma di 22.836 aspri, 523 *sommi*, 32 *saggi* e 20 carati, cioè una spesa ingente di 128.400 aspri²⁷. Il 17 marzo 1381 viene registrato un regalo di uccelli e di falconi ai due messaggeri dell'imperatore e di Mamai, Ayna e Coia Berdi²⁸. È da notare che l'ingombrante maestro del palazzo, Mamai, non si è ancora rifugiato a Caffa, dove le autorità genovesi lo fanno uccidere, per compiacere al khan dell'Orda. Cinque mesi dopo, tocca al signore di Solgat, Elias bey, di essere ricevuto a Caffa, con un gran lusso di spezie, di vino, di carne, di riso per il banchetto ufficiale, e regali di cammellotti,

²⁴ ASG San Giorgio, Caffa Massaria 1374–1375, f. 14v, 211v.

²⁵ Ibidem, f. 7 r-v.

²⁶ Ibidem, f. 8v, 55r-v, 56r-v.

²⁷ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 13v. 242v.

²⁸ Ibidem, f. 3r.

camicie, camocati, pellicie e vestiti. In agosto 1381, non si parla più di Mamai, forse già ucciso²⁹.

Da questi scambi di ambasciatori e di messaggeri risulta la stipulazione di due trattati, il primo del 27 novembre 1380, firmato con Iharcas Zico, allora signore di Solgat, al nome di Konag Beg, competitore di Toktamysch per il trono dell'Orda, il secondo il 24 febbraio 1381, firmato con Elias Bey, al nome del khan dell'Orda, finalmente vincitore del suo rivale³⁰. Ambidue trattati sono stati analizzati da Enrico Basso³¹. Il khan riconosce la dominazione di Caffa su Soldaia e i diciotto casali che costituiscono la *Gotia*; garantisce ai mercanti genovesi la sicurezza per le loro transazioni nel suo stato, mentre Caffa riconosce una formale sovranità del khan. Nel mese seguente – marzo 1381 – un notaio, Antonio Mazurro, è mandato a Solgat e nella Gotia per ricevere il giuramento di fedeltà dagli abitanti di queste zone, mentre il Tataro Sayt, commerciante di Solgat, viene retribuito per avere negoziato con Elias bey, la pace della Gotia³².

L'espansione del potere di Caffa e la libera circolazione dei suoi mercanti, favorevole agli interessi dell'Orda, minacciavano quelli del signore di Solgat che poteva temere la perdita del suo ruolo d'intermediario tra la zona costiera e l'interno. Forse anche la dura politica fiscale delle autorità genovesi costretti di partecipare alla costosa guerra di Chioggia e di reclutare soldati e marinai, aveva senza dubbio suscitato il malcontento della popolazione indigena, e specialmente i Tatarsi abitanti dei borghi e della così detta «campania» di Caffa³³. La rivolta scoppia alla fine dell'anno 1386: molti «Sarraceni», cioè Tatarsi, fuggono verso Solgat. L'amministrazione genovese istituisce tre nuovi uffici, l'*Officium Guerre* incaricato del rifornimento di armi e di munizioni, l'*Officium Victualium* provvedendo a far arrivare le derrate, e in particolare il grano, e l'*Officium super rebus Sarracenorum occaxione guerre*, composto da quattro membri genovesi, che hanno confiscato i beni dei *rebelles*, cioè i Tatarsi traditori, tra cui certi sono stati arrestati

²⁹ Ibidem, f. 63v e 294r. Si veda R. GROUSSET, *L'Empire des steppes: Attila, Gengis khan, Tamerlan*, Paris 1969, p. 485

³⁰ Copie di questi trattati nel manoscritto E VII, 9, f. 43–48 della Biblioteca Universitaria di Genova. Edizione da C. MANFRONI, «Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381, scritto in lingua volgare», in *Archivio storico italiano*, n.s., t. 20 (1887), p. 161–165, il quale ritenne che si trattasse di due copie dello stesso trattato.

³¹ E. BASSO, «I Balcani e il Mare Maius», in ID., *Genova, un impero sul mare*, Cagliari 1994, p. 99–103.

³² ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 292v e 294v.

³³ La Massaria di Caffa del 1381 (f. 272v) cita un *cotumum* imposto ai Sarraceni, per un totale di 999 *sommi*, 22 *saggi* e 20 *carati*.

e fatti prigionieri. Questi beni sono venduti all'incanto e fruttano 139.582 aspri al bilancio di Caffa³⁴.

Il così detto *bellum de Sorcati* è stato descritto da Enrico Basso, che ha dimostrato come il governo genovese di Caffa ha sviluppato un'intensa attività diplomatica verso il voivode di Moldavia, il principe di Zichia, certi signori tatarsi e soprattutto verso l'Orda, alla quale sono stati mandati in segreto parecchi messaggeri, ad esempio nell'ottobre 1386 quando due di questi vanno ad incontrare di notte un messaggero dell'imperatore³⁵. Caffa sfrutta questi contatti coll'Orda, poichè un contingente di truppe, sotto il comando di Cotelbogha (Qutlug Boga) si aggiunge a fianco dell'esercito caffiotà, raccolto sotto il comando di Andreotto da Lerici³⁶. L'Orda non appoggia il suo vassale, il signore di Solgat. Mancano i dettagli sulle operazioni militari contro Solgat dove il console di Caffa manda nell'agosto 1386 otto spie³⁷. Egli cerca anche di negoziare la pace, mandando invano a Solgat nello stesso mese Juanixius de Persio « per trattare pacem »³⁸. Nel 1387, si moltiplicano gli invii di messaggeri a Solgat: le loro spese sono registrate dalla Massaria il 4 gennaio, 23 gennaio, 26 febbraio, 4 aprile, 2 luglio³⁹. Finalmente, tramite l'intervento probabile di Temür Cocha, ambasciatore del khan, due genovesi, Gentile Grimaldi et Giannone di Bosco sono mandati a Solgat, con i soliti regali — veluto e scarlatta — per trattare la pace che è firmata il 12 agosto 1387. Il trattato prevede il recupero dei beni dei mercanti danneggiati durante la guerra, la restituzione degli schiavi fuggitivi e il ritorno da parte del signore di Solgat alla stabilità monetaria⁴⁰. Cotelbogha riceve 56 *metrete* di vino, spezie, scarlatta, riso e panni di Firenze per i suoi graditi servizi, mentre Temür Cocha, l'intermediario, è ricevuto con grande onore a Caffa nel settembre 1387⁴¹.

Con questo trattato, Caffa rinsalda la sua dominazione sul litorale crimeano e il suo ruolo di capitale di tutti gli insediamenti genovesi nel Mar Nero. Nell'ultimo decennio del Trecento, l'attività mercantile di Caffa ritrova il livello degli anni precedenti le guerre di Chioggia e di Solgat. Le buone relazioni della colonia con Toktamysch sono consolidate al tal punto che, nella sua lotta contro Tamerlano, il khan dell'Orda ha

³⁴ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 190r, 213 r-v.

³⁵ Ibidem, f. 92v.

³⁶ E. BASSO, «I Balcani», cit., p. 104–105.

³⁷ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 90v.

³⁸ Ibidem, f. 90v.

³⁹ Ibidem, f. 94 r-v, 95 r, 96v

⁴⁰ E. BASSO, «I Balcani», cit., p. 106–107

⁴¹ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1387, f. 97v, 99v.

cercato di coinvolgere Caffa in una vasta coalizione contro Tamerlano, una proposta alla quale con molta abilità le autorità genovesi riuscirono a non aderire. In 1391 e 1395, il sovrano timuride imporse gravi disfatte al khan che fu costretto di rifugiarsi nella Lituania e poi in Siberia. Nel frattempo, l'Orda cade sotto la dominazione dell'emiro Edigü, un protetto di Tamerlano, il quale, dopo aver ricevuto con una falsa benevolenza una delegazione dei mercanti latini di Tana, mise la colonia a ferro e fuoco, rovinò gli stabilimenti genovese e veneziano e ridusse in schiavitù i mercanti incapaci di fuggire. I Genovesi subirono molti danni, non ebbero più la possibilità di recarsi a Sarai e ad Astrakhan, distrutte dalle truppe di Tamerlano. Queste per fortuna non toccarono la Riviera crimeana. Caffa e gli altri insediamenti genovesi furono in pace durante l'inizio del Quattrocento, malgrado la rottura dell'Orda d'Oro e la creazione di un indipendente khanato nella Crimea, sotto il potere di Haggi Giraï, rimoto discendente di Toga Temür⁴². Continuarono gli scambi diplomatici, registrati nei libri della Massaria, tanto come regali, quanto come spese di ricevimento: nel 1410 vengono così retribuiti Macomet, l'ambasciatore del khan, il signore di Solgat e diversi messaggeri dell'Orda⁴³, nel 1424 Odolat Berdi, imperatore dei Tatars, e il signore di Solgat⁴⁴. Nel 1420, Caffa pagò a Haggi Giraï un affitto annuale di 100 *sommi*, per la Zecca di costui, che si era impegnato, secondo il trattato del 1387, a coniare una buona moneta⁴⁵. Questo stato pacifico fu turbato nel 1433 dalla guerra di Cembalo, una città rivendicata da un principe di Theodoro-Mangoup, Alexis, di origine greca, il quale s'impadronì di Cembalo. Genova mandò una flotta sotto il comando di Carlo Lomellino, che riprendè la città, ma le sue truppe furono vittime da un tranello tataro sulla via di Solgat, dal quale Lomellino scappò a malapena⁴⁶. Durante qualche decennio, fino alla morte di Haggi Giraï nel 1466, le relazioni di Caffa col khanato tataro di Crimea furono molto tese.

La caduta di Costantinopoli nel 1453 al potere degli Ottomani ebbe importanti conseguenze anche sui rapporti di Caffa con i Tatars. Da allora la colonia non dipende più dal governo genovese ma dal Banco

⁴² M. BALARD, « Genova and the Golden Horde », in *Golden Horde Civilization*, 2017 n° 10, p. 105–112.

⁴³ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1410, f. 46v, 48r-49r, 51 r-v, 55v.

⁴⁴ Ibidem, Caffa massaria 1424, f. 45 r-v, 50r-v, 53v, 85 r-v, 184r, 200r.

⁴⁵ Ibidem, Caffa Massaria 1420, f. 362r.

⁴⁶ S. ANDREESCU, «New Genoese Documents relating to Carlo Lomellino's expedition in the Black Sea Area (1434)», dans *Il Mar Nero. Annali di Archeologia e Storia*, V (2001–2003), p. 259–272.

di San Giorgio che nel 15 novembre 1453 ha accettato la cessione al suo beneficio di tutte le colonie genovesi nell'area pontica. La corrispondenza con Caffà dei protettori del Banco, che utilizzano cifre per designare segretamente l'imperatore tataro — «Respice», «tamor», «qualis, «8»⁴⁷ — provvede un panorama preciso delle relazioni della colonia con i poteri vicini. In una lettera del 2 maggio 1454, lo vescovo di Caffa, Giacomo Campora, accusa di incapacità le autorità caffioti di fronte alla minaccia dei Tataři e dei Turchi e ricorda che la madre di Haggi Girai, ricevuta a Caffa, si era lamentata della modestia dei regali che aveva ricevuto⁴⁸. Qualche mese dopo, il cancelliere della colonia manda un racconto dettagliato dell'assalto della città da una flotta turca e dalle truppe d'Haggi Girai. Il signore di Solgat aveva mandato 6.000 cavalieri, arrivati fino agli *antiburgi* di Caffa, ma, sprovvisti di materiale d'assedio, si erano arresi, dopo aver imposto alla colonia il pagamento annuale di un tributo, chiamato *alaffa* nei conti della Massaria⁴⁹. Sempre a corto di quattrini, quest'ufficio era costretto di aver ricorso a prestiti forzati o a nuove imposte per pagare al khan questo tributo che si aggiungeva a quello imposto dal sultano ottomano. La città è allora in crisi: carestia di grano, rivolta dei facchini, dei marinai, dei piccoli artigiani, dei poveri, peste nel 1456; la rivolta è domata con l'invio dal Comune di due galere e di soldati che ristabiliscono l'ordine⁵⁰. Una lettera del console ai protettori del Banco menziona nel 1458 la resistenza dei Caffioti a pagare il *novum tributum imperatoris Tartarorum*⁵¹. Il Banco risponde, chiedendo alle autorità di Caffa di mantenere buone relazioni con tutti i poteri dell'area pontica, e specialmente con i Tataři⁵². Negli anni seguenti, i rapporti di Caffa con Haggi Girai si migliorano, dato che i protettori del Banco raccomandano periodicamente al console di dimostrare la sua benevolenza nei riguardi del khan della Crimea. Dopo la sua morte, nel 1466, i protettori rimpiangono la sua scomparsa che potrebbe provocare disturbi nel suo stato, sperando che il khanato possa ritrovare la tranquillità sotto il governo di Mengli Girai, figlio dello scomparso, che ha superato il fratello Nour Devlet nella successione del padre⁵³. Il console di Caffa si affretta a pagare il tributo al nuovo

⁴⁷ A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VI/1, 1, p. 832–833 ; t. VII/1,3, p. 872.

⁴⁸ A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VI/1, p. 86, doc. XXI.

⁴⁹ Ibidem, p. 102–104, doc. XXXIII.

⁵⁰ A. MATVEEVIC CIPERIS » Situazione interna e lotta di classe a Caffa tra gli anni '50 e '70 del XV secolo », in *Storici sovietici*, cit., p. 232 e 245–249.

⁵¹ A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VI/1, 1, p. 814 (8 febbraio 1458).

⁵² Ibidem, p. 815.

⁵³ Ibidem, t. VII/1, 2, p. 464, doc. n° DCCXL (15 gennaio 1467).

imperatore e un regalo (chiamato *novena*) a Mamak, un nome che nelle fonti occidentali rimanda à Ahmed, uno degli ultimi khan dell'Orda d'Oro⁵⁴. Gli scambi di ambasciatori riprendono verso Solgat: nel 1468 due ambasciatori, Sisto Centurione e Gregorio Rosso, ci vanno con i soliti regali e due tagli di camocato⁵⁵. Il 7 novembre 1468, i protettori si rallegrano dell'ascesa al trono di Mengli Girai, che è stato ricevuto colla sua corte a Caffa, e ha accettato una riduzione del tributo dovutogli⁵⁶. Di nuovo, nel 1469, due messaggeri, chiamati *oratores*, sono mandati a Solgat: Niccolò di Torriglia, un notaio ben conosciuto nelle fonti dell'epoca, e Battista di Valletario da una parte, e Simone di Carmadino e Babilano Adorno dall'altra⁵⁷.

Purtroppo gli ultimi anni della presenza genovese a Caffa sono perturbati da gravi disturbi interni, in particolare il disastroso intervento delle autorità nella vertenza tra i due candidati all'episcopato armeno⁵⁸, ed esterni, in quanto il nuovo khan della Crimea non riesce ad imporre la pace nel suo stato. In settembre 1469, alla sua richiesta, il console gli manda un gruppo di soldati che arrestano parecchi nobili tataro e le fanno incarcerare a Caffa⁵⁹. Nelle loro lettere i protettori del Banco insistono presso il console, consigliandogli di mantenere buone relazioni con Mengli Girai e di non permettere ai Tataro di recarsi presso il sultano turco⁶⁰, col timore di una possibile alleanza del khan con il sultano. Invece, nel aprile 1471, essi si rallegrano dell'alleanza conclusa tra il khan e Mamak, dell'Orda d'Oro⁶¹. Purtroppo quest'ultimo muore nel 1473. A lui succede il fratello Eminek, il quale, ben presto, si inimica con i Genovesi, che, di comune accordo colla vedova di Mamak, sostengono un altro figlio, Sertak. Quando Mengli Girai destituisce Eminek, i nobili tataro ribelli di Solgat fanno appello al sultano, il quale manda presto una flotta nel Mar Nero, sotto il comando di Guedek

⁵⁴ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1469, f. 146v e 148r. Per l'identità di Mamak, si veda I. LEBEDYNSKY, *La Horde d'Or*, Arles-Paris 2013, p. 56.

⁵⁵ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1468, f. 145v-146r, 180r.

⁵⁶ A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VII/1, 2, p. 562, doc. n° DCCCXXI (7 novembre 1468).

⁵⁷ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1468, f. 180r; Caffa Massaria 1469, f. 147v e 193r.

⁵⁸ M. BALARD, « Les controverses politico-religieuses à Caffa (1473-1475) », in *L'Église arménienne entre Grecs et Latins fin XIe – milieu XVIe siècle*, a cura di I. AUGÉ – G. DÉDEYAN, Paris 2009, p. 183-192.

⁵⁹ A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VII/1, 3, p. 629, doc. n° DCCCLXXII (1° settembre 1469).

⁶⁰ Ibidem, p. 655, doc. n° DCCCLXXXIV (16 febbraio 1470); p. 671, doc. n° DCCCCI (12 aprile 1470); p. 674, doc. n° DCCCCIV (28 aprile 1470).

⁶¹ Ibidem, p. 765, doc. n° DCCCLXIV (26 aprile 1471).

Ahmed-Pacha. Assediata il 1° giugno 1475, Caffa, sprovvista del sostegno della maggioranza della popolazione indigena, resiste cinque giorni⁶². La coalizione dell'élite tatara di Solgat con i Turchi ponga fine a due secoli di dominazione genovese.

«Come vedrete, in quella città (Caffa), ed anche a Soldaia e Cembalo, la popolazione è composta di Armeni, Greci, Sciti (=Tatari) e di nazioni di questo tipo», scrivevano le autorità di Caffa, per insistere sul carattere polietnica della loro metropoli⁶³. Quale parte vi hanno i Tatari? Benchè sia difficile di distinguere i così detti «Sarraceni» oriundi dalla Siria-Palestina, dalla Persia o dall'Asia centrale, da i Tatari, perchè i nomi scritti dai notai sono stati storpiati, il loro numero risulta abbondante dall'anthroponomia usata dai notai e da i scribi della Massaria. Nel registro del 1374, troviamo ad esempio Taytach, Bergi di Solgat, Jacachi, Thecari, Asal, Sinar, Tamogacih, Testamur de Affazador, mentre è incerto Nicolaus Tartarus et Obertus Tartarus, che potrebbero essere Genovesi⁶⁴. Nel secondo registro, quello del 1381, sono citati Acboga, Achanos, Abatar, Beruchac, Corssoli, Cotelbey, Sambey, Azilbey, Cotelboga, Taytac, Cochicar, Jharoc Mamai, Jorgo, Affazador detto Tangiberdi, Tangibernus Baxas, Jolbey, Toco di Solgat, Rosbey di Comago, Actabey, Canachbey, Cuidibey, Costasbey, Canachibey Bazachi, Rosbey⁶⁵. Nel 1386, per colpa della guerra che oppone Caffa a Solgat e della fuga di molti Tatari verso quest'ultima città, si denotano pochi Tatari nel registro della Massaria, ad esempio Tavachal, Astamur, Taytach, Cotrobei, Tobogha, tutti *orguxii*, cioè cinque componenti su ventuno della guardia del console⁶⁶. Nel Quattrocento, il numero degli abitanti tatari cresce, come dimostra un articolo dello statuto di Caffa del 1449, che fa obbligo al capitano dei borghi di fare le sue proclamazioni « in lingua latina e tartarica », ma non in greco o in armeno, benchè gli Armeni costituissero la maggior parte della popolazione⁶⁷.

⁶² W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 400-404 ; G.G. MUSSO, „Il tramonto di Caffa genovese“, dans *Miscellanea di storia ligure in memoria di Giorgio Falco*, Gênes 1966, p. 241-263; M. CAZACU – K. KEVONIAN, « Les Ottomans en Crimée. La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents », in *Cahiers du monde russe et soviétique*, XVII/4 (1976), p. 495-538; G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 468-474.

⁶³ G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 211.

⁶⁴ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1374, f. 124v, 342v, 18v, 31r, 5r, 164r, 2r, 104v, 122r, 156v, 30v, 36v, 92v, 32r, 314v ; si veda E. BASSO, «I Balcani», cit., p. 126.

⁶⁵ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 1r, 3v, 5r, 7v, 8v, 10r-v, 16r, 27r, 35v, 36v, 37r-v, 39v, 40v, 46r, 61r, 88v-89r-v, 96v, 128r, 165r, 229r, 230r, 243v, 275r, 331v, 407v, 422v.

⁶⁶ ASG San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 506r-511r.

⁶⁷ A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VII/2, 2, p. 624; ibidem, t. VI/1, 1, p. 359, doc. n° CLI (6 settembre 1455): « Sapete che questa terra (Caffa) è maggiormente

Se le diverse etnie si mescolano nei quartieri della colonia genovese, i Tatarsi costituiscono l'eccezione. Infatti le troviamo soprattutto nei borghi e sobborghi di Caffa. I borghi, come la città e il castello, sono divisi in *contrade*, sul modello della metropoli genovese. L'habitat di parecchi Tatarsi è designato nel registro della Massaria di 1381; nei borghi le troviamo nelle *contrade* di «Stagnoni parvi», di «Astellani marchixii», «capitis», «super stagnonum», «in contratta ecclesie papa Georgii», o «ad Judecham»⁶⁸. Il capitano dei borghi, ufficiale genovese, è incaricato della sorveglianza dei borghi. Una multa di 18 aspri è contestata a tutti quelli che si trovano nei borghi dopo il suono della campana. Viene proibito ai *burgenses* di ricevere un regalo dall'imperatore o da un Tataro, di avere armi in casa e di accogliere a casa un compatriota, che sia o no soggetto dell'imperatore. La luce di ogni casa deve essere spenta dopo il suono della campana⁶⁹. È dunque chiaro che le autorità di Caffa non si fidano della lealtà dei Tatarsi abitanti la loro città e vogliono scansare ogni relazione dei Genovesi con i soggetti del khan o dell'emiro di Solgat. Nel febbraio 1464, ad esempio, proibiscono l'accesso dei Genovesi presso l'imperatore dei Tatarsi senza il permesso dell'*Officium monete*. Una multa di 25 *sommi* incombe a tutti quelli che ricevono qualche denaro dall'imperatore o dai suoi baroni⁷⁰.

Di quali lavori vivono i Tatarsi di Caffa? Nei registri della Massaria, a pochi nomi di Tatarsi è aggiunta la qualificazione del mestiere. Vengono in prima fila i macellai e i sensali, ciò che dimostra il ruolo dei Tatarsi negli scambi commerciali tra le città della Riviera crimeana e l'interno della penisola. Poi vengono i facchini del porto. Negli uffici pubblici, i Tatarsi sono poco rappresentati; se troviamo parecchi *orguxii*, guardia personale del console, pochissimi sono reclutati come *servientes*, i soldati delle truppe coloniali, o come custodi notturni⁷¹. Qui ancora, le autorità si diffidano della lealtà della comunità tatarica soprattutto in tempo di guerra.

Per evitare la collusione dei Tatarsi di Caffa con le forze del khan o dell'emiro di Solgat, lo statuto di Caffa distingue i soggetti del khan, chiamati *canluchi*, sui quali ha autorità il rappresentante del khan nelle città, il *tudun* o *titanus* in latino, da i Tatarsi che hanno abitato la città per

popolata da Armeni, che sono molto fedeli nei nostri riguardi, buoni mercanti, e danno alla città un grande profitto ».

⁶⁸ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 37r, 38r, 102r, 108v, 129r, 191v.

⁶⁹ A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VII/2, 2, p. 620, 622, 624, 636, 679; t. VI/1,1, p. 816

⁷⁰ Ibidem, t. VII/1, 2, p. 284, doc. n° DCXXV (3 febbraio 1464).

⁷¹ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1374, f. 188r, 342v; Massaria 1381, f. 46r, 128r, 180r, 243v, 331v, 407v, 422v; Massaria 1386, f. 506r-511r.

un anno colla loro famiglia e che allora sono considerati Genovesi dal punto di vista del diritto. Si tratta di sottrarre quest'ultimi all'autorità del *titanus* e di costituire un nucleo omogeneo fedele alla genovesità⁷². Un altro ufficiale, il *comerciarius canluchorum* rappresenta a Caffa l'autorità del khan, prelevando al suo nome i diritti doganali al tasso di 5% ; non c'è obbligo che questo ufficiale sia di origine tatare. Infatti, se in 1381 il *comerciarius* si chiama Sayt, e in 1386 Caihador et Pandaseni – quell'ultimo cumulando le funzioni di *titanus* e di *comerciarius* – nel 1447 un Armeno, Agopsa, riscosse i diritti doganali al nome del khan e nel 1471 la Massaria di Caffa contempla la possibilità di comprarne la riscossione e di abbassarne il tasso a 3 o 4%⁷³.

La presenza a Caffa del *titanus* e del *comerciarius* non significa che sia riconosciuta la sovranità del khan tatare sulla città. I Genovesi possiedono il suolo urbano e ne dispongono liberalmente: nessun contratto di compravendita di terreno o di casa registra i diritti del khan. Il Comune di Genova ha accettato la presenza di un ufficiale, il *titanus*, che protegge i soggetti dell'impero mongolo, ma il suo ruolo non sembra sorpassare quello dei consoli delle potenze estere nelle grandi città di oggi. Per quel che riguarda il *comerciarius*, è insediato a Caffa per il controllo delle merci provenienti dal Kiptchak o destinati lì, ma questa concessione è compensata dalle facilità economiche dei quali godono i Genovesi nelle zone sottomesse all'autorità del khan⁷⁴. Si potrebbe anche aggiungere che il Banco, prendendo possesso dell'amministrazione di Caffa nel 1453 abbia introdotto modificazioni significative nella moneta della colonia: mantiene il *tamga*, simbolo dell'Orda, ma senza leggenda col nome del khan e, nel folloero, elimina ogni richiamo tatare. È un segno per affermare l'autorità, il prestigio e la totale autonomia della colonia, al momento in cui essa viene minacciata tanto dai Tatare di Solgat, quanto dai Turchi⁷⁵.

Non si potrebbe trascurare gli interessi economici reciproci di Caffa e dell'Orda nel panorama delle loro relazioni. La colonia genovese, ricca di quasi 70.000 abitanti alla fine del Trecento, ha bisogno del mondo tatare per i suoi approvvigionamenti, soprattutto

⁷² A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VII/2, 2, p. 650; si veda, M. BALARD, *La Romanie génoise*, cit., t. 1, p. 459–461; G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 122–123; E. BASSO, « I Balcani », cit., p. 126.

⁷³ ASG San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 39r; Massaria 1386, f. 90r, 204r; Massaria 1447, f. 3r; A. VIGNA, « Codice diplomatico », cit., t. VII/1, 3, p. 745, doc. n° DCCCCXLII (14 febbraio 1471).

⁷⁴ M. BALARD, *La Romanie génoise*, cit., t. 1, p. 459–460.

⁷⁵ G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 213–215.

per il grano e le derate alimentari, fatta eccezione del vino, prodotto abbondante sulla Riviera crimeana. Le autorità della città sono molto attente alla produzione della « campagna », cioè della zona crimeana tra Caffa e Solgat, da cui provengono molte carrete caricate di grano: una spesa di 2.400 aspri nel 1381, di 15.213 aspri nel 1386, miglio dalla Zichia, grano di Lo Vato (Batoum) e da Savastopoli nell'agosto 1387, miglio dalla Tartaria nel 1421, quasi ciascun anno la città richiede un rifornimento di cereali e spesso la madre patria è costretta di aiutarla per i suoi approvvigionamenti⁷⁶.

«Caput Gazarie», Caffa ha approfittato della sua posizione quando tra la fine del Duecento e la prima metà del Trecento, il Mar Nero è stato «la plaque tournante» del commercio internazionale⁷⁷. Da una parte, la colonia genovese fa da tramite per i prodotti locali, raccolti a Solgat (grano, formaggio, pellicie, cuoio), nelle saline e zone di pesca del mar d'Azov (sale, pesce, caviale) o sui litorali orientali del Mar Nero (schiavi, grano), tutti mandati verso l'Occidente o le città settentrionali dell'Anatolia. D'altra parte, profittando della «pace mongolica»⁷⁸, Caffa è il punto di partenza di tutti i mercanti latini che si sono recati nella prima metà del Trecento verso l'Asia centrale, le Indie o la Cina, dove hanno portato panni, tele, scamandro, oggetti metallici per comprare seta, spezie, perle e oggetti preziosi⁷⁹. Pegolotti ha descritto il lungo itinerario seguito da i mercanti genovesi e veneziani attraverso il mondo tataro verso l'Estremo Oriente⁸⁰. Dopo la chiusura della Cina dei Ming nel 1368, i Genovesi di Caffa hanno sviluppato le loro relazioni verso il mondo tataro vicino, tenendo in mano soltanto un piccolo filo di prodotti «orientali».

È chiaro che il commercio è veramente il nodo delle relazioni tra i Genovesi di Caffa e l'Orda che controllava una delle più importanti

⁷⁶ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 87v, 103v; Massaria 1386, f. 125rv, 162v, 206r, 400v, 401r; Massaria 1421, f. 133r, 136v, 139r; S. ORIGONE, «L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV», in *Saggi e Documenti III*, Genova 1988, p. 229–318, doc. n° 5 (31 agosto 1422), doc. n° 22 (25 settembre 1426).

⁷⁷ G.I. BRATIANU, «La mer Noire plaque tournante du trafic international à la fin du Moyen Age», in *Revue historique du Sud-Est européen*, t. XXI (1944), p. 36–69.

⁷⁸ Ch. LEMERCIER – QUELQUEJAY, *La paix mongole*, Paris 1970.

⁷⁹ G.I. BRATIANU, *La mer Noire. Des origines à la conquête ottomane*, Monaco di Baviera, 1969, p. 204–249; R.S. LOPEZ, *Su e giù per la storia di Genova*, Genova 1975; M. BALARD, *La Romanie génoise*, cit., t. 2, passim; G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 199–245; S. PAPACOSTEA – V. CIOCIŁTAN, *Marea Neagea. Raspântie a drumurilor intercontinentale (1204–1453)*, Constantza 2007.

⁸⁰ F.B. PEGOLOTTI, *La pratica della mercatura*, a cura di A. EVANS, Cambridge (Mass.), 1936, p. 21–23.

vie transasiatiche, quella descritta da Pegolotti, dal Mar Nero alla Cina. Grazie alla pace mongola, questa via settentrionale della seta è stata presa da molti mercanti occidentali tramite Caffa. Fino a 1368, seta e spezie, da Oriente ad Occidente, argento, panni e gingilli, da Occidente ad Oriente sono stati le più importanti merci scambiate. Dopo 1368, il commercio del Mar Nero subì un grosso trapasso: seta e spezie spariscono del tutto, mentre cresce il traffico delle derrate locali, raccolte a Caffa prima di prendere la via marittima verso l'Occidente: grano, sale, cera, miele, cuoio, pesci, pellicie, metalli non ferrosi, e soprattutto schiavi, nonostante il declino relativo della schiavitù nel Quattrocento, colmarono le navi genovesi e, tramite i diritti doganali, il tesoro dei khan. In questo modo, si può dire che le relazioni tra i Genovesi di Caffa e l'Orda d'Oro, hanno arricchito ambedue e fatto del Mar Nero il centro del commercio internazionale durante gli ultimi secoli del Medio Evo.

Каффа и татарский мир

М. Балар

Университет Сорбонны

Генуэзский город Каффа, «*Ianuensis civitas in extremo Europe*», располагался на берегах самого живописного и обширного залива крымской ривьеры, на границе между миром кочевников и оседлых земледельцев. Неудивительно, что генуэзцы, которые получили от византийского императора Михаила VIII Палеолога доступ к Черному морю, решили наладить там контакты с татарским миром, который предоставлял им широкие торговые возможности и открывал путь в Центральную Азию, Индию и Китай, где производились предметы роскоши, шелк и специи. В каких же условиях генуэзцам удалось воздвигнуть на Крымском побережье тот город Каффа, которому суждено было стать на протяжении двух веков одной из крупнейших метрополий Понтийского региона?

О первых контактах генуэзцев и татар, которые с 1240 г. доминировали на полуострове, известно немного. Документальные свидетельства о передаче Каффы Генуэзской коммуне отсутствуют, поэтому мы не знаем, кто и когда это сделал. По всей видимости, лигурийские купцы, поселившиеся в 1268 г. по указу василевса в константинопольской Пере, направились поначалу в небольшой венецианский торговый городок Солдайя, расположенный на Крымском побережье, но раздосадованные конкуренцией своих торговых соперников, принялись искать более удачное место. История того, как они обосновались в Каффе, занимала умы многих историков от Джорджо Стелла до Канале, от Джустиниани до советских историков и вашего покорного слуги¹. Основой наших знаний является

¹ G. STELLA, *Annales Geuenses*, a cura di G. PETTI-BALBI, RIS, t. XVII/2, Bologna 1975, p. 156; A. GIUSTINIANI, *Annali della Repubblica di Genova*, Genova 1537, p. 136; M. da CANALE, *Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri*, 3 vol., Genova 1855-1856, t. 1, p. 139 e ss.; C. MANFRONI, «Le relazioni tra Genova, l'impero bizantino e i Turchi», in *Atti della Società ligure di storia patria* (di seguito *ASLi*), t. 28 (1898), p. 530; W. HEYD, *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age*, 2e ed., 2 vol. Amsterdam 1967, t. 2, p. 158–165; G.I. BRATIANU, *Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle*, Paris 1929, p. 202; B. SPULER, *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223–1502*, Wiesbaden 1965,

свидетельство Никифора Григоры, автора «Римской истории», созданной в середине XIV века². Он говорил о том, что незадолго до описываемых им событий генуэзцы основали город Каффу, получив от великого вождя скифов разрешение на заселение этой территории. Чиперис в своем исследовании задается вопросом, не имел ли историк в виду татарского правителя Солхата?³ Он считает, что это маловероятно, так как в хрониках Солдайи от 1239 и 1308 гг. татар называют «татарой», а не скифами, а следовательно, можно предположить, что речь идет о независимом князе алано-сарматского происхождения, чьи владения находились в юго-восточной части Крымского побережья. Однако в этой гипотезе нет необходимости. Генуэзские документы подтверждают использование в XIV и XV вв. веке архаизма «скиф» для обозначения татарских ханов. Например, в корреспонденции попечителей Банка Святого Георгия от 4 декабря 1454 г. упоминается некий *imperator scitorum*, который атаковал Каффу вместе с 60-ю турецкими биремами⁴. А в письме от 28 апреля 1470 г. попечители Банка радуются соглашению, подписанному с правителем скифов⁵. Не остается никакого сомнения: архаичный термин «скиф»/«скифы» использовался для обозначения золотоордынского хана или его народа. Представляется несомненным то, что генуэзцы обратились к хану Золотой Орды Менгу-Тимуру (1267–1280 гг.), для получения права обосноваться на территории древней греческой колонии Феодосии, оказавшейся фактически заброшенной после монголо-татарского завоевания 1240 г. Такова предыстория каффинской фактории.

p. 392; P. SARACENO, « L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453 », in *Rivista di storia del diritto italiano*, t. 42–43 (1969–1970), p. 180; E.S. ZEVAKIN – N.A. PENCKO, « Ricerche sulla storia delle colonie genovesi nel Caucaso occidentale nei secoli XIII–XV », in *Miscellanea di Studi storici*, t. 1, Genova 1969, p. 7–98; A. MATVEEVIC CIPERIS « Per una storia della prima colonizzazione genovese del litorale settentrionale del Mar Nero nella seconda metà del secolo XIII », in *Storici sovietici del Levante genovese*, a cura di A. PREFUMO, Genova 1985, p. 181–189; M. BALARD, *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*, 2 vol., BEFAR n° 235, Roma – Genova 1978, t.1, p. 114–118; ID e G. VEINSTEIN, « Continuité ou changement d'un paysage irbain ? Caffa génoise et ottomane », in *Actes du XIe Congrès des Historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur public*, Lyon 1981, pp. 79–131; G. PISTARINO, *I Gin dell'Oltremare*, Genova 1988, p. 108.

² Niceforo GREGORAS, ed. di Bonn, t. 2, p. 683–684.

³ A. MATVEEVIC – CIPERIS, *Per una storia*, cit., p. 186–188.

⁴ A. VIGNA, « Codice diplomatico delle colonie tauro–liguri durante la signoria dell'Ufficio di San Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) », in *ASLI*, t. VI/1 (1868), P. 136, док. XLVIII.

⁵ Ibidem, t. VII/1 (1871), p. 674, doc. DCCCIV.

Но к какому времени относится заселение Каффы? К концу 60-х годов XIII века, как считает Бертольд Шпулер⁶, или в 70-е и 80-е гг. XIII века? Георгий Брэтиану отмечал, что первое упоминание о генуэзцах в Черном море зафиксировано в акте нотариуса Федерико ди Пьяццалунга, составленном в 1274 г. в Солдае. Это подтверждает тот факт, что генуэзские купцы сразу после вхождения в Черное море отправились в Солдаю, прежде чем основать новую каффинскую факторию⁷. С другой стороны, в нотариальных картуляриях, составленных в Генуе, первое упоминание об аспрах барикати, монетах Каффы, относится к ноябрю 1276 г., в то время как до 1280 г. сделок в аспрах было мало, несмотря на то, что они были единственным платежным средством на этой территории, как вспоминал Гийом де Рубрук, говоря о недоверии татар к византийским перперам⁸. Кроме того, в 80-х годах XIII века генуэзские нотариусы, составлявшие контракты комменды (*commenda*) или торговых компаний на паях (*societas*) для инвестиций на востоке, не делали различий между Перой и другими генуэзскими поселениями в Романии, в то время как Каффа еще не известна. Таким образом, можно заключить, что в 1270–1275 гг. генуэзцы получили от татарского хана разрешение на создание поселения в заливе Феодосии. Некоторые купцы, такие как Бальдо д'Ория, упомянутый хронистом Джорджо Стелла, или же Антонио делл'Орто, о котором пишет Агостино Джустиниани, обосновались на этой территории, а вскоре к ним присоединились их соотечественники, и уже в июле 1281 г. в документах говорится о консуле Каффы, которому банкиры Анджелино и Даниэле Гвечо подают иск против Раффаэле Эмбриако⁹. Затем, в 1284 г. в источниках приводится имя консула Каффы Лукетто Гамбоно, который занимается наследственным делом одного генуэзца, умершего в Крыму¹⁰. Благодаря торговым отношениям с татарами, генуэзская колония быстро развивается, о чем свидетельствуют акты нотариуса Ламберто ди Самбучето, работавшего в Каффе с 1289 по 1290 г.¹¹

⁶ B. SPULER, *Die Goldene Horde*, cit., p. 392.

⁷ G.I. BRATIANU, *Recherches sur le commerce*, cit., p. 202 и 307–309.

⁸ W.W. ROCKHILL, *The Journey of William of Rubruck*. Londra 1900, p. 42–49.

⁹ G.I. BRATIANU, *Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle (1281–1290)*, Bucarest 1927, doc. n° XII, p. 79.

¹⁰ Генуэзский государственный архив (ГГА), Notai, cart. n° 128, f. 86r–v.

¹¹ M. BALARD, *Gènes et l'Outre—Mer*. T. 1: *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*, Paris—La Haye, 1973.

Однако процветание генуэзской колонии было недолгим. В 1296 г. во время Курцольской войны между Генуей и Венецией венецианский флот под командованием адмирала Джовани Соранцо занимает город, но из-за отсутствия провизии вынужден отступить. Генуэзцы возвращаются в Каффу два-три года спустя¹². В 1307 г. случается новое трагическое событие. Тохта-хан, возмущенный торговлей татарскими рабами, которой занимались генуэзские купцы, приказывает арестовать генуэзцев, находившихся в столице Золотой Орды, Сарае, и отправляет свою стотысячную армию на Каффу. Под защитой нескольких сот солдат город выстоял восемь месяцев, но неравенство сил привело к тому, что 21 марта 1308 г. генуэзцы укрылись на своих кораблях, успев поджечь город перед тем, как его оставить¹³. В результате в Северном Причерноморье прекращаются инвестиции и больше не остается генуэзских купцов за исключением некоторых торговцев, находившихся под защитой султана, например, Сегурано-Сакран Салвайго, который после 1308 г. отправился на рынки Орды¹⁴. Однако воспользовавшись смертью хана Тохты 9 августа 1312 г. и восшествием на трон Золотой Орды Узбек-хана (1313–1341), генуэзцы посылают новому хану послов Антонио Грилло и Николло ди Пагано, которые добируются возвращения в Каффу своих соотечественников¹⁵.

Факторию нужно было восстанавливать, и уже в 1313 г. некоторые генуэзские торговцы стали возвращаться в Крым: документ, датированный этим годом, упоминает о кражах имущества генуэзских купцов, совершенных в Каффе подданными трапезундского императора¹⁶. В 1316 г. новая Оффиция восьми мудрых по делам навигации и Черного моря (*constituti super factis navigandi et maris maioris*), созданная в 1313 г. и получившая название Оффиция Газарии (*Officium Gazarie*), разработала в рамках *ordo de Caffa*, статута Каффы, нормы по восстановлению, реконструкции и фортификации генуэзской фактории¹⁷. Что касается взаимоотношений

¹² W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 169.

¹³ V. PROMIS, «Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine dal 1297 al 1332», в *ASLi*, t. X (1874), P. 500–501; G. PISTARINO, «Due secoli tra Pera e Caffa», in *ID.*, *I Gin dell'Oltremare*, cit., p. 223.

¹⁴ B.Z. KEDAR, «Segurano Sakran Salvaygo: un mercante genovese al servizio dei sultani mamalucchi, c. 1303–1322», в *Fatti e idee di storia economica nei secoli XII–XX. Studi dedicati a Franco Borlandi*, Bologna 1976, p. 82.

¹⁵ Ibidem, p. 502. См. A. MATVEEVIC CIPERIS, *Per una storia*, cit., p. 199.

¹⁶ ГГА, Notai, cart. n° 127, f. 241 r–v.

¹⁷ *Imposicio Officii Gazarie*, in *Monumenta Historiae Patriae. Leges municipales*, под редакцией L. SAULI, t. 1, Турин 1838; W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 171;

с татарами, то статут 1316 г. предписывал консулу Каффы оставить свободным от застройки все пространство за пределами города по дороге на Солхат, несомненно, чтобы облегчить защиту Каффы. С другой стороны, генуэзским торговцам запрещается оставаться более трех дней в Солхате, куда они приезжают за шелком, мехами и специями, а также запрещается зимовать в Тане — в этом городе они не могут покупать дома¹⁸. Несмотря на благосклонность нового хана, генуэзские власти не доверяли татарам и старались как можно надежнее защитить как свою понтийскую колонию, так и сограждан, которые туда переезжали.

В течение последующих 30 лет Каффа переживает период наибольшего расцвета. Но ее отношения с татарами по-прежнему были очень хрупкими. Убийство венецианцем в 1343 г. в Тане татарина вызвало протест местного населения против западных торговцев. Их дома были разграблены, товары отобраны, а жизням угрожала опасность¹⁹. Ряд генуэзских нотариальных актов показывает размеры ущерба, понесенного некоторыми купцами, проживавшими в Тане. Например, Леонардо Джудиче заявляет нотарию Томмазо Казанова о том, что в сентябре 1343 г. у него были украдены две суммы комменды: одна в 603 перпера Перы, а другая в 45 соммов номинала Таны. В том же месяце Андало Чеба лишился 251 сомма, 38 саджей и 21 карата, переданных ему в качестве четырех комменд Габриелем Чеба, Антонио и Ансальдо Кальво²⁰. Генуэзцы потеряли 350 000 флоринов, а венецианцы — 300 000²¹. В качестве возмездия хан Джанибек (1342–1357) отправил в 1343 г. на Каффу свое войско, правда, безрезультатно. Венеция и Генуя решили в итоге запретить торговлю с Кыпчаком, что не всегда соблюдалось генуэзскими купцами, несмотря на протесты венецианского дожа. В 1346 г. войско Джанибека во второй раз предприняло штурм Каффы, но встретило «ожесточенное и победоносное сопротивление» (Э. Бассо). Тогда оставшиеся без

V. PROMIS, «Statuti della colonia genovese di Pera», в *Miscellanea di Storia italiana*, t. XI (1871), 761–765; V. VITALE, *Le fonti del diritto marittimo ligure*, Genova 1951, p. 143–147.

¹⁸ *Imposicio Officii Gazarie*, cit., col. 408.

¹⁹ С.П. Карпов, «Génois et Byzantins face à la crise de Tana de 1343 d'après les documents d'archives inédits», в *Byzantinische Forschungen*, t. 22 (1996), p. 33–51.

²⁰ ASG Notai, Tommaso Casanova 1346 in 1347, f. 36 r-v- e 95 r-v.

²¹ N. GREGORAS, cit., t. 2, p. 685 ; G. STELLA, *Annales genuenses*, cit., p. 138; G. VILLANI, *Croniche storiche*, a cura di F.G. DRAGOMINI, Milano 1849, lib XII, cap. XXVII. Si veda W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 187–188; B. SPULER, *Die Le paysage urbain au Moyen Age. Goldene Horde*, cit., p. 394; E. SKRZINSKAJA, «Storia della Tana», in *Studi Veneziani*, t. X (1969), p. 10.

провианта и пораженные эпидемией чумы татары, чтобы избавиться от зараженных трупов, стали перебрасывать их через стены осажденного города, положив начало первой в мировой истории «бактериологической войне»²². По Миланскому договору от 1355 г., положившему конец венецианско-генуэзскому противостоянию («война Проливов», 1351–1355), на торговлю с татарами был наложен запрет (*devetum*), который в общем и целом соблюдался обеими сторонами вплоть до 1358 г., когда Коммуна Генуи поспешила отправить двух послов, Никколò ди Гоано и Раффо Эрминьо, к Берди Бегу (1357–1359 гг.), преемнику Джанибека. Хан принял их предложения, и торговля с татарами возобновилась, протекая, как и до 1343 г., в соперничестве между двумя морскими республиками²³.

Смерть в 1359 г. Берди Бега, последнего прямого потомка хана Батые, основателя Золотой Орды, вызвала в Кыпчаке анархию, благодаря чему позиции Каффы в Черном море укрепились. Она воспользовалась этим, чтобы захватить Солдайю в 1365 г. и 18 деревень, которые составили генуэзскую Газарию. Таким образом, контакты Каффы с Ордой распространяются на всю территорию Крымского полуострова.

После почти двадцати лет анархии стабильность возвратилась в Орду с приходом к власти Тохтамыша (1376/77–1395 гг.), который старался поддерживать хорошие отношения с Каффой, исходя из экономических соображений. Новый хан понял, что торговый обмен с генуэзцами мог способствовать процветанию его государства. И действительно, в первых регистрах Массарии Каффы (за 1374 и 1381 гг.) зарегистрированы частые обмены послами и посланниками между Ордой и генуэзской колонией. Сохранился, например, список покупок, совершенных посольством Раффаеле де Трани, которое было отправлено к татарскому хану и его майордому Мамаю в июне 1374 г. Среди преподнесенных даров упоминаются: флорентийское сукно, алое шерстяное сукно, камлот, тонкое полотно и вино, на общую сумму 17 217 аспров, 94 сомма, 33 саджей и 18 каратов, т.е. 36 200 аспров²⁴, в то время как различные посланники Мамаю получали камлот, рубахи, ткани и одежду²⁵. В тот же период власти Каффы усиливают связи с правителем Солхата Хаджи Магометом (Hadji Macomet), которо-

²² W. Heyd, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 187–188.

²³ M. Balard, *La Romanie génoise*, cit., t. 1, p. 86.

²⁴ ASG San Giorgio, Caffa Massaria 1374–1375, f. 14v, 211v.

²⁵ Ibidem, f. 7 r-v.

му Пьетро Чеба передает в качестве подношения («алаффа») 714 и 130 аспров, а Джованни Ричо дарит вино, сукно и продукты на сумму 679 аспров²⁶. В тот период шла война в Добрудже, и, возможно, генуэзские власти хотели заручиться, таким образом, поддержкой татар из Орды и Солхата.

С приходом к власти Тохтамыша обмен посольствами становится еще более интенсивным. 1 февраля зарегистрированы расходы послов Коррадо де Гоаско и Кристофоро делла Кроче, посланных к татарскому правителю. Кроме обычных подарков в виде сукна, тканей и вина, они привезли девять лошадей, девять тюков камки, различные специи, сахар и рис на сумму около 128 400 аспров²⁷. Есть сведения от 17 марта 1381 г. о принесенных в дар птицах, в частности соколах, двум посланникам хана и Мамай, Аина и Койа Берды²⁸. Следует отметить, что неудобный майордом Мамай тогда еще не сбежал в Каффу, где генуэзские власти прикажут его убить, чтобы оказать услугу ордынскому хану. Спустя пять месяцев настал черед эмира Солхата Элиас Бея быть принятым в Каффе на официальном банкете с богатыми специями, вином, мясом, рисом и подарками в виде верблюдов, рубах, камки, мехов и одежды. В августе 1381 г. Мамай, который, возможно, был уже убит, в хрониках больше не упоминается²⁹.

В результате такого обмена посольствами было подписано два соглашения: первое 27 ноября 1380 г. — с Ихаркасом Дзико, правителем Солхата, от имени Конаг Бега, соперника Тохтамыша в борьбе за ордынский трон, второе 24 февраля 1381 г. с Элиас Бейем, от имени ордынского хана, победившего, наконец, своего соперника³⁰. Оба соглашения были проанализированы Энрико Бассо³¹. Хан признавал превосходство Каффы над Солдайей и десятью деревнями, составлявшими Готию (готское княжество в Крыму); гарантировал генуэзским торговцам безопасность сделок на тер-

²⁶ Ibidem, f. 8v, 55r–v, 56r–v.

²⁷ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 13v. 242v.

²⁸ Ibidem, f. 3r.

²⁹ Ibidem, f. 63v e 294r. См. R. GROUSSET, *L'Empire des steppes: Attila, Gengis Khan, Tamerlan*, Paris 1969, p. 485.

³⁰ Копии этих трактатов в манускрипте E VII, 9, f. 43–48 Университетской библиотеки Генуи. Издано: C. MANFRONI, «Trattato dei Genovesi col chan dei Tartarin nel 1380–1381, scritto in lingua volgare», in *Archivio storico italiano*, n.s., t. 20 (1887), p. 161–165. Автор считает, что речь идет о двух экземплярах одного и того же трактата.

³¹ E. BASSO, «I Balcani e il Mare Maius», в ID., *Genova, un impero sul mare*, Кальери 1994, p. 99–103.

ритории его государства, а Каффа, в свою очередь, признавала формальный суверенитет хана. Месяц спустя, — в марте 1381 г., нотариус Антонио Мадзурро был отправлен в Солхат и Готию, чтобы зафиксировать клятву верности, принесенную жителями этих территорий, а татарин Саит, торговый представитель Солхата, получил в награду договор с Элиас Бейем о мире в Готии³².

Расширение влияния Каффы и свободное передвижение ее купцов были в интересах Орды, но угрожали интересам правителя Солхата, который мог потерять роль посредника между побережьем и внутренней частью полуострова. По всей видимости, жесткая фискальная политика генуэзских властей, вынужденных участвовать в дорогостоящей Кюджийской войне и призывать на службу солдат и моряков, вызвала недовольство коренного населения, особенно татар, которые проживали в бургах и сельской местности, «самраниа» Каффы³³. Восстание вспыхнуло в конце 1386 г.: многие «сарацины», т.е. татары, нашли убежище в Солхате. Генуэзская администрация установила три новых Оффиции, Военную (*Officium Guerre*), ответственную за снабжение оружием и боеприпасами, *Officium Victualium*, которая обеспечивала поставки продовольствия, в частности зерна, и *Officium super rebus Sarracenorum occaxione guerre*, состоящую из четырех генуэзцев, которые конфисковывали имущество бунтарей, т.е. татар-предателей. Некоторые из восставших были арестованы и посажены в тюрьму, а их имущество было продано на публичных торгах и пополнило бюджет Каффы на 139 582 аспра³⁴.

Так называемая *bellum de Sorcati* была описана Энрико Бассо, который показал в своей работе, как генуэзские правители Каффы развернули активные дипломатические контакты с молдавским воеводой, правителем Зихии, некоторыми представителями татарской знати и особенно с Ордой, в которую было тайно отправлено множество гонцов: например, в октябре 1386 г. двое из них отправились ночью на встречу с гонцом хана³⁵. Каффа использует эти контакты с Ордой, и даже военный контингент под командованием Котолбога (Гутлуг Бога) присоединяется к каффинскому войску, которым командовал Андреотто да Леричи³⁶.

³² ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 292v и 294v.

³³ В Массарии Каффы от 1381 г. (f. 272v) упоминается *cotumum*, который должны были платить сарацины на общую сумму 999 соммов, 22 саджей и 20 карат.

³⁴ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 190r, 213 r—v.

³⁵ Ibidem, f. 92v.

³⁶ E. BASSO, «I Balcani», cit., P. 104—105.

Орда не поддерживает своего вассала, правителя Солхата. Отсутствуют детали военных операций против Солхата, куда консул Каффы отправляет в августе 1386 года восемь шпионов³⁷. Он также стремится к заключению мира, отправляя, правда, безрезультатно в Солхат в том же месяце Юаниксиуса де Персио (Juanixius de Persio) с целью проведения переговоров о мире («per trattare pacem»³⁸). В 1387 г. количество посылаемых в Солхат гонцов увеличивается: в Массарии зафиксированы их траты от 4 января, 23 января, 26 февраля, 4 апреля, 2 июля³⁹. Наконец, возможно, при участии ханского посла Темюра Коча, два генуэзца, Джентиле Гримальди и Джанноне ди Боско, отправляются в Солхат с традиционными дарами — бархатом и алым шерстяным сукном, — чтобы вести переговоры о мире, который был заключен 12 августа 1387 г. Мирный договор предусматривал возвращение поврежденного за время войны имущества и беглых рабов, а также возвращение правителя Солхата к денежной стабильности⁴⁰. Котолбога получил за свои услуги 56 метретов вина, специи, алое шерстяное сукно, рис и флорентийское сукно, а посредник Темюр Коча был с почетом принят в Каффе в сентябре 1387 г.⁴¹

Этот мирный договор вернул Каффе лидирующие позиции на Крымском побережье и роль столицы всех генуэзских поселений в Черном море. В последнее десятилетие XIV века торговая деятельность Каффы вернулась к тому уровню, на котором была до Кьоджийской войны и войны с Солхатом. Отношения колонии с Токтамышем становятся настолько прочными, что в своей борьбе против Тамерлана Токтамыш решает задействовать Каффу. Впрочем, генуэзцам удастся избежать присоединения к коалиции. В 1391 и 1395 гг. Тимур разгромил войско хана, который был вынужден бежать сначала в Литву, а затем в Сибирь. Тем временем, полновластным хозяином Золотой Орды становится эмир Едигей, находившийся под покровительством Тамерлана, который после принятия с ложной благосклонностью латинских торговцев из Таны предал колонию огню и мечу, разрушил генуэзские и венецианские фактории и взял в рабство торговцев, не успевших бежать. Генуэзцы понесли множество убытков, у них больше не было возможности ездить в Сарай и Астрахань, разрушенные

³⁷ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 90v.

³⁸ Ibidem, f. 90v.

³⁹ Ibidem, f. 94 r–v, 95 r, 96v.

⁴⁰ E. BASSO, «I Balcani», cit., p. 106–107.

⁴¹ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1387, f. 97v, 99v.

войсками Тамерлана. К счастью, это не коснулось Крымского побережья. В Каффе и других генуэзских колониях, находившихся на этой территории в начале XV века, царил мир, несмотря на распад Золотой Орды и создание независимого Крымского ханства под управлением Хаджи Гирея, дальнего потомка Тука-Тимура⁴². Продолжались дипломатические контакты, зафиксированные в Массарии в виде принесенных и полученных даров: в 1410 г. дары были преподнесены Магомету, ханскому послу, эмиру Солхата и другим ордынским посланникам⁴³, в 1424 г. — хану Одолат Берди, «императору татар», и солхатскому правителю⁴⁴. В 1420 г. Каффа заплатила Хаджи Гирею 100 соммов за годовую аренду Монетного Двора, который, согласно договору от 1387 г., обязался чеканить для Каффы полновесные монеты⁴⁵. Мирная жизнь была потревожена в 1433 г. войной при Чембало, когда город перешел под власть князя Феодоро (Мангула) грека Алексея. Власти Генуи в ответ снарядили военную экспедицию под руководством Карло Ломеллино, которая увенчалась успехом. Город был взят, но его войско по пути в Солхат попало в засаду к татарам, при этом самому Ломеллино едва удалось спастись⁴⁶. В течение нескольких последующих десятилетий до смерти Хаджи Гирея в 1466 г. отношения Каффы с Крымским ханством оставались очень напряженными.

Падение Константинополя в 1453 г. под ударами турок-османов имело важные последствия и для отношений Каффы с татарами. С тех пор колония управлялась уже не генуэзским правительством, а Банком Святого Георгия, который 15 ноября 1453 г. стал концессионером с правом бенефициария всех генуэзских колоний в Причерноморье. Корреспонденция Каффы с покровителями из Банка, которые использовали шифры для обозначения татарского хана — «Respice», «tamog», «qualis», «8»⁴⁷, — предоставляет точную информацию об отношениях колонии с соседними государствами. В письме от 2 мая 1454 г. епископ Каффы Джаккомо Кампора обвиняет каффинские власти в неспособности проти-

⁴² M. BALARD, «Genova and the Golden Horde», в *Golden Horde Civilization*, 2017 n° 10, p. 105–112.

⁴³ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1410, f. 46v, 48r–49r, 51 r–v, 55v.

⁴⁴ Ibidem, Caffa Massaria 1424, f. 45 r–v, 50r–v, 53v, 85 r–v, 184r, 200r.

⁴⁵ Ibidem, Caffa Massaria 1420, f. 362r.

⁴⁶ S. ANDREESCU, «New Genoese Documents relating to Carlo Lomellino's expedition in the Black Sea Area (1434)», in *Il Mar Nero. Annali di Archeologia e Storia*, V (2001–2003), P. 259–272.

⁴⁷ A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VI/1, 1, p. 832–833; t. VII/1,3, p. 872.

востоять угрозе со стороны татар и турок и напоминает, что мать Хаджи Гирея, принятая в Каффе, жаловалась на то, что полученные ею подарки были слишком скромными⁴⁸. Несколько месяцев спустя канцлер колонии посылает письмо с подробным рассказом об осаде города турецким флотом и войсками Хаджи Гирея. Правитель Солхата отправил 6 000 всадников, которые дошли до антибургов Каффы, но, не располагая нужным для осады материалом, отступили, наложив на факторию ежегодную дань, которая в счетах Массарии значится как алаффа⁴⁹. Испытывая постоянный недостаток в деньгах, эта оффиция была вынуждена прибегать к займам или введению новых налогов для того, чтобы платить хану эту дань, к которой добавлялась еще дань турецкому султану. Город оказался в критическом положении: недостаток зерна, бунт носильщиков, матросов, мелких ремесленников, бедняков, чума в 1456 г. Восстание было подавлено направленными в город двумя галейми и солдатами, которым удалось навести порядок⁵⁰. В письме консула в Банк в 1458 г. упоминается нежелание жителей Каффы платить новый налог татарскому хану (*novum tributum imperatoris Tartarorum*)⁵¹. В ответ Банк просит власти Каффы поддерживать добрые отношения со всеми государствами Понтийского региона, особенно с татарами⁵². В последующие годы отношения Каффы с Хаджи Гиреем улучшаются в связи с тем, что покровители из Банка периодически рекомендуют консулу демонстрировать свою благосклонность по отношению к крымскому хану. После его смерти в 1466 г. попечители Банка были обеспокоены тем, что она могла привести к волнениям в ханстве, но надеялись, что сын Хаджи Гирея — Менгли Гирей, одержавший как наследник престола верх над братом Нур Гиреем, сможет навести там порядок⁵³. Консул Каффы в спешном порядке заплатил дань новому хану и преподнес дар (*novena*) Мамаку — так в западных источниках часто называют Ахмеда, одного из последних ханов Золотой Орды⁵⁴. Возобновляется обмен посольствами с Солхатом: в 1468 г.

⁴⁸ A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VI/1, p. 86, doc. XXI.

⁴⁹ Ibidem, p. 102–104, doc. XXXIII.

⁵⁰ A. MATVEEVIC CIPERIS » Situazione interna e lotta di classe a Caffa tra gli anni '50 e '70 del XV secolo », in *Storici sovietici*, cit., p. 232 e 245–249.

⁵¹ VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VI/1, 1, p. 814 (8 февраля 1458).

⁵² Ibidem, p. 815.

⁵³ Ibidem, t. VII/1, 2, p. 464, док. n° DCCXL (15 января 1467).

⁵⁴ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1469, f. 146v e 148r. О личности Мамака см.: I. LEBEDYNSKY, *La Horde d'Or*, Arles-Paris 2013, p. 56.

два посла, Систо Чентурионе и Грегорио Россо, отправились туда с традиционными подарками и двумя отрезами камки⁵⁵. 7 ноября 1468 г. Банк с радостью воспринял приход к власти Менгли Гирея, который со своей свитой был принят в Каффе и согласился на уменьшение полагавшейся ему дани⁵⁶. В 1469 г. два посланника, или, как их называли, *oratores*, были направлены в Солхат: Никколò ди Торрилья, — нотариий, хорошо известный по источникам того времени, и Баттиста ди Валлетарио, с одной стороны, и Симоне ди Кармадино и Бабиано Адорно, с другой⁵⁷.

К сожалению, последние годы генуэзского присутствия в Каффе были омрачены серьезными потрясениями, как внутренними, — в частности, разрушительным вмешательством властей в спор двух кандидатов на должность армянского епископа⁵⁸, так и внешними — новый крымский хан не смог установить мир в своем государстве. В сентябре 1469 г. по его запросу консул послал ему группу солдат, которые арестовали многих представителей татарской знати и отправили их в тюрьму в Каффу⁵⁹. В своих письмах покровители Банка обращаются к консулу с настоятельной просьбой поддерживать хорошие отношения с Менгли Гиреем, не позволяя татарам отправляться ко двору турецкого султана⁶⁰ из-за опасения возможного союза хана с султаном. Однако в апреле 1471 г. они с радостью приветствовали заключение союзнического соглашения между ханом и золотоордынским беглербеком Мамаком⁶¹. К сожалению, последний в 1473 г. умирает. Его преемником становится брат Эминек. Он довольно быстро начинает враждовать с генуэзцами, которые, по договоренности с вдовой Мамака, поддерживают другого сына, Сертака. Когда Менгли Гирей смещает с трона Эминек, представители недовольной татарской знати из Солхата обращаются к турецкому султану, который посылает в Черное море

⁵⁵ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1468, f. 145v–146r, 180r.

⁵⁶ A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VII/1, 2, p. 562, doc. n° DCCCXXI (7 ноября 1468).

⁵⁷ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1468, f. 180r; Caffa Massaria 1469, f. 147v e 193r.

⁵⁸ M. BALARD, «Les controverses politico-religieuses à Caffa (1473–1475)», in *L'Église arménienne entre Grecs et Latins fin XIe – milieu XVe siècle*, a cura di I. AUGÉ – G. DÉDEYAN, Paris 2009, p. 183–192.

⁵⁹ A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VII/1, 3, p. 629, doc. n° DCCCLXXII (1° сентября 1469).

⁶⁰ Ibidem, p. 655, doc. n° DCCCLXXXIV (16 февраля 1470); p. 671, doc. n° DCCCCI (12 апреля 1470); p. 674, doc. n° DCCCCIV (28 апреля 1470).

⁶¹ Ibidem, p. 765, doc. n° DCCCCLXIV (26 апреля 1471).

свой флот под командованием Гедика Ахмед-Паши. Осажденная 1 июня 1475 г. Каффа, лишенная поддержки большинства коренного населения, продержалась только пять дней⁶². Коалиция татарской элиты из Солхата с турками положила конец двухсот-летнему правлению генуэзцев.

«Как вы увидите, в этом городе (Каффе), а также в Солдае и Чембало, население состоит из армян, греков, скифов (татар) и других подобных народов», — писали власти Каффы, чтобы подчеркнуть полиэтнический характер своей метрополии⁶³. Какую роль там играли татары? Хотя не так просто отличить так называемых сарацин, выходцев из сиро-палестинских земель, Персии или Центральной Азии, от татар, так как названия этих народов часто искажались нотариальными актами и Массарии, представляется значительным. В реестре 1374 г. мы находим, например, следующие имена: Тайтах, Берги из Солхата, Якачи, Текари, Асал, Синар, Тамогачих, Тестамур де Аффазадор, не вполне ясно происхождения Николаус Тартарус и Обертус Тартарус, которые могли быть генуэзцами⁶⁴. Во втором реестре, от 1381 г., упоминаются Акбога, Аханос, Абатар, Беручак, Корсоли, Котолбей, Самбей, Азилбей, Котолбога, Тайтак, Кочикар, Жхарок Мамай, Жорго, Аффазадор Танжиберды, Танжибернус Баксас, Жолбей, Токой из Солхата, Росбей из Комаго, Актабей, Канакбей, Куйдибей, Костасбей, Каначибей Базаки, Росбей⁶⁵. В 1386 г. из-за противостояния Каффы и Солхата и бегства в Солхат многих татар в Массарии отмечено небольшое число татар, например, Тавахал, Астамур, Тайтах, Котробей, Тобого, — все значатся как *orguxii*, т.е. пять из 21 членов консульской гвардии⁶⁶. В XV веке количество татарского населения растет, о чем свидетельствует один из пунктов статута Каффы от 1449 г., который обязывает капитана бургов оглашать свои распоряжения «на латинском и татарском языках», а не на греческом

⁶² W. HEYD, *Histoire du commerce*, cit., t. 2, p. 400–404 ; G.G. MUSSO, „Il tramonto di Caffa genovese“, dans *Miscellanea di storia ligure in memoria di Giorgio Falco*, Gênes 1966, p. 241–263; M. CAZACU – K. KEVONIAN, «Les Ottomans en Crimée. La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents», in *Cahiers du monde russe et soviétique*, XVII/4 (1976), p. 495–538 ; G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 468–474.

⁶³ G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 211.

⁶⁴ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1374, f. 124v, 342v, 18v, 31r, 5r, 164r, 2r, 104v, 122r, 156v, 30v, 36v, 92v, 32r, 314v; см.: E. BASSO, «I Balcani», cit., p. 126.

⁶⁵ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 1r, 3v, 5r, 7v, 8v, 10r-v, 16r, 27r, 35v, 36v, 37r-v, 39v, 40v, 46r, 61r, 88v-89r-v, 96v, 128r, 165r, 229r, 230r, 243v, 275r, 331v, 407v, 422v.

⁶⁶ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 506r–511r.

или армянском, хотя армяне составляли большинство населения этой территории⁶⁷.

Если различные этнические группы жили попеременно в кварталах генуэзской колонии, то татары составляли исключение. Они проживали в основном в бургах и антибургах Каффы. Бурги, как город с крепостью, делились на контрады (*contrade*), по образцу устройства самой Генуи. Места проживания значительной части татар обозначены в реестре Массарии от 1381 г.; в бургах мы находим их в контрадах «*Stagnoni parvi*», «*Astellani marchixii*», «*capitis*», «*super stagnonum*», «*in contratta ecclesie papa Georgii*», или «*ad Judecham*»⁶⁸. Капитан бургов, генуэзский магистрат, должен был следить за порядком. Всех, кто выходил на улицы после колокольного звона, штрафовали на 18 аспров. Жителям бургов было запрещено получать подарки от хана (*imperatore*) или татар, держать в доме оружие, а также принимать в своем доме соотечественников, вне зависимости от того, являются ли они подданными хана. Свет в каждом доме следовало гасить после звона колокола⁶⁹. Все это говорит нам о том, что власти Каффы не верили в лояльность татар, которые проживали в городе, и стремились свести к нулю любое взаимодействие генуэзцев с подданными хана или эмира Солхата. В феврале 1464 г., например, был запрещен доступ генуэзцев к татарскому хану без разрешения *Officium monete*. Штраф 25 соммов ждал любого, кто принимал хоть какую-то денежную сумму от хана или его приближенных⁷⁰.

Чем каффинские татары зарабатывали себе на жизнь? В реестрах Массарии к небольшому количеству татарских имен добавлена приписка о роде их деятельности. На первое место выходят мясники и торговые агенты, что доказывает роль татар в торговых обменах между городами Крымского побережья и внутренней частью полуострова. Далее следуют портовые носильщики. В государственных учреждениях татары представлены мало; если мы находим достаточное количество *orguxii*, составлявших личную охрану консула, совсем немного татар рекрутировалось в качестве солдат

⁶⁷ A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VII/2, 2, p. 624. ; Ibidem, t. VI/1, 1, p. 359, doc. n° CLI (6 сентября 1455): «Известно, что эта территория (Каффа) населена, главным образом армянами, которые сохраняют лояльность по отношению к нам, являются хорошими торговцами и приносят городу значительную прибыль».

⁶⁸ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 37r, 38r, 102r, 108v, 129r, 191v.

⁶⁹ A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VII/2, 2, p. 620, 622, 624, 636, 679; t. VI/1, 1, p. 816

⁷⁰ Ibidem, t. VII/1, 2, p. 284, doc. n° DCXXV (3 февраля 1464).

войска фактории (*servientes*) или ночных сторожей⁷¹. Здесь власти еще сомневаются в лояльности татар, особенно в военное время.

Во избежание тайного сговора каффинских татар с силами татарского хана и эмира Солхата, статут Каффы их разделял на подданных хана, — так называемых ханлухов (*canluchi*), на которых распространялась власть тудуна (*tudun* или *titanus* на латыни), наместника хана в городе, — и татар, которые прожили вместе со своими семьями в городе более года и, с юридической точки зрения, считались генуэзцами. Смысл заключался в том, чтобы вывести последних из-под власти тудуна (*titanus*) и составить из них компактную группу, преданную генуэзцам⁷². Другим должностным лицом, представлявшим в Каффе власть хана, был комеркиарий ханлухов, *comerciarius canluchorum*, который собирал от его имени таможенные пошлины в размере 5%; татарское происхождение этого должностного лица было необязательным. И действительно, в 1381 г. комеркиария (*comerciarius*) зовут Саид, в 1386 г. это Каихадор и Пандасени — причем последний совмещал функции *titanus* и *commercarius*, в 1447 г. таможенные пошлины от имени хана собирал армянин Агопса, а в 1471 г. в Массарии Каффы рассматривается возможность выкупа права сбора пошлины с ее последующим сокращением до 3 или 4%⁷³.

Присутствие в Каффе *titanus* и *comerciarius* не означает, что признается суверенитет татарского хана над городом. Генуэзцы владеют городскими территориями и свободно ими распоряжаются: ни в одном договоре купли-продажи земли или дома не упоминаются права хана. Генуя согласилась на присутствие одного должностного лица *titanus*, который защищал права золотоордынских подданных, но, по всей видимости, его роль не выходила за рамки функций консулов иностранных государств в крупных городах нашего времени. Что касается *comerciarius*, он находился в Каффе, чтобы контролировать товары, поступающие из Кыпчака или направляющиеся туда же, при том что данная уступка компенсировалась торговыми привилегиями, предоставленными

⁷¹ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1374, f. 188r, 342v; Massaria 1381, f. 46r, 128r, 180r, 243v, 331v, 407v, 422v; Massaria 1386, f. 506r–511r.

⁷² A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VII/2, 2, p. 650; см.: M. BALARD, *La Romanie génoise*, cit., t. I, p. 459–461; G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 122–123; E. BASSO, «I Balcani», cit., p. 126.

⁷³ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 39r; Massaria 1386, f. 90r, 204r; Массария 1447, f. 3r; A. VIGNA, «Codice diplomatico», cit., t. VII/1, 3, p. 745, док. n° DCCCCXLI (14 февраля 1471).

генуэзцам на территориях, подвластных хану⁷⁴. Можно также отметить, что Банк, взявший на себя руководство Каффой в 1453 г., значительно изменил монету колонии: сохраняется *tamga*, символ Орды, но уже без легенды с именем хана, а с фоллера вообще удаляется какое-либо упоминание о татарах. Это знак, направленный на утверждение власти, престижа и полной автономии колонии в период, когда ей угрожали как татары Солхата, так и турки⁷⁵.

В контексте отношений между Каффой и Ордой нельзя забывать и об их взаимных экономических интересах. Генуэзская колония, в которой в конце XIV века проживало около 70 000 жителей, нуждалась в татарском сообществе для получения провизии, особенно зерна и продовольственных продуктов, за исключением вина, которое в изобилии производилось на Крымском побережье. Власти города с особым вниманием относились к сельскохозяйственному производству в «сапрагна», т.е. на крымской территории между Каффой и Солхатом, откуда поступали телеги с зерном: закупка на сумму 2 400 аспров в 1381 г., 15 213 аспров в 1386 г., пшено из Зихии, зерно из Ло Вато (Батума) и Севастополя в августе 1387 г., пшено из Татарии в 1421 г., почти каждый год городу требовались новые зерновые поставки, и часто метрополия была вынуждена помогать ему с провизией⁷⁶.

«Caput Gazarie», Каффа воспользовалась своим положением, когда в конце XIII — начале XIV века Черное море стало средоточием международной торговли⁷⁷. С одной стороны, генуэзская колония служила перевалочным пунктом для местных товаров, приобретенных в Солхате (зерно, сыр, пушнина, шкуры), в солеварнях и рыболовных зонах Азовского моря (соль, рыба, икра) или на восточном побережье Черного моря (рабы, зерно), которые затем переправлялись на Запад или в северные города Анатолии. С другой стороны, благодаря «рах mongolica»⁷⁸, Каффа стала отправной точкой для всех латинских торговцев, которые в первой половине XIV в. отправлялись в Центральную Азию, Индию, Китай, куда

⁷⁴ M. BALARD, *La Romanie génoise*, cit., t. 1, p. 459–460.

⁷⁵ G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 213–215.

⁷⁶ ASG, San Giorgio, Caffa Massaria 1381, f. 87v, 103v; Массария 1386, f. 125rv, 162v, 206r, 400v, 401r; Массария 1421, f. 133r, 136v, 139r; S. ORIGONE, «L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV», in *Saggi e Documenti III*, Генуя 1988, p. 229–318, doc. n° 5 (31 августа 1422), doc. n° 22 (25 сентября 1426).

⁷⁷ G.I. BRATIANU, «La mer Noire plaque tournante du trafic international à la fin du Moyen Age», в *Revue historique du Sud-Est européen*, t. XXI (1944), p. 36–69.

⁷⁸ Ch. LEMERCIER — QUELQUEJAY, *La paix mongole*, Paris 1970.

они везли сукно, холсты, хлопковую ткань «скамандри», изделия из металла, чтобы купить там шелк, специи, жемчуг и предметы роскоши⁷⁹. Пеголотти описал длинный путь генуэзских и венецианских купцов через Золотую Орду на Дальний Восток⁸⁰. После закрытия Китая с приходом династии Мин в 1368 г. каффинские генуэзцы начали выстраивать взаимоотношения с ближними ордынскими территориями, оставляя лишь небольшую долю восточных товаров.

Ясно, что торговля являлась поистине связующим звеном в отношениях каффинских генуэзцев и Орды, которая контролировала один из крупнейших азиатских торговых путей, описанных Пеголотти, — путь из Черного моря в Китай. Благодаря монгольскому миру, этот Северный шелковый путь многие западные торговцы совершали через Каффу. До 1368 г. шелк и специи (с востока на запад) и серебро, ткани и утварь (с запада на восток) были основными предметами торгового обмена. После 1368 г. торговля в Черном море претерпевает значительные изменения: шелк и специи пропадают, но растет приток местных товаров, которые сначала стекаются в Каффу, а уже затем отправляются по морю на запад: зерно, соль, воск, мед, кожа, рыба, пушнина, цветные металлы и, прежде всего, рабы, несмотря на относительный спад работорговли в XV веке. Все это наполняло генуэзские корабли и, благодаря таможенным пошлинам, пополняло ханскую казну. Таким образом, можно утверждать, что отношения между генуэзской Каффой и Золотой Ордой обогатили обеих и превратили Черное море в центр международной торговли позднего Средневековья.

⁷⁹ G.I. BRATIANU, *La mer Noire. Des origines à la conquête ottomane*, Monaco di Baviera, 1969, p. 204–249; R.S. LOPEZ, *Su e giù per la storia di Genova*, Genova 1975; M. BALARD, *La Romanie génoise*, cit., t. 2, passim; G. PISTARINO, *I Gin*, cit., p. 199–245; S. PAPACOSTEA – V. CIOCIŁTAN, *Marea Neagea. Raspântie a drumurilor intercontinentale (1204–1453)*, Constantza 2007.

⁸⁰ F.B. PEGOLOTTI, *La pratica della mercatura*, по редакции А. EVANS, Cambridge (Mass.), 1936, p. 21–23.

Costruire un impero, gestire un impero: modelli delle talassocrazie italiane nel Mediterraneo bassomedievale

Enrico Basso
Università di Torino

Due città e due sistemi a confronto

Quasi cinquant'anni fa, in un suo breve, ma denso contributo significativamente intitolato “Gênes et Vénise: deux styles, une réussite”, Roberto Sabatino Lopez metteva a confronto gli elementi di fondo della politica e della struttura sociale genovese e veneziana, individuando con grande efficacia i caratteri peculiari dell'una e dell'altra ed evidenziando come questi avessero influito sull'espansione dei due imperi commerciali e sulla stessa memoria storica delle due città.

In effetti, nel quadro generale della storia europea medievale e moderna, Genova e Venezia rappresentano i due casi più compiuti di “imperi talassocratici”, fondati essenzialmente sul controllo delle rotte marittime esercitato attraverso il possesso degli snodi fondamentali del sistema di navigazione, ma nel realizzare questo tipo di dominazione, che le distingue profondamente da tutte le compagini statali a loro contemporanee (i grandi Stati territoriali europei e mediterranei, ma anche le altre città comunali italiane), seguirono cammini differenti e utilizzarono strumenti differenti.

Partendo quindi dall'intuizione di Lopez, pur senza ripercorrere nel dettaglio le complesse vicende del periodo bassomedievale, vorrei approfondire in questa sede proprio il tema delle differenze, ma anche dei tratti di similitudine, della politica “coloniale” che le due città marittime italiane seguirono nel corso del Basso Medioevo, non certo nell'intento di stabilire delle classifiche di merito, che sarebbero prive di senso da un punto di vista storiografico, ma per evidenziare, se possibile, quelli che furono i “punti forti” di due linee politiche parallele, ma di eguale successo.

Sia per poter mantenere il parallelismo di questo confronto, sia per evidenti ragioni di spazio e di tempo, concentrerò la mia analisi essenzialmente sugli spazi della *Romania* e del Ponto, dove l'espansionismo delle due città generò i maggiori attriti, ma colse

anche i più grandi successi in termini di acquisizioni territoriali, con le conseguenti necessità di amministrazione di territori, e soprattutto di popolazioni, spesso profondamente “alieni” rispetto alle precedenti esperienze dei nuovi padroni.

Venezia: la figlia di Bisanzio

Volendo procedere in ordine cronologico, è inevitabile iniziare l'analisi dalla costruzione di quello che sarebbe divenuto lo *Stato da Mar* veneziano.

La prima fase dell'espansione di Venezia, fra X e XII secolo, fu indubbiamente marcata da un costante equilibrio fra l'esercizio della forza militare e quello di un'abile diplomazia, che portò all'edificazione di un complesso sistema di pattuizioni e atti di sottomissione che inquadrava l'insieme dei porti dell'Adriatico in un sistema finalizzato a servire gli interessi del commercio veneziano tanto in direzione del Levante e di Costantinopoli, quanto ai fini della redistribuzione delle merci sia sul mercato di Venezia che verso le aree di entroterra.

Indubbiamente, la crisobolla concessa nel 1082 dall'imperatore Alessio I Comneno in un momento di estrema necessità per l'Impero rappresentò un momento di svolta decisiva in questo processo: oltre a contribuire a sventare la minaccia di un controllo normanno su entrambe le rive del Canale di Otranto, i veneziani, acquisendo uno *status* fiscalmente privilegiato sui mercati bizantini, si trovarono infatti improvvisamente nella posizione ideale per sfruttare le debolezze insite nelle rigidità stesse del sistema sociale e amministrativo dell'Impero, avendo di fatto la possibilità di “mettere fuori gioco” i mercanti bizantini e di delineare un primo esperimento di monopolio commerciale negli spazi della *Romania*. Per quasi un secolo, fino al grande *pogrom* antilatino del 1171, i mercanti di Venezia poterono così acquisire un ruolo dominante nella vita economica del mondo bizantino, anche se questo predominio era per il momento limitato alla sfera commerciale ed escludeva ancora l'idea di estendere il controllo politico e militare della Serenissima al di fuori degli spazi adriatici che da tempo essa aveva rivendicato a sé in maniera esclusiva.

Nel trentennio intercorso fra il culmine della reazione antilatina (ma soprattutto antiveneziana) orchestrata da Andronico I Comneno al fine di consolidarsi sul trono usurpato e gli avvenimenti del fatale 1204, è probabile che in seno al ceto dirigente veneziano sia maturata, accanto all'ovvio desiderio di vendetta e risarcimento per il danno e l'offesa subiti, anche l'idea che, proprio per evitare il ripetersi di situazioni

analoghe, sarebbe stata auspicabile l'instaurazione di una forma di controllo diretto sui punti strategicamente più rilevanti per il dominio della rete commerciale della *Romania* che consentisse di applicare la forza politica e militare a sostegno dell'espansione delle attività economiche e commerciali. Ciò anche in considerazione del fatto che l'indebolirsi della posizione veneziana aveva favorito l'ingresso in questo spazio economico di una concorrenza pisana e genovese che, per quanto ancora dimensionalmente limitata, si delineava fin da allora come una potenziale minaccia per gli interessi della Serenissima.

In conseguenza degli avvenimenti connessi alla deviazione della IV crociata, la presenza veneziana nel mondo bizantino assunse quindi, dopo la ratifica della *Partitio Romanie*, caratteristiche assolutamente inedite, che avrebbero condizionato la storia della città lagunare per almeno mezzo millennio.

L'assunzione del controllo di "un quarto e mezzo dell'Impero dei Romani", secondo il dettato degli accordi, comportò infatti il passaggio da una fase di semplice predominio economico, per quanto marcato in senso monopolistico, quale era stata quella sviluppatasi a partire dal secolo XI, a una di amministrazione "coloniale" dei territori acquisiti a conclusione di un'accurata opera di selezione delle opzioni possibili effettuata dal doge Dandolo e dai suoi consiglieri.

La natura assai varia dei possedimenti passati in tal modo sotto il vessillo di S. Marco (scelti essenzialmente nell'ottica dell'esercizio di un controllo economico assoluto sul nuovo Impero Latino d'Oriente e sui suoi satelliti edificati dai baroni francesi in Grecia) impose già da sé il ricorso a un ventaglio di soluzioni diversificate che potessero adattarsi alle differenti realtà con le quali i veneziani si trovarono a confrontarsi, senza tuttavia mai perdere di vista l'interesse superiore della grande comunità economica e politica di Venezia; e questo tema di fondo rimase valido anche quando la ripresa bizantina posteriore al 1261 impose un parziale restringimento dei confini dell'area di dominio veneziano.

I problemi maggiori con i quali i nuovi padroni si trovarono a confrontarsi, al di là dell'irriducibile ostilità di fondo dei loro nuovi sudditi (animata da motivi tanto politici, quanto soprattutto religiosi), furono essenzialmente costituiti dalla distanza dei nuovi possedimenti dal centro politico del mondo veneziano e dalla perpetua condizione di minoranza dell'elemento "latino" rispetto al complesso della popolazione degli stessi.

Le risposte che vennero escogitate per far fronte a tali problemi furono, come si è detto, assai diversificate fra loro, con una sostanziale

divaricazione (tenendo conto solo della situazione dei territori rimasti in possesso dei veneziani nella seconda metà del XIII secolo) fra la situazione delle Cicladi, delle Sporadi meridionali e, almeno fino al XIV secolo avanzato, di Negroponte, e quella di Creta, configuratasi fin dall'inizio di questa esperienza come l'acquisizione più preziosa nell'ottica della costruzione di un impero marittimo volto al controllo tanto delle rotte dell'Egeo, quanto di quelle del Levante.

Quelli che a partire dalla fine del XIII secolo divennero gli avamposti del sistema di controllo veneziano sulla rete delle rotte commerciali indirizzate verso Costantinopoli e il Mar Nero vennero infatti amministrati in forma che potremmo definire "mediata", attraverso l'instaurazione di poteri signorili formalmente indipendenti, ma detenuti da famiglie come i Cornaro, i Querini e i Ghisi che, per il loro profondo coinvolgimento nella politica interna veneziana, offrivano abbondanti garanzie di tutela degli interessi di Venezia nell'area.

Il Ducato di Nasso, o dell'Arcipelago, le signorie di Karpathos (Scarpanto) e di Astipalia (Stampalia) e il sistema dei Signori Terzieri di Negroponte erano quindi forme di dominio che delegavano ai nuovi dinasti la complessa gestione della questione amministrativa e dei rapporti con la popolazione locale, mantenendo al contempo verso l'esterno la coesione di un sistema essenzialmente controllato dal ceto politico veneziano e funzionale allo sviluppo dell'attività dei mercanti della Serenissima.

Proprio per questo motivo ci sono pervenuti così pochi documenti promananti dall'amministrazione interna di questi territori pur così importanti, che conosciamo essenzialmente attraverso le notizie che è possibile desumere dalla documentazione pubblica veneziana; in effetti, gli archivi amministrativi di queste signorie, e gli archivi familiari dei dinasti che le governarono, sono in gran parte scomparsi nel grande naufragio archivistico connesso alla conquista ottomana dei secoli XV–XVI, lasciandoci solo dei frammenti conservati in archivi privati successivamente confluiti nel sistema di conservazione degli Archivi di Stato, o tuttora in possesso dei discendenti di queste famiglie.

Il discorso cambia radicalmente quando si passa a esaminare la situazione di Candia. L'amministrazione di quello che, come si è già evidenziato, era il possedimento strategicamente ed economicamente più importante in tutto il quadro dello *Stato da Mar*, sia per il suo ruolo rispetto all'area egea, che per la posizione nodale sulle rotte dirette verso la Siria e l'Egitto, venne infatti strutturata, una volta consolidato il possesso al termine di un insidioso conflitto con un personaggio come il conte di Malta Enrico Pescatore (dietro al quale si intuivano

nascondersi interessi manovrati da Genova, ma forse anche dalla corte palermitana), in modo completamente differente: con un enorme sforzo organizzativo, il governo veneziano impostò infatti una struttura amministrativa e un progetto di popolamento mirati a fare dell'isola una sorta di proiezione ingrandita della stessa città lagunare.

Candia, suddivisa territorialmente in sestieri che riprendevano anche il nome degli originali veneziani e amministrata da un Duca e da un Consiglio nominati da Venezia, era infatti allo stesso tempo un possedimento coloniale e una replica su scala maggiore della struttura della madrepatria. La ricca documentazione, tanto amministrativa, quanto notarile, giunta fino a noi ci consente infatti di cogliere un'immagine assai precisa del tipo di società e di amministrazione che i veneziani avevano pensato per l'isola e dei problemi che la concretizzazione di questo progetto venne a creare: di fronte agli attriti di natura religiosa fra il clero locale e quello "latino" giunto con i nuovi padroni e all'espropriazione massiccia ed evidente dei diritti della popolazione autoctona, operata per incrementare l'impianto di un nuovo ceto di coloni di origine prevalentemente italiana attratti proprio attraverso la redistribuzione delle proprietà fondiarie, l'ovvia reazione non potevano essere che le aperte rivolte, guidate da elementi dell'aristocrazia locale come Alessio Kalergis, che impegnarono duramente le forze veneziane fino alla fine del XIII secolo e marcarono in modo permanente, attraverso la realizzazione di un gran numero di strutture fortificate a controllo dei villaggi dell'entroterra, il modo stesso in cui il potere di Venezia manifestava la propria presenza nel suo possedimento insulare.

Gli accordi di pacificazione raggiunti nel 1299 con i ribelli, che consentirono infine alle strutture amministrative veneziane di stabilizzarsi e di assumere effettivamente il controllo del territorio, contribuirono tuttavia a generare conseguenze impreviste, anche a causa del peculiare atteggiamento assunto dal governo della madrepatria nei confronti di tutti gli abitanti dell'isola, indipendentemente dalla loro origine e stato sociale.

Nei confronti dei candioti si applicava infatti una specifica forma di discriminazione, che riconosceva i privilegi di cittadinanza soltanto nell'ambito isolano, lasciandoli in una situazione di inferiorità quando si recavano nella città madre, con particolare disagio per coloro che erano considerati nobili a Candia, ma ovviamente non a Venezia, dove dal 1297 questo privilegio era strettamente riservato a coloro che erano iscritti al Libro d'Oro.

A ciò si aggiungevano elementi di disagio più concreti, come il fatto che i residenti nell'isola erano fortemente disincentivati a uscire dalla

stessa, o quello, ancor più grave, che essi potevano intrattenere rapporti commerciali esclusivamente con Venezia, le autorità della quale fissavano a priori i prezzi massimi di vendita delle produzioni agricole isolate.

Paradossalmente, quindi, proprio la crescente prosperità dei proprietari fondiari determinatasi nella prima metà del XIV secolo grazie all'espansione delle coltivazioni viticole (già avviata negli ultimi decenni del Duecento) in risposta al successo che i vini di Candia avevano incontrato sui nuovi mercati del Nord Europa, accompagnata però dalla netta percezione da parte dei produttori locali dei sempre più consistenti margini di guadagno realizzati grazie a questa situazione di disparità dagli operatori veneziani che agivano quali intermediari in questo flusso commerciale, contribuì a saldare fra loro le diverse rivendicazioni delle differenti componenti della popolazione isolana nella grande Rivolta di San Tito del 1364-1366, che vide latini e greci battersi fianco a fianco contro una dominazione avvertita ormai come un peso soffocante dal punto di vista politico e sociale, ma soprattutto economico.

La spietata e sistematica repressione messa in atto da Venezia dopo aver schiacciato quello che, a rischio di anacronismo, si potrebbe forse definire come il primo "moto indipendentista" cretese, oltre a contraddire platealmente quell'immagine irenica e tollerante di sé che la Serenissima seppe sempre accortamente proporre nella sua propaganda politica, ci dà ampiamente conto dell'importanza che l'isola aveva nel quadro generale dell'impero marittimo veneziano, ma allo stesso tempo anche delle perduranti difficoltà che il governo veneziano incontrava nell'affermare in modo accettato e condiviso la propria presenza, soprattutto in aree interne relativamente remote, come la regione di Lassithi, dove la spettacolare manifestazione dello sdegno della dominante, impressa nel paesaggio stesso, fu il divieto di sfruttamento agricolo protrattosi per quasi un secolo.

Si potrebbe dire che, almeno in una certa misura, il problema sia stato "risolto" dalla conquista turca di Costantinopoli; dopo il 1453, privata di un centro politico e spirituale di riferimento, anche gran parte della popolazione greca si volse verso Venezia, consentendo uno sviluppo meno conflittuale di una società locale dai tratti culturali sincretici, in un quadro generale in cui una nuova ondata di fortificazioni, questa volta nei centri costieri, marcava in modo evidente un completo rovesciamento delle esigenze difensive.

Di minore complessità, anche per il suo programmatico limitarsi alla sfera economica, appare invece la situazione riscontrabile in quelli che furono i principali capisaldi della presenza veneziana nel Ponto. Per quanto ben attenti alla conservazione dei propri interessi

e privilegi, e alla loro possibile estensione attraverso la contrattazione di ulteriori concessioni, tanto a Trebisonda come a Tana i veneziani risultarono fundamentalmente rispettosi dei poteri locali e, per quanto assolutamente non alieni dall'ingerirsi delle questioni politiche interne dei Comneni o dei principi tartari e caucasici, privilegiarono nettamente la difesa e l'espansione delle attività mercantili, tanto che potremmo paragonare le forme di questa presenza a quelle tipiche della precedente fase dell'esperienza veneziana nel mondo bizantino.

I rappresentanti di Venezia a Trebisonda e Tana erano pertanto funzionari investiti indubbiamente di notevoli poteri, anche perché la grande distanza dalla madrepatria imponeva di delegare loro una capacità decisionale autonoma assai ampia, che non erano tuttavia paragonabili a quelli riconosciuti dalla Serenissima ai dinasti dell'Arcipelago, o persino al Duca di Candia, per quanto anche l'autorità di quest'ultimo potesse avere dei limiti rigorosamente fissati dal governo centrale.

Genova: il pragmatismo come stella polare

Il sistema elaborato da Venezia nel corso del tempo per gestire i suoi possedimenti oltremarini che si è fino a qui brevemente esaminato nelle sue linee generali evidenziava quindi una situazione quasi speculare a quella genovese, che presentava caratteri di controllo da parte del potere centrale assai più marcati nell'area pontica rispetto a quella egea, e in generale un grado di intervento assai minore da parte della madrepatria.

Tale differenza affondava le proprie radici in un sistema politico centrale e in un'esperienza di base nella costruzione del dominio oltremarino profondamente differenti fra le due città. Anche Genova, nella fase iniziale della costruzione del suo spazio egemonico sulle rotte commerciali nel corso del XII secolo, si era trovata nella necessità di "neutralizzare" potenziali concorrenti inserendoli in un sistema di pattuizioni che ne ponessero le attività sotto il controllo genovese, come ad esempio nel caso delle città portuali del Ponente ligure e della costa del Mezzogiorno francese, ma tale progetto non aveva mai avuto la possibilità di costruire uno spazio esclusivo di controllo genovese paragonabile a quello realizzato da Venezia nell'Adriatico, non foss'altro per la differenza radicale degli spazi tirrenici rispetto a quelli adriatici e soprattutto per la contemporanea presenza di realtà politico-economiche, Pisa prima fra tutte, che nutrivano ambizioni concorrenti e disponevano della forza per tentare di realizzarle.

L'affermazione di una sostanziale supremazia genovese nel bacino occidentale del Mediterraneo, quale è possibile individuare alla fine del secolo XIII, era quindi giunta alla fine di un percorso assai più lungo e complesso di quello seguito da Venezia, che aveva implicato costi, sia economici che umani, assai superiori e, attraverso una serie di dure esperienze, aveva reso chiaro agli occhi del ceto dirigente cittadino, già dalla metà del XII secolo, un dato di fondo: anche non volendo tener conto della questione della carenza di risorse demografiche da impegnare nel processo, il Comune in sé non aveva una forza economica sufficiente per gestire direttamente la questione di un'espansione oltremarina, che era tuttavia fondamentale per sostenere l'espansione commerciale attraverso il controllo di nodi fondamentali delle rotte di navigazione, e per questo si rendeva necessario delegare gran parte dell'attività in questo settore a un'iniziativa dei grandi gruppi familiari, che solo in seguito avrebbe ricevuto una sanzione "ufficiale" da parte delle autorità pubbliche.

Si trattava di un sistema che aveva avuto la sua prima elaborazione nello spazio tirrenico, dapprima, in forma limitata, nel Mezzogiorno francese, nella Penisola iberica e nel Maghreb, e quindi, su scala molto maggiore, nelle grandi isole, dalla Corsica, alla Sardegna, alla Sicilia, permettendo di sviluppare un *modus operandi* che, sperimentato nei fondaci della Siria, avrebbe avuto la sua piena applicazione nella *Romania*.

Pur cambiando i protagonisti principali nel corso del tempo (dagli Embriaci, Guercio, Zaccaria e Doria di una fase "eroica" dei secoli XII–XIII, ai Gattilusio, Giustiniani e nuovamente Doria dell'apogeo trecentesco), le linee guida seguite si mantennero costanti: i grandi consortili dell'aristocrazia mercantile guidarono un processo che, andando in ultima istanza a vantaggio dell'intera *communitas* economica genovese, trovò l'approvazione e la copertura politica da parte delle autorità di un governo del quale essi stessi erano una componente primaria e che attraverso il trattato di Ninfeo del 1261 aveva creato le condizioni perché la loro attività potesse dispiegarsi.

Probabilmente fin dal primo momento a Genova si era consci che il previsto trasferimento ai genovesi da parte del restaurato governo bizantino di tutti i privilegi e possedimenti assegnati ai veneziani nel 1204 dalla *Partitio Romanie* era al di là delle concrete facoltà dell'imperatore, ma la prospettiva di acquisire una possibilità di movimento e di azione pressoché illimitata non solo nell'area egea, ma anche in quella pontica, era evidentemente valutata in tutta la sua importanza.

In questo senso, si potrebbe anche interpretare tutta la parabola di Benedetto Zaccaria e dei suoi discendenti come una sorta di "prova

generale”, destinata a sperimentare fino a che punto ci si sarebbe potuti spingere nel forzare la mano nell’interpretazione del trattato, e anche un episodio alquanto oscuro come la cosiddetta “congiura dei Latini”, nel quale si trovò coinvolto il podestà genovese a Costantinopoli, Guglielmo Guercio, potrebbe essere interpretato come una forma di pressione sul governo di Michele VIII.

Già nei primi anni successivi al trattato possiamo quindi individuare una forte presenza di iniziativa “privata” nella gestione dell’espansione commerciale negli spazi romanioti e pontici: mentre gli Zaccaria costruivano la loro signoria tra Chio e Focea in funzione del controllo del mercato dell’allume e del mastice, la prima fondazione della colonia di Caffa, nel 1278, si presenta sostanzialmente sotto i colori di un’iniziativa di matrice privata e la stessa conduzione della colonia genovese a Costantinopoli (ancora all’interno della capitale imperiale) appare in una fase iniziale fortemente connotata dagli interessi tradizionali della famiglia dei Guercio, risalenti nel tempo fino alla metà del secolo precedente.

Sarebbero stati elementi esterni, il trasferimento del quartiere genovese dapprima a Eraclea Pontica e quindi a Pera determinato dalla volontà imperiale nel caso di Costantinopoli, la distruzione dell’insediamento a causa dell’assedio tartaro in quello di Caffa, la caduta del dominio degli Zaccaria in seguito alla riaffermazione dell’autorità dell’Impero in quello di Chio, a consentire una marcata ripresa di iniziativa della parte pubblica, coincidente con la progressiva crisi del vecchio ordinamento aristocratico e l’affermazione politica del *Populus* nell’arco di tempo compreso tra il 1309 e il 1339, dalla quale sarebbe emerso il definitivo assetto amministrativo dell’Oltremare genovese.

Con la metà del XIV secolo, ci si presenta un quadro assai chiaro di quelle che erano le strutture amministrative dei possedimenti oltremarini genovesi; un quadro che ha tuttavia gli stessi elementi di complessità interpretativa della realtà della madrepatria alla quale faceva riferimento.

Il sistema si reggeva in sostanza su una serie di punti nodali disseminati fra l’Egeo e il Mar Nero: Chio, Mitilene, Pera, Caffa; tuttavia, come si è prima notato, in maniera quasi paradossale la misura del controllo delle autorità comunali sugli organismi amministrativi degli insediamenti appariva crescere quanto più questi erano lontani dal centro. Tale situazione derivava tanto dal modo in cui questi possedimenti erano entrati a far parte della sfera di influenza genovese, quanto, come nel caso veneziano per Candia, dalla loro rilevanza nel quadro complessivo delle grandi rotte commerciali.

Chio, con il suo sistema di governo basato sul dominio di un’associazione di capitalisti discendenti dai patroni della flotta che

aveva conquistato l'isola nel 1346, la Maona, costituisce da questo punto di vista un esempio paradigmatico. È vero infatti che il podestà dell'isola era uno dei massimi rappresentanti dell'autorità genovese in Oriente, ma è altrettanto vero che la sua nomina, effettuata attraverso una serie di selezioni a partire da una rosa di nomi indicati dagli stessi partecipi della Maona, rappresentava un perfetto modello di governo "condiviso" fra l'autorità pubblica e il capitale privato. Ciò dipendeva indubbiamente dalle condizioni particolari che avevano portato all'occupazione dell'isola, ma è indubbiamente un caso esemplare della duttilità con la quale le autorità genovesi affrontarono le differenti evenienze dalle quali potevano trarre vantaggio, assicurandosi la possibilità di controllare un territorio fondamentale tanto dal punto di vista delle strategie commerciali a largo raggio, che da quello del controllo dell'area egea senza doversi fare carico dell'onere di una diretta gestione di tutte le questioni amministrative legate al suo possesso.

Mitilene e gli altri territori soggetti al dominio dei Gattilusio, per parte loro, costituivano il modello di uno stato principesco indipendente, l'unico fra tutti quelli creati dai "latini" che fosse connesso alla legittimità imperiale bizantina, che tuttavia si ricollegava, per il tramite della fitta rete dei legami di parentela che univano la dinastia regnante alle principali famiglie dell'oligarchia mercantile genovese, alla tutela degli interessi del complesso di quello che è stato definito come il *Commonwealth* genovese, di cui erano un prezioso e indispensabile avamposto a guardia dell'Egeo settentrionale e dei Dardanelli.

Se invece osserviamo la situazione di Pera e Caffa, ci troviamo in una dimensione differente, nella quale il diretto coinvolgimento dell'autorità del Comune nell'amministrazione di questi possedimenti è reso evidente dalle stesse fonti documentarie: per questi due insediamenti disponiamo infatti del testo degli statuti di matrice comunale che costituivano la base della loro vita amministrativa e che rispecchiano un rapporto di dipendenza assai più stretto dalla madrepatria, responsabile della nomina non solo del podestà e del console rispettivamente, ma di tutti i principali funzionari incaricati ai vari livelli della gestione degli insediamenti.

Tuttavia, va rilevato come proprio sotto questo aspetto sia possibile evidenziare una sostanziale differenza fra i due centri: mentre nel caso di Pera, *enclave* genovese inserita nel residuo territorio bizantino, con una popolazione costituita da occidentali tra i quali i genovesi erano la maggioranza, il testo statutario era costituito da un semplice adattamento degli statuti genovesi, la cui vigenza era stata estesa in modo quasi automatico alla colonia, in quello di Caffa si era proceduto alla

redazione di un testo appositamente studiato per la specifica situazione della metropoli pontica.

Si pone qui una differenza fondamentale, poiché mentre il compito essenziale dell'amministrazione perota era quello di gestire i rapporti con il governo imperiale e di coordinare, per quanto possibile, le attività dei vari insediamenti dell'area egea, ma di per sé il podestà di Pera aveva la responsabilità di gestire una comunità di occidentali, nel caso del console di Caffa i problemi si presentavano assai più complessi.

Il carattere multietnico e multiculturale dello scalo crimeano proponeva infatti sfide decisamente più ardue sotto questo profilo, imponendo ai consoli e ai loro collaboratori non solo di organizzare le linee diplomatiche da seguire nelle relazioni con le altre potenze dell'area pontica, ma anche di guidare una società urbana complessa, nella quale la compresenza di comunità differenti per lingua, religione e tradizioni culturali obbligava costantemente a una non facile ricerca di equilibrio.

Ciò porta a evidenziare l'importanza di un elemento già emerso a proposito dei possedimenti veneziani, e cioè il tema dei rapporti con le popolazioni locali, che nel caso genovese, pur non essendo certamente idilliaci, risultano nel complesso meno conflittuali che in quello veneziano. I genovesi non erano certamente amati (basta una rapida rassegna delle considerazioni espresse al riguardo dagli autori bizantini contemporanei per avere una conferma in proposito), tuttavia nei confronti delle loro amministrazioni oltremarine i momenti di tensione e di aperta rivolta furono effettivamente meno frequenti di quelli rivolti contro Venezia e il suo dominio, riducendosi di fatto alla congiura del metropolitano di Chio sventata nel 1348 e alla minacciata rivolta della popolazione orientale di Caffa nel giugno 1475, quest'ultima motivata però soprattutto dal terrore delle conseguenze di una resistenza armata all'assedio ottomano.

A mio giudizio, ciò è riconducibile essenzialmente a due aspetti precisi, il primo dei quali è quello religioso: i genovesi, pur presentandosi costantemente nella loro corrispondenza con le altre potenze europee come i grandi campioni della Cristianità occidentale, non cercarono mai di imporre con la forza un predominio cattolico nei territori orientali da loro amministrati, come prova la stessa modestia degli edifici religiosi di culto "latino" a Chio o a Mitilene, arrivando a bloccare con energia gli eventuali tentativi in questo senso messi in atto da esponenti del clero cattolico, come ben dimostra la lunga controversia sorta in proposito fra l'amministrazione di Caffa e il vescovo della città, il domenicano Antonio Campora. Ciò contribuì indubbiamente a rendere meno conflittuali

i rapporti con le popolazioni locali e consentì alle autorità coloniali genovesi di porsi addirittura come mediatrici tra campi confessionali contrapposti, che le vedevano come valide interlocutrici; un dato che trova una evidente conferma in vicende come quella del console di Caffa Paolo Imperiale, che riuscì a ottenere nel 1438 la partecipazione di una delegazione della Chiesa armena al Concilio di Firenze.

Il secondo elemento di grande importanza, sostanzialmente ricollegato al precedente, è da rintracciarsi nel fatto che i genovesi, anche per ragioni demografiche contingenti, non impostarono mai progetti di sistematico trasferimento di coloni occidentali nei loro possedimenti nei quali, con la sola eccezione di Pera, che godeva tuttavia di uno *status* assolutamente speciale, non costituirono mai la maggioranza della popolazione residente.

Se poniamo a confronto il caso di Chio, assolutamente assimilabile per importanza strategica ed economica, con quello di Candia, possiamo notare come la presenza di coloni occidentali in quello che fu il possedimento oltremarino più a lungo detenuto dai genovesi, oltre a non essere numericamente di particolare rilevanza, non abbia mai portato a fenomeni di sistematica espropriazione delle proprietà fondiarie dei residenti greci, con la sola e limitata eccezione dei cosiddetti terreni *chisilima* (corruzione del termine greco *χελίματα*), sequestrati ai proprietari coinvolti nella già ricordata congiura antilatina promossa dal metropolita di Chio nel 1348, al di là dei quali non risultano altri passaggi di proprietà fondiarie avvenuti al di fuori del quadro previsto negli accordi stabiliti con gli *archontes* isolani nel 1347, che imponeva l'intervento di una commissione paritetica di greci e latini per stabilire il prezzo equo dei beni oggetto di compravendita.

Il pragmatismo, quindi, spinse le autorità genovesi a evitare per quanto possibile di provocare attriti sia in campo religioso che sociale con la popolazione locale, che costituiva la maggior parte dei residenti negli insediamenti oltremarini controllati dalla metropoli ligure.

Una situazione simile a quella di Chio è riscontrabile nella documentazione a noi nota anche per i possedimenti in Crimea e, per quanto ne sappiamo, anche per i domini dei Gattilusio, e costituisce il riflesso di una realtà di fondo: per quanto Genova fosse una delle città più popolate d'Europa, l'area territoriale nella quale era inserita era decisamente sottopopolata e poteva quindi contribuire in modo limitato a fornire il "materiale umano" necessario alla costruzione e alla gestione di un impero oltremarino.

Questo fu probabilmente uno dei motivi principali che portarono i genovesi a orientarsi verso la creazione di quella che potremmo definire

come una talassocrazia “pura”, fondata sul controllo delle rotte di navigazione, esercitato attraverso il possesso di un limitato e selezionato numero di snodi strategici della rete di comunicazioni, e sulla capacità di organizzare, in caso di necessità, ingenti forze navali per riaffermare e difendere i propri interessi.

In conseguenza di questi limiti di fondo, ai quali si aggiungeva la ben nota instabilità politica interna che afflisse il Comune nel corso del Basso Medioevo, nonostante l’istituzione fin dal primo Trecento dell’*Officium Gazarie* a Genova e l’effettuazione di interventi di vasto respiro come la progettazione urbanistica che sovrintese alla ricostruzione di Caffa dopo il 1316, non si arrivò mai alla realizzazione di una struttura paragonabile a quella dello *Stato da Mar* veneziano, intesa come un coerente sistema di controllo dei possedimenti oltremarini da parte del governo centrale.

Ciò non implica però, almeno a mio giudizio, che non sia identificabile quantomeno nel corso del XV secolo l’esistenza anche in ambito genovese di un gruppo di interesse e pressione politica paragonabile a quello che Frederic Lane battezzò il “Partito del Mare” di Venezia; se infatti si analizzano i comportamenti dei principali protagonisti della politica genovese del Quattrocento, appare evidente come sia possibile individuare un gruppo di famiglie, collegate da legami di parentela e di interesse e orientate in linea generale a sostegno dei dogi Campofregoso e di una politica filo-angioina e filo-francese, che tentarono costantemente di indirizzare la politica genovese nel senso di una difesa del predominio sulle rotte commerciali e che comprende, non casualmente, coloro che erano maggiormente coinvolti nello sfruttamento economico dei possedimenti oltremarini, con in prima linea i Giustiniani e i Gattilusio, ma anche i Centurione, i Lomellini e soprattutto i Doria.

Due sistemi politici assai diversi nelle loro caratteristiche di fondo, ma entrambi votati alla promozione e difesa degli interessi dei propri operatori economici, considerate come fondamentali per il benessere dell’intera comunità, produssero quindi due strutture di possedimenti oltremarini differentemente articolate sotto il profilo amministrativo, ma entrambe efficienti e pienamente rispondenti agli interessi delle rispettive dominanti e dei loro ceti dirigenti e soprattutto dotate di una capacità di resistenza alle pressioni esterne assolutamente inaspettata, anche se per ragioni differenti fra loro.

Tanto la solida compattezza del sistema veneziano, quanto l’elasticità dell’apparentemente dispersivo sistema genovese, si dimostrarono infatti in grado di assorbire per lungo tempo l’urto di quella che era probabilmente la più grande potenza militare del mondo mediterraneo dell’epoca.

Quelle che, per quanto ricche e influenti, erano pur sempre solo due città relativamente isolate nel contesto politico europeo, sfidarono infatti per lungo tempo l'Impero Ottomano, riuscendo a tenergli testa con successo ben addentro all'Età moderna sostanzialmente senza il concorso di nessun'altra delle potenze della Cristianità.

Al di là del profilo politico-militare e della capacità di resilienza dimostrata, tuttavia, vorrei sottolineare in conclusione come il maggior tributo all'efficienza del sistema di amministrazione oltremarina impiantato in questi originali esempi di imperi "coloniali" sia da ricercarsi nel loro successo sul lungo periodo sotto l'aspetto economico, sociale e culturale.

Entrambe le città, sia pure attraverso percorsi differenti e variamente articolati nelle loro fasi, giunsero infatti a edificare, nei possedimenti che più a lungo controllarono, delle forme sociali e culturali sincretiche che costituirono il miglior tributo a quella che furono sempre le migliori caratteristiche di entrambe: la capacità di adattamento e la sostanziale assenza di pregiudizi nei confronti di realtà profondamente diverse dalla loro.

Создание империи, управление империей: итальянские модели талассократии в Средиземноморье в позднем Средневековье

Энрико Бассо
Университет Турина

Два города и две системы в сравнении

Около пятидесяти лет тому назад в своей краткой, но содержательной работе под выразительным названием «Генуя и Венеция: два стиля, один успех», Роберто Сабатино Лопец провел сравнение базовых элементов генуэзской и венецианской социально-политической системы, убедительно показав характерные черты той и другой и выявив, какое влияние они оказали на становление двух торговых империй и на саму историческую память обеих республик.

Действительно, в общей картине средневековой и новой европейской истории Генуя и Венеция являют собой два наглядных примера «талассократических империй», основанных главным образом — благодаря владению ключевыми пунктами системы навигации, — на контроле морских путей, хотя в осуществлении подобного рода господства, кардинально отличавшего их от всех государственных образований того времени (крупных европейских и средиземноморских территориальных государств, а также других итальянских городов-коммун), они следовали разными путями и использовали различные методы.

Таким образом, отталкиваясь от интуиции Лопеса, но не углубляясь в детали запутанных событий позднего Средневековья, я бы хотел здесь остановиться именно на проблеме различий и общих черт «колониальной» политики, которую две итальянские морские республики проводили на протяжении позднего Средневековья, естественно, не для установления рейтинга заслуг, что было бы бессмысленным с историографической точки зрения, а для выявления, насколько это возможно, в чем состояли «сильные стороны» двух политических курсов — параллельных, но одинаково успешных. Как для того, чтобы придерживаться в данном сравнении принципа параллелизма, так и по очевидным мотивам пространства и времени, сосредоточу мое внимание преимущественно на регионах

Романии и Причерноморья, где экспансия обеих республик стала причиной самых острых противоречий, но в то же время и привела к наибольшим успехам в территориальных приобретениях, что, в свою очередь, вызывало необходимость наладить управление как самими этими территориями, так и их народами, часто абсолютно «другими» по сравнению с теми, с которыми новым хозяевам приходилось сталкиваться до этого.

Венеция: дочь Византии

Для соблюдения хронологического порядка необходимо начать анализ с истории становления того, чему впоследствии суждено было превратиться в заморские владения (*Stato da Mar*) Венеции.

Первый этап венецианской экспансии, приходившийся на X–XII вв., несомненно, характеризовался постоянным балансом между применением военной силы и тонкой дипломатии, которые привели к построению сложной системы равноправных договоров и актов коммемдации, которая связывала все порты Адриатики в единую систему, направленную как на обслуживание интересов венецианской торговли на левантийском и константинопольском направлениях, так и на перераспределение товаров на рынке Венеции и на внутренних территориях.

Несомненно, хрисовул, пожалованный в 1082 году императором Алексием I Комнином в крайне сложной для империи ситуации, стал переломным моментом в данном процессе: помимо того, что венецианцы помогли отвести угрозу установления норманнского контроля по обе стороны канала Отранто, они, благодаря более благоприятному по сравнению с византийскими купцами налоговому статусу, вдруг оказались в идеальном положении для того, чтобы воспользоваться недостатками, присущими жесткой социальной и административной системе империи, получив, фактически, возможность вывести византийских торговцев «из игры» и наладить первый опыт установления торговой монополии на просторах Романии. В течение почти столетия, вплоть до великого антилатинского «погрома» 1171 года, купцы Венеции смогли, таким образом, занять доминирующие позиции в экономической жизни византийского мира, хотя это господство на тот момент ограничивалось лишь сферой торговли и еще не предполагало идеи распространения политического и военного контроля Светлейшей республики за пределами Адриатики,

которую она уже с давних времен считала зоной своих исключительных интересов.

В тридцатилетний период, прошедший между кульминацией антилатинских (а точнее, антивенецианских) выступлений, подогреваемых Андроником I Комнином, стремившимся укрепиться на узурпированном им престоле, и событиями рокового 1204 года, возможно, в сознании представителей венецианского патрициата созрела мысль не только о возмездии и возмещении материального и морального ущерба, но и о том, чтобы во избежание повторения подобных ситуаций позаботиться об установлении некой формы прямого контроля за пунктами, имеющими наибольшее стратегическое значение для управления разветвленной торговой системой Романии, что позволило бы применять политическую и военную силу для содействия расширению экономической и торговой деятельности. При этом немаловажную роль играл и тот факт, что ослабление позиций Венеции способствовало проникновению в данное экономическое пространство пизанской и генуэзской конкуренции, которая, несмотря на свои еще довольно ограниченные масштабы, уже таила в себе потенциальную угрозу интересам республики.

Вследствие событий, связанных с отклонением от первоначальной цели IV Крестового похода, и после вступления в силу договора о разделе Романии (*Partitio Romanie*), венецианское присутствие в византийском мире приобрело совершенно беспрецедентный характер, оказав влияние на последующую историю адриатической республики на протяжении не менее пяти веков.

Установление контроля над «четвертью и еще полчетверти империи Романии», согласно букве соглашений, повлекло за собой переход от фазы чисто торгового доминирования, — правда, под знаком монополии, которая получила свое развитие начиная с XI в., — к фазе «колониального» управления вновь приобретенными территориями после того, как дожем Дандоло и его советниками были тщательно взвешены все возможные варианты.

Разнообразие характера перешедших таким образом под знамя Св. Марка владений (выбранных в основном с целью осуществления полного экономического контроля над вновь образованной восточной Латинской империей и ее вассальными территориями, основанными французскими баронами в Греции) уже само по себе делало необходимым применение широкого спектра решений, которые могли быть адаптированы к различным реалиям, с которыми венецианцам приходилось иметь дело,

не упуская при этом из виду высшего интереса обширного экономического и политического сообщества Венеции; причем эта базовая тема сохранила свою значимость и тогда, когда последовавшее вслед за событиями 1261 г. возрождение Византии привело к частичному сокращению границ венецианских владений.

Главные проблемы, с которыми столкнулись новые хозяева, не считая неумолимой враждебности своих новых подданных (вызываемой как политическими, так и, прежде всего, религиозными причинами), заключались, прежде всего, в расстоянии, которое разделяло новые владения от политического центра венецианского мира, а также в том, что «латинский» элемент неизменно находился в меньшинстве по отношению к основной массе жившего на этих территориях населения.

Меры, которые были разработаны для решения данных проблем, были, как уже говорилось, весьма разнообразными, при сохранении существенного различия (учитывая только ситуацию на территориях, оставшихся в венецианском владении во второй половине XIII в.) между ситуацией на Кикладских островах, южных Спорадах и, по крайней мере, до конца XIV в., на Негропонте, и ситуацией на о. Крите, считавшемся с самого начала этой кампании самым ценным приобретением, исходя из перспективы построения морской империи, нацеленной на контроль торговых путей как в Эгейском море, так на Леванте.

Те территории, которые, начиная с конца XIII века, превратились в форпосты венецианской системы контроля за сетью торговых путей в направлении Константинополя и Черного моря, управлялись в, так сказать, «опосредованной» форме, т.е. через установление власти синьорий формально независимых, но находившихся в руках таких семейств как Корнаро, Квирины и Гизи, которые, будучи активными участниками венецианской внутренней политики, давали более чем надежные гарантии защиты интересов Венеции в данном регионе.

Герцогство Наксоса, или Архипелага, синьории Карпатоса (Скарпанто) и Астипалии (Стампалии), а также система Синьоров Терциариев Негропонта представляли собой формы господства, которые делегировали новым династам управление всем комплексом административных вопросов и регулирование отношений с местным населением, поддерживая в то же самое время во внешней сфере единство системы, находящейся под полным контролем венецианского патрициата и направленной на развитие торговой деятельности Светлейшей республики.

Именно по этой причине до нас дошло столь малое количество изданных внутренней администрацией этих важных территорий документов, о которых мы знаем, по большому счету, лишь благодаря сведениям, полученным из венецианских государственных актов. Ведь административные архивы этих синьорий, а также семейные архивы управлявших ими династов, в большинстве своем оказались утерянными в результате массовой гибели архивных материалов, последовавшей за османским завоеванием XV–XVI вв., оставив нам только фрагменты, сохранившиеся в частных фондах, впоследствии вошедших в систему хранения Государственных архивов, или же до сих пор находящихся в руках потомков этих семейств.

Ситуация кардинально меняется, когда речь заходит о Кандии. Управление этим, как уже говорилось выше, стратегически и экономически самым важным владением из всех территорий *Stato da Mar*, — как из-за его роли в отношении всего Эгейского региона, так и по причине ключевого положения на перекрестье путей к Сирии и Египту, — выстраивается, — как только венецианские позиции на острове укрепляются по окончании опасного противостояния с такой персоной, как мальтийский граф Энрико Пескаторе (за которым, возможно, скрывались интересы, нити которых тянулись к Генуе и даже к папалермскому двору), — совершенно иным образом: путем огромных организационных усилий венецианское правительство приступило к созданию такой административной структуры, которая вкупе с проектом по переселению народа должна была превратить остров в своего рода расширенную проекцию адриатического города.

Кандия, территориально разделенная на сестьеры, получившие аналогичные венецианским названия, и управляемая дожем и Советом, назначаемыми Венецией, являлась одновременно колониальным владением и увеличенной в масштабе копией метрополии. Дошедшая до наших дней обширная административная и нотариальная документация позволяет нам получить довольно точное представление о той модели общества и управления, которую венецианцы намеревались построить на острове и о проблемах, связанных с осуществлением этого проекта. Перед лицом конфликтов религиозного характера между местным духовенством и «латинским» клиром, прибывшим вместе с новыми хозяевами, и неприкрытым массовым отчуждением владельческих прав местного населения с целью увеличения ресурсов для нового сословия колонистов, преимущественно итальянского происхожде-

ния, привлекаемых именно перспективой перераспределения земельной собственности, естественной реакцией стали народные восстания под предводительством таких представителей местной аристократии, как Алексей Калергис, на подавление которых уходило много сил вплоть до конца XIII в., и которые наложили неизгладимый отпечаток, — в виде строительства значительного числа фортификационных сооружений для контроля за поселениями внутренних территорий, — на то, каким образом венецианские власти демонстрировали собственное присутствие в своем островном владении.

Соглашения о перемирии, заключенные в 1299 г. с повстанцами, позволившие в итоге стабилизировать деятельность венецианских административных органов и обеспечить реальный контроль территории, привели к неожиданным последствиям, в том числе по причине специфического характера отношений, которые правительство метрополии установило с жителями острова, вне зависимости от их происхождения и социального статуса.

В отношении жителей Кандии действовала особая форма дискриминации, которая признавала за ними привилегии гражданства только в пределах острова, поражая их в правах при вступлении на территорию метрополии, что воспринималось особенно болезненно теми, кто считался знатью в Кандии, но, естественно, не в Венеции, где с 1297 г. эту привилегию имели только те, чьи имена были внесены в Золотую книгу. К этому добавлялись и более конкретные неудобства. Так, жителям острова запрещалось оставлять его пределы, и, что было еще хуже, они могли вести торговые дела только с Венецией, правительство которой устанавливало по своему усмотрению максимальные рыночные цены на островную сельскохозяйственную продукцию.

Парадоксальным образом, именно рост благосостояния землевладельцев, — начавшийся в первой половине XIV в. благодаря расширению площадей виноградников (имевшему место уже в последние десятилетия XIII в.) в результате успеха, которым вина Кандии стали пользоваться на новых рынках северной Европы, но сопровождавшийся возмущением местных производителей несоразмерным ростом прибыли, извлекаемой венецианскими купцами, выступавшими в силу своих привилегий монопольными посредниками в торговле вином, — послужил фактором консолидации различного рода требований, выдвигаемых разными группами островного населения в ходе крупного Восстания Св. Тита 1364–1366 гг., в котором латиняне и греки бились плечом к плечу

против господства, воспринимавшегося всеми как невыносимое политическое, социальное и, прежде всего, экономическое иго.

Жестокое и беспощадное подавление восстания со стороны Венеции, после того как она уничтожила то, что, впадая в анахронизм, можно было бы назвать первым проявлением «движения за независимость» на Крите, не только вступало в явное противоречие с тем миролюбивым и толерантным имиджем, который Светлейшая всегда умела преподать в рамках своей политической пропаганды, но и наглядно показывало ту важную роль, которую остров играл в общем контексте венецианской морской империи, не говоря уже о непрекращающихся трудностях, с которыми венецианскому правительству приходилось сталкиваться в своих попытках добиться всеобщего признания своего присутствия, прежде всего во внутренних труднодоступных областях, таких как область Лассити, где наглядным свидетельством пренебрежения со стороны власти, запечатленном в самом пейзаже, являлся запрет на ведение сельскохозяйственных работ, длинной почти в сто лет.

Можно было бы сказать, что в определенном смысле слова проблема была «решена» турецким завоеванием Константинополя; после 1453 г., в связи с утратой своего политического и духовного центра значительная часть греческого населения повернулась лицом к Венеции, предопределив тем самым менее конфликтное развитие местного общества, отмеченного чертами культурного синкретизма, в ситуации, когда новая череда фортификационных сооружений, на этот раз в прибрежных зонах, недвусмысленно отмечала кардинальное изменение оборонительных задач.

Не столь сложной, в том числе и из-за изначального намерения ограничиться лишь экономической сферой, представлялась ситуация в тех факториях, которые выступали главными опорными пунктами венецианского присутствия в Причерноморье. Несмотря на пристальное внимание к защите своих интересов и привилегий и на попытки еще большего их расширения посредством переговоров о дополнительных пожалованиях, венецианцы, как в Трапезунде, так и в Тане, проявляли глубокое уважение к местным властям и, хотя им было отнюдь не чуждо вмешиваться во внутривнутриполитические вопросы Комнинов или татарских и кавказских правителей, они отдавали при этом явное предпочтение защите и расширению своих торговых интересов, что позволяет сравнить форму данного поведения с типичными формами предыдущей фазы венецианского присутствия в Византийской империи.

Представители Венеции в Трапезунде и Тане являлись официальными лицами, несомненно, наделенными значительными полномочиями, в том числе и потому, что большое расстояние от метрополии предполагало делегирование им довольно обширных прав по принятию решений, которые, тем не менее, не идут ни в какое сравнение с правами, признанными Светлейшей за династами Архипелага или даже за дожем Кандии, учитывая, что власть последнего могла иметь ограничения, четко установленные центральным правительством.

Генуя: прагматизм как путеводная звезда

Система, наработанная Венецией в течение долгого времени для управления своими заморскими владениями, которую мы кратко рассмотрели выше в ее общих чертах, являлась почти зеркальным отражением ситуации генуэзской, которая характеризовалась гораздо более строгим контролем со стороны центрального правительства в Причерноморье, чем в Эгейском море, и по большому счету гораздо меньшей степенью вмешательства со стороны метрополии.

Это различие уходило корнями в систему центральной политической власти и в базовый опыт по созданию заморских владений, которые кардинальным образом отличались друг от друга. Генуя тоже на начальном этапе построения зоны своего исключительного влияния на торговые пути в ходе XII в. столкнулась с необходимостью «нейтрализовать» потенциальных конкурентов, включив их в систему соглашений, ставивших их деятельность под генуэзский контроль, как, например, в случае с портовыми городами западной Лигурии (*Ponente ligure*) и южным побережьем Франции, хотя подобный проект никогда не мог претендовать на создание исключительного пространства генуэзского влияния наподобие того, что Венеция сделала в Адриатике, хотя бы из-за значительной разницы в протяженности акватории Тирренского моря по сравнению с Адриатикой и, прежде всего, по причине существовавших на тот момент политико-экономических реалий, — первое место среди них занимала Пиза, — которые питали конкурентные амбиции и располагали достаточными средствами, чтобы попытаться их реализовать.

Утверждение генуэзского превосходства в бассейне западного Средиземноморья, относящееся, по всей очевидности, к кон-

цу XIII в., стало завершением пути гораздо более длительного и сложного, чем тот, который прошла Венеция. Он потребовал на порядок больше затрат как экономических, так и человеческих, и после череды суровых испытаний уже со второй половины XIII в. сделал явной в глазах городского патрициата очевидную истину: даже без учета проблемы нехватки необходимых демографических ресурсов, Коммуна сама по себе не располагала достаточным экономическим потенциалом для прямого управления вопросами заморской экспансии, жизненно необходимой для обеспечения экспансии торговой посредством контроля за ключевыми узлами путей навигации. В связи с этим пришлось доверить значительную часть деятельности в данном направлении частной инициативе крупных семейных кланов, которые лишь впоследствии смогут получить «официальную» санкцию со стороны государственной власти.

Речь шла о системе, впервые примененной в акватории Тирренского моря сначала в ограниченной форме на юге Франции, на Иберийском полуострове и в Магрибе, а затем в гораздо более крупных масштабах на больших островах — от Корсики до Сардинии и Сицилии, позволяя выработать такой *modus operandi*, который, после того как был опробован в сирийских факториях, получил свою полную реализацию в Романии.

Даже при смене с течением времени главных действующих лиц (от Эмбриачи, Гверчо, Дзаккария и Дория «героического» периода XII–XIII вв. до Гаттилузио, Джустиниани и снова Дория — во время апогея XIV в.), неизменными оставались базовые принципы: крупные объединения купеческой аристократии направляли процесс, который в конечном итоге отвечая интересам всей генуэзской экономической *communitas*, находил одобрение и политическую поддержку со стороны правительственной власти, неотъемлемой частью которой они являлись, и которая, благодаря Нимфейскому договору 1261 г., заложила условия того, чтобы их деятельность могла развиваться.

Вероятно, с самого начала в Генуе отдавали себе отчет в том, что предусмотренная передача генуэзцам со стороны восстановленного византийского правительства всех привилегий и владений, перешедших к венецианцам в 1204 г. благодаря условиям *Partitio Romaniae*, выходила за рамки реальных возможностей императора, но перспектива получения практически неограниченной свободы передвижения и действий не только в Эгейском регионе, но и в Причерноморье, была, очевидно, оценена во всей своей важности.

В этом смысле можно было бы интерпретировать всю историю Бенедетто Дзаккарии и его потомков как своего рода «генеральную репетицию», направленную на выявление того, сколь далеко можно было зайти в нарушении буквы договора, а довольно темный эпизод, связанный с так называемым заговором латинян, в котором оказался замешан генуэзский подеста в Константинополе Гульельмо Гверчо, можно было бы объяснить как некую форму давления на власть Михаила VIII.

Уже через несколько лет поле заключения договора можно заметить значительное присутствие частной инициативы в организации торговой экспансии на просторах Романии и Причерноморья: в то время как Дзаккария обустроивали свою синьорию между Хиосом и Фокеей, чтобы лучше контролировать рынок квасцов и мастики, первое основание колонии Каффы в 1278 г. осуществляется, по сути, под знаком частной инициативы, а управление самой генуэзской колонией в Константинополе (расположенной еще в черте имперского города) на начальном этапе несет на себе явную печать традиционных интересов семейства Гверчо, которые уходят во времени в середину XII в.

Именно внешние факторы, такие как: перенос генуэзского квартала по велению императора сначала в Гераклею Понтийскую, а затем в Перу в Константинополе, разрушение генуэзской фактории в ходе татарской осады Каффы, падение господства семейства Дзаккария вследствие укрепления императорской власти на Хиосе, — позволили государству взять инициативу в свои руки, что совпало с нарастающим кризисом старого аристократического строя и утверждением политики пополанов (*Populus*) в период с 1309 г. по 1339 г., которая и положила начало оформлению системы управления генуэзскими заморскими территориями.

С середины XIV в. перед нами предстает довольно ясная картина того, что из себя представляли административные структуры заморских владений Генуи. Это картина представляет, однако, те же элементы сложных для интерпретации реалий, как и метрополия, с которой она была связана.

Эта система зиждилась в основном на ряде ключевых пунктов, рассеянных между Эгейским и Черным морями: Хиосе, Митилене, Пере, Каффе. Однако, как указывалось выше, парадоксальным образом степень контроля коммунальных властей за административными органами факторий была тем выше, чем дальше они отстояли от центра. Такая ситуация зависела как от того, каким образом данные владения вошли в состав генуэзской

сферы влияния, так и, как в случае с венецианской Кандией, от их значения в общем сложном контексте стратегически важных торговых путей.

Хиос со своей системой управления, основанной на власти ассоциации предпринимателей, потомков патронов флота, завоевавших остров в 1346 г., — Маоны, являл собой, с этой точки зрения, образцовый пример. Известно, что подеста острова был одним из высших представителей генуэзских властей на Востоке, однако столь же известно и то, что его назначение, проходившее посредством многоступенчатого отбора, начиная с круга кандидатур, предложенных самими членами Маоны, представляло идеальную модель управления, «поделенного» между публичной властью и частным капиталом. Конечно, это зависело от тех особых условий, которые привели к завоеванию о. Хиоса, однако, без сомнения, это — наглядный пример гибкости, с которой генуэзские власти подходили к различным ситуациям, из которых можно было извлечь выгоду, так как обеспечивали за собой возможность контролировать важнейшую территорию как с точки зрения многоплановых торговых стратегий, так и исходя из контроля за Эгейским регионом, при этом не взваливая на себя бремени по прямому управлению всеми административными аспектами, связанными с владением этим островом.

Митилена и другие территории, находившиеся под господством семейства Гаттилузио, со своей стороны, представляли единственную из созданных «латинянами» модель независимого княжества, связанного легитимностью с Византийской империей, которое тем не менее вовлекалось, благодаря разветвленной сети родственных связей, объединявших правящую династию с господствующими кланами генуэзской купеческой олигархии, в дело защиты интересов сообщества, получившего название генуэзского *Commonwealth*, бесценным и незаменимым форпостом которого это княжество выступало в северной акватории Эгейского моря и на Дарданеллах.

Если же мы посмотрим на ситуацию в Пере и Каффе, то окажемся в ином контексте, в котором факт прямого участия коммунальных властей в управлении владениями находит свое отражение в самих документальных источниках: в отношении этих двух факторий мы располагаем текстом подготовленных коммуной статутков, которые лежали в основе их административного устройства и которые отражали отношения довольно тесной зависимости от метрополии, отвечавшей за назначение не только, соответ-

ственно, подеста и консула, но и всех основных должностных лиц, занятых на самых различных уровнях колониального управления.

Тем не менее надо подчеркнуть, что именно с данной точки зрения можно выявить существенную разницу между двумя центрами: в то время как в случае с Перой, генуэзского анклава, *enclave*, окруженного остальной византийской территорией, с населением, состоявшим из западных европейцев с преобладанием генуэзцев, текст статута являл собой простую адаптацию статутов генуэзских, действие которых почти автоматически распространялось на колонию, в случае с Каффой было решено подготовить документ, специально предназначенный для специфических условий понтийской метрополии.

Здесь имеет место кардинальное различие, связанное с тем, что, в то время как главной задачей администрации Перы было поддерживать отношения с византийским императорским двором и координировать, насколько возможно, деятельность различных эгейских факторий, при том, что в основные функции подеста Перы входило управление общиной западноевропейцев, в случае с консулом Каффы проблемы были гораздо сложнее.

Полиэтнический и мультикультурный характер крымской колонии предполагал решение гораздо более трудных, с данной точки зрения, задач, ставя консулов и их помощников перед необходимостью не только выстраивать дипломатические стратегии в отношениях с другими государствами Причерноморья, но и налаживать управление пестрым городским населением, сосуществование в котором различающихся по языку, религии и культурным традициям общин постоянно вынуждало к нелегким поискам равновесия.

Все это ведет к признанию важности того фактора, на который уже обращалось внимание, когда речь шла о венецианских владениях, а именно — вопроса отношений с местным населением, которые в генуэзском случае, хотя и были далеки от идеальных, но по большому счету представлялись менее конфликтными, чем в случае венецианском. Генуэзцы, безусловно, не пользовались большой любовью (для того, чтобы в этом убедиться, достаточно беглого взгляда на свидетельства, оставленные нам по этому поводу их византийскими современниками), тем не менее случаи напряженности и открытых восстаний против генуэзской колониальной администрации были гораздо менее частыми, чем выступления против Венеции и ее владычества, сводясь, по сути, лишь к заговору митрополита хиосского, раскрытого в 1348 г., да

к угрозе восстания восточного населения Каффы в 1475 г., охваченного ужасом перед последствиями вооруженного сопротивления османской осаде.

С моей точки зрения, это в основном связано с двумя конкретными факторами, первым среди которых был религиозный: генуэзцы, несмотря на постоянное стремление представить себя в сношениях с другими европейскими державами как убежденных поборников западного христианства, никогда не пытались силой навязать католическое господство на управляемых ими восточных территориях, что подтверждается скромностью самих религиозных зданий «латинского» культа на Хиосе или Митилене. Доходило даже до того, что они решительно останавливали все попытки подобного рода, предпринятые представителями католического клира, как это наглядно показывает долгая тяжба, возникшая по этому поводу между администрацией Каффы и городским епископом, доминиканцем Антонио Кампора. Все это, несомненно, сделало менее конфликтными отношения с местным населением и даже позволило генуэзским колониальным властям выступать в качестве посредников между сторонами межконфессиональных противоречий, которые их воспринимали как авторитетных партнеров по переговорам; очевидным тому доказательством является то, что консул Каффы Паоло Имперiale в 1438 г. сумел добиться участия во Флорентийском соборе делегации от Армянской церкви.

Второй важнейший фактор, тесно связанный с предыдущим, заключается в том, что генуэзцы, исходя в том числе из имевшихся на тот момент причин демографического характера, никогда не строили планов массового переселения западных колонистов в свои владения, в которых, за исключением только Перы, имевшей совершенно особый *status*, они никогда не составляли большинства населения.

Если мы возьмем для сравнения казус Хиоса, абсолютно сопоставимый по стратегической и экономической важности с казусом Кандии, можем заметить, что присутствие западных колонистов на территории, являвшейся заморским владением, находившемся в руках генуэзцев самое долгое время, не только не достигало численно релевантных значений, но никогда не приводило и к фактам массового отчуждения земель у местного греческого населения за единственным исключением так называемых земель *chisilima* (искаженный греческий термин *χελίματα*), экспроприированных у собственников, вовлеченных в уже упомянутый антилатинский заговор митрополита хиосского в 1348 г.

Помимо этого, мы не располагаем сведениями о других переходах земельных владений, выходявших за рамки заключенных в 1347 г. с островными архонтами (*archontes*) соглашений, которые предусматривали участие паритетной греко-латинской комиссии для согласования справедливой цены выставленного на торги имущества.

Таким образом, именно прагматизм побуждал генуэзские власти избегать, насколько это было возможно, конфликтов, — как в религиозной, так и социальной сфере, — с местными жителями, составлявшими большую часть населения заморских колоний, находившихся под контролем лигурийской метрополии.

Ситуацию, подобную той, которая была на о. Хиосе, можно обнаружить и в известных нам источниках, относящихся к крымским факториям, а также, насколько мы знаем, к владениям семейства Гаттилузио. Она является отражением исходной реальности: хотя Генуя и была одним из самых густонаселенных городов Европы, окружавшая ее территория была весьма малонаселенной и могла, таким образом, внести ограниченный вклад в предоставление того «человеческого материала», который был необходим для построения колониальной империи и ее управления.

Возможно, это стало одной из главных причин, которые побуждали генуэзцев сделать выбор в пользу создания того, что можно было бы определить как «чистую» талассократию, основанную на контроле за путями навигации, — благодаря владению ограниченным и тщательно подобранным числом стратегических инфраструктурных узлов, — и на способности мобилизовать в случае необходимости мощные военно-морские силы для утверждения своих интересов и их защиты.

Вследствие этих объективных ограничений, к которым добавлялась и пресловутая внутренняя политическая нестабильность, которая не прекращалась в Коммуне на протяжении всего позднего Средневековья, несмотря на учреждение в Генуе в начале XIV в. Оффиции Газарии (*Officium Gazarie*) и на осуществление таких широкомасштабных мероприятий как градостроительное проектирование, направленное на восстановление Каффы после 1316 г., республике так и не удалось создать структуры, сопоставимой с венецианским *Stato da Mar*, а именно хорошо выстроенной системы контроля над заморскими владениями со стороны центрального правительства.

Однако все это не означает, с моей точки зрения, что нельзя выявить факта существования, по крайней мере, на протяжении

XV в., и в генуэзском обществе группы интересов и политического лоббирования, аналогичной той, которую Фредерик Лейн окрестил «Партией Моря» в Венеции; действительно, если проанализировать поведение главных действующих лиц генуэзской политики XV в., покажется очевидной возможность выделить группу семейств, связанных узами родства и интересов и ориентированных, по большому счету, на поддержку дожей Кампофрегозо, проанжуйской и профранцузской политики, которые неустанно стремились направить генуэзскую политику в направлении защиты доминирующих позиций на торговых путях, и которая не случайно включает тех, кто был больше всего вовлечен в экономическую эксплуатацию заморских территорий, в первую очередь семейства Джустиниани и Гаттилузио, в также кланы Чентурионе, Ломеллини и, прежде всего, Дория.

Две политические системы, весьма различные по своим базовым характеристикам, но обе нацеленные на продвижение и защиту интересов собственных предпринимательских кругов, считавшихся основой благополучия всего общества, создали две колониальные системы по разному структурированные с точки зрения управления, но одинаково эффективные и полностью отвечающие интересам соответствующих метрополий и их правящих кругов и, прежде всего, наделенные, хотя и по разным причинам, совершенно удивительной способностью противостоять внешнему давлению.

Как жесткая сплоченность венецианской системы, так и гибкость, на первый взгляд, дисперсной системы генуэзской, оказываются в состоянии амортизировать в течение долгого времени удар одной из, пожалуй, самых мощных военных держав средиземноморского мира той эпохи. Итальянские морские республики, которые, несмотря на свое богатство и влияние, все же оставались лишь двумя относительно изолированными городами в европейском политическом контексте, в течение долгого времени продолжали бросать вызов Османской империи, сумев успешно ей противостоять и после наступления Нового времени, по сути, без какой-либо помощи со стороны других христианских держав.

Помимо военно-политического аспекта и продемонстрированной ими стойкости, как мне хотелось бы подчеркнуть в завершении, главное признание эффективности системы управления заморскими территориями, свойственной этим своеобразным примерам «колониальных» империй, заключается в их долговременном экономическом, социальном и политическом успехе.

Хотя оба города и прошли разными путями через различные фазы развития, они смогли построить во владениях, которые дольше других оказались под их контролем, синкретические социальные и культурные формы, которые явили собой наилучший вклад в то, что всегда считалось самой сильной стороной обоих: способность адаптироваться к изменчивым обстоятельствам и отсутствие предрассудков в отношении совершенно чуждых им культурных реалий.

Имперское пространство в русской сакральной географии

В.В. Трепавлов

Сакральная география (топография) представляет собой одну из форм освоения людьми заселенного ими пространства. Это способ религиозно-мифологического описания и понимания мира. Образы географического пространства уже давно и активно изучаются в историографии. Важным стимулом к развитию этого направления послужили работы французской школы анналов, в особенности классический труд Ф. Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»¹. Основатели школы анналов Л. Февр и М. Блок тоже уделяли большое внимание представлениям о географической среде и ее влиянию на историческое развитие. Активное осмысление пространства как культурно-географической и физической характеристики истории предпринимается немецкими авторами². Американские культурологи и антропологи изучают географическое пространство через представления о нем различных социальных групп³.

Сакрально-географические штудии начали проводиться в европейской историографии в связи с изучением средневековых городов с точки зрения организации «христианской городской среды». В фокусе интереса находились, прежде всего, расположение

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002.

² См., напр.: Schlögel K. Im Raume lesen wir die Zeit. Über Zivilisationgeschichte und Geopolitik. München, 2003; Löw M. Raumsoziologie. Frankfurt a. M., 2001; Schenk F.B. Das Paradigma des Raumes in der Osteuropäischen Geschichte // Zeitenblicke. 2007. B. 6. No. 2; idem. Imperiale Raumerschließung. Beherrschung der russischen Weite // Osteuropa. 2005. No. 3; Kusber J. Mastering of the Imperial Space: the Case of Siberia. Theoretical Approaches and Recent Directions of Research // Ab Imperio. 2008. No. 4. P. 52, 54.

³ См., напр.: Lowenthal D. Geography Experience and Imagination. Towards a Geographical Epistemology // Annals of the Association of American Geographers. 1961. Vol. 51. No. 3; Lynch K. The Image of the City. Cambridge (Mass.), 1960; idem. What Time Is This Place? Cambridge (Mass.), 1972; Tuan Yu Fu. Environmental Psychology: a Review // Geographical Review. 1972. Vol. 62. No. 2.

храмов и приходов, отражение христианской символики в градостроительстве. Показателен в этом отношении цикл лекций историка церковной архитектуры Ричарда Краутхаймера о Риме, Милане и Константинополе⁴. Предпринимаются успешные попытки расширить территориальный охват исследований путем выхода за пределы христианской Европы, сопоставления сакральной географии ее средневековых городов с городами исламского мира, выделения политической и религиозно-литургической составляющих в городском управлении и строительстве. Можно указать здесь на исследование Дженни Эстерле о городах Арабского Халифата в сравнении с европейскими городами⁵.

В российской науке — как географической, так и исторической — изучение образов пространства тоже получает все большее распространение. Вокруг соответствующего круга проблем сформировались целые субдисциплины — гуманитарная география и мета-география⁶. Успешно развивается в историографии и культурологии России «городское» направление. А вот проблема формирования образа не отдельного города, а целого региона, и к тому же в сочетании с присутствующими в нем элементами сакральности, не имеет обширной традиции. Насколько мне известно, лишь Русский Север и Палестина (Святая Земля) удостоивались внимания по этому поводу. Одним из первых шагов в этом направлении стала монография «Образы регионов в общественном сознании и культуре России», которая была написана сотрудниками Института российской истории⁷.

В структуре историко-географических образов главное внимание отводится знакам и символам, которые отражают особенности развития какого-либо региона или пункта. Сведения о различных местностях откладываются в памяти и в представлениях людей в виде устойчивых, стереотипных знаков и символов. Для эпохи Средневековья частой предпосылкой выделения географического локуса из ряда остальных были проявления сакрально-

⁴ Krautheimer R. Three Christian Capitals: Topography and Politics. Berkeley, 1983; Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика. М., 2000.

⁵ Oesterle J.R. Kalifat und Königtum im Vergleich. Herrschaftsrepräsentation der Fatimiden, Ottonen und frühen Salier an religiösen Hochfesten. Darmstadt, 2009.

⁶ Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006; он же. Мета-география. Пространство и образы пространства. М., 2004; Митин И.И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. № 3 (26). С. 148.

⁷ Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). М.; Тула, 2011.

сти — будь то действие неких природных сил (вулкан, целебные источники), связь с жизнедеятельностью святого подвижника или средоточие такого мистического явления, как монархическая власть.

В историографии заметна также ориентация на столицы государств и центральные города регионов как одна из базовых характеристик мыслительного пространства.

В процессе формирования многонационального Российского государства происходило неизбежное взаимодействие различных культур. Это затронуло и особенности сакрального описания мира у народов, которые становились российскими подданными.

Этническое ядро государства составили русские. Поэтому они традиционно и естественно доминировали почти во всех сферах жизни общества. При этом политика по отношению к национальным окраинам и в целом по отношению к нерусскому населению на протяжении столетий неоднократно претерпевала значительные изменения: правительство то стремилось сохранить и постепенно адаптировать местные национальные управленческие и культурные устои, то брало курс на унификацию социальных и культурных стандартов. Порой это действительно выливалось в форсированную христианизацию окраин, русификацию образования, введение общеимперских административных канонов. Подобная стратегия в целом стала господствующей в Российской империи накануне ее падения. К 1917 г. русская администрация и русская армейская элита занимали ведущие позиции во всех окраинных регионах (за исключением Финляндии). Русский язык, русская культура и православие усиленно использовались как инструменты гомогенизации империи⁸. Объективным стимулом этих явлений было активное расселение русских по огромной территории государства, далеко за пределы первоначального этнического ареала на Восточно-Европейской равнине.

На протяжении XVI—XIX вв. русские широко расселились по евразийскому пространству. Академик М.К. Любавский даже расценивал эту «территориальную экспансию» (по его выражению) как смысл и содержание всей русской истории⁹. Первоначально пути миграций тянулись в восточном направлении: Поволжье, Приуралье, затем Сибирь. Западное направление пока было за-

⁸ Каннелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 236.

⁹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века М., 1996. С. 73.

крыто из-за конфликтов с порубежными соседями. Позже переселенческие потоки устремились на юг (на Кавказ, в Малороссию, Новороссию, Казахстан, Центральную Азию) и на запад (в Прибалтику).

Объективно возникла необходимость контактов с местными народами. При этом сами русские не составляли однородную этническую массу с единой, общей для всех них идентичностью. Однако различия являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного, социально-культурного комплекса. Поэтому русская культура при всем своем региональном своеобразии приходила к нерусским народам приблизительно в одинаковых формах.

Унификации ее при внедрении в среду «иноверцев» и «иноподцев» способствовали, во-первых, значительная роль государства при заселении окраин; во-вторых, единство доминирующей православной церкви и христианского культа «греческого закона», в котором начиная со второй половины XVII в. уже не допускались местные вариации; в-третьих, господство единого литературного русского языка, применявшегося в официальных документах и прочих произведениях письменной культуры. На вновь осваиваемые земли были перенесены начала корпоративности (включая крестьянские «миры», посадские и казацкие общины, купеческие сотни, государственную бюрократию).

При рассмотрении внутривосточного символического пространства неизбежно встает вопрос о соотношении этнокультурного центра и периферии, т.е. великорусского ядра и прочих территорий. В XIX в. 28 или 29 губерний официально считались великорусскими (всех губерний было около полусотни). По мере удаления от основного ареала расселения русских нарастало количество неславянского населения, да и русские жители окраин все больше отличались по образу жизни и быта, по психологии и характеру от своих соплеменников, оставшихся на «прародине». При этом империя имела достаточный потенциал для дальнейшего территориального расширения и соответственно для увеличения великорусского этнического пространства.

На протяжении всего расселения происходило соприкосновение и взаимодействие русских мигрантов с массой разноразличных народов и племен, отличавшихся уровнями социального и экономического развития, особенностями мировоззрения, культуры, жизненных укладов и т.д. Кроме того, приходилось привыкать к непривычному климату, осваивать новые места с незнакомыми

почвами, климатом, животным и растительным миром... Происходила постепенная, но довольно быстрая (таково было условие выживания) адаптация русских переселенцев к природным условиям и культурному окружению.

При этом заметим, что верования множества народов и племен никогда не были предметом неприятия и тем более осуждения для основной массы русского населения. Если официальные власти и Церковь то и дело разворачивали кампании по внедрению православия среди «иноверцев», то так называемый простой народ — крестьяне, горожане, промысловики, военные и прочие — воспринимал религиозные взгляды своих неславянских соотечественников как органичную часть их культуры.

Отношение русских ко всей этой культуре в целом балансировало обычно на грани безразличия и терпимости. Негативная реакция на нее, а также культуртрегерские, миссионерские поползновения как массовое явление были абсолютно не характерны для межэтнических отношений в России. Очевидно, здесь сказывался прагматичный поход к исторической ситуации: судьба послала соседей именно с такой культурой, и нам не стоит ее (культуру) затрагивать и тем более менять.

Массовое расселение русских на «национальных окраинах» послужило важным условием для интеграции присоединенных владений в сплоченный имперский организм, стимулом к унификации его структуры, формированию единого государственного пространства. Именно в таком, относительно однородном пространстве, которое осмысливается в категориях традиционной политической культуры, действует своего рода имперская сакральная география. Это частный случай общекультурного соотношения между центром и периферией.

Насколько мне известно, подобный структурно-антропологический ракурс в отношении обширных регионов истории-русисты почти не изучали (за исключением Русского Севера, Поволжья и Палестины («Святой земли»)¹⁰). В православной топографии сакральным центром являлась Москва. И это несмо-

¹⁰ Кулешов Е.В. Сакральная топография Нового времени: Святая земля // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 177–190; Матонин В.Н. Священное пространство Поонежья и Онежского Поморья (2-я половина XIX — 30-е гг. XX в.) // Русская культура на рубеже веков. Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002; Терехихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993; он же. Лукоморье. Очерки религиозной геософии и маринистики Северной России. Архангельск, 1999; Трепавлов В.В. Волга в куль-

тря на наличие официальной столицы, построенной Петром на пустых «чухонских» болотах, а также номинального религиозно-го центра, Иерусалима, — в те времена захолустной османской провинции. Попытка патриарха Никона построить под Москвой в середине XVII в. условную копию Святой Земли — Новый Иерусалим на Истре — не привела к перемещению туда средоточия сакральности.

Иллюстрацией взгляда русских на многоплеменное государство служит панорама Московии в исторической песне XVII в. «Скопин-Шуйский»:

Кругом сильна царства Московского
Литва отлегла со все четыре стороны,
А с нею и сила — сорочина долгополая
[т.е. сарацины=мусульмане],
И те черкасы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олюторами
[т.е. коряками на Камчатке]¹¹.

Таким образом, от Москвы выстраивалась концентрическая картина мира, в которой по мере удаления от «Третьего Рима» убывала и сакральность: сначала православные христиане, затем инославные христиане («Литва» — католическая Речь Посполита), затем «магометане» и, наконец, идолопоклонники (буддисты и язычники).

На эту концентрическую модель накладывались другие, сконструированные нерусским населением. Ведь многие народы имели свои духовные (религиозные) центры за пределами империи. Для мусульман сакральными центрами мира оставались аравийская область Хиджаз со священными городами, а также в определенной мере Стамбул как резиденция халифа; для российских буддистов аналогичную роль играла тибетская Лхаса.

В контактных зонах происходило взаимное наложение сакрально-топографических структур. Можно увидеть, как это происходило в Поволжье. Образ «Матери Волги» был стержневым в картине мира у тюркского, финно-угорского и славянского населения этого региона. Образ крупнейшей реки Восточной Европы

турной традиции народов Восточной Европы // Этнографическое обозрение. М., 1997. № 6. С. 103–108.

¹¹ Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. С. 48.

присутствует в мифологии и фольклоре всех поволжских народов. Исторические источники, памятники устного творчества и литературные произведения показывают, что своеобразный культ Волги традиционен для них. Ее место и роль в культуре, в том числе в сакральной географии, сводятся к следующим позициям.

Во-первых, река являлась мифологическим антропоморфным персонажем, который находится в родственных отношениях с другими потоками и водоемами, вступал с ними в союзы или конфликты.

Во-вторых, она выступала в качестве компонента мифологизированной картины мира, проявляя себя в текстах то как ориентир и стержень мирового пространства, то как рубеж между различными (часто враждебными друг другу) мирами.

В-третьих, Волга в эпической истории предстает как важный элемент изначального, постхаосного мира, заселяемого предками. В этой ипостаси она со временем превращается в обозначение страны и становится в народном сознании символом родины.

Русские первопоселенцы долгое время не могли воспринимать великую реку в ее низовьях с такой же теплотой, с какой к ней относились поволжские народы. Но со временем (приблизительно с первой половины XIX в.) образ Волги и Поволжья становится одним из самых значительных духовно-консолидирующих центров русской культуры, и река с тех пор всегда изображается с положительной эмоциональной окраской¹².

В мировосприятии была широко распространена не только концентрическая, но и «параллельная» ей вертикальная проекция мира (обычно олицетворенная в «Мировом древе»): Верхний мир божеств, Средний мир людей, Нижний мир враждебных сил — с соответствующим убыванием сакральности «сверху вниз». Образ Мирового древа, крона которого находится Верхнем мире, а корни располагаются в Нижнем, фиксируется во множестве культур, в том числе и у русских. Эта общекультурная универсалия принимала в тюркской мифологии образ гигантского тополя Байтерек, упирающегося вершиной в Полярную звезду.

Кроме того, в традиционной культуре тюркских и монгольских народов существовала еще и горизонтальная схема сакральной географии — степень сакральности зависела от расположения на оси «восток — запад». В эпических сказаниях сын получает от

¹² Подробнее см.: *Трепавлов В.В.* Волга-Матушка = Ана Идель // *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII—XIX вв.)*. С. 14—37.

отца удел на западе, с запада приходят недруги, на западе обитает вредоносная нечисть. Противопоставление востока западу имеет глубокие корни, уходящие в космогоническую мифологию. При этом восток служит олицетворением идеальных качеств, в восточной части Среднего мира самая привлекательная природа, все там дышит благожелательностью к человеку, лицом туда кладут погребаемого покойника и т.д. Запад же — это обитель античеловеческих стихий, оттуда происходят нашествия демонов, на западе герои ищут воров, угнавших скот и т.д.

Таким образом, наблюдается явная оппозиция свойств двух сторон света. Но, кроме того, можно видеть и их социальную оппозицию. На востоке всегда обосновывается старший партнер по управлению. По мере удаления резиденций младших соправителей на запад снижается и их (соправителей) статус.

Во всех сакрально-географических ментальных конструкциях мы видим одно и то же явление убывания сакральности: в одном случае от центра к периферии, в другом — сверху вниз, в третьем — с востока на запад. Все эти схемы присутствовали в традиционных культурах народов Российской империи.

Весь круг вопросов, связанных с постижением сакральной топографии, представляет собой сочетание проблем, изучение которых возможно лишь при комплексном привлечении нескольких научных дисциплин, составляющих антропологию пространства. Для ранних периодов особенно полезны археологические изыскания; для более поздних эпох сюда же можно добавить исследовательские методики, которые практикуются в фольклористике, картографии, социальной психологии и других дисциплинах.

Империя, нация, окраины в политике П.А. Столыпина

К.А. Соловьев

Столыпина называли националистом еще при жизни и после кончины. Кто-то считал это достоинством, кто-то — наоборот. В любом случае Столыпин «вписывался» в политическую доктрину, не им созданную. Его фигура служила своего рода «метафорой» в фантазиях публицистов самых различных взглядов и направлений. Они не пытались понять, интерпретировать, зная и так, что должен был думать и чувствовать П.А. Столыпин. Однако это вопрос не маловажный. Во-первых, речь идет о государственном деятеле, с именем которого связана программа системных преобразований, что по определению подразумевает наличие позиции о характере территориального устройства России, о положении национальных окраин, о формах взаимодействия центра и периферии. Во-вторых, премьер-министр, хотя бы в силу обстоятельств, находился в тесном взаимодействии с депутатским корпусом, представлявшим различные регионы страны. Его видение России как империи не могло быть аморфной интуицией — он должен был уметь четко артикулировать собственное видение данной проблемы перед лицом народных избранников.

Вместе с тем есть очевидные трудности при анализе столыпинских взглядов. В первую очередь они обуславливаются тем, что премьер был прагматиком, исходившим не из отвлеченной концепции, а из опыта своего собственного и своих ближайших сотрудников. Он был «реакционер» в том смысле, что по необходимости реагировал на многочисленные и разнообразные вызовы, которые существенно отличались по времени и месту. Во-вторых, позиция Столыпина не являлась константой, она динамично менялась. Председатель Совета министров под воздействием конъюнктуры не стоял на месте, подвергая ревизии свои прежние установки.

Таким образом, было бы ошибкой приписывать Столыпину роль идеолога. Он им не был. Но в той же мере было бы неверно полагать его «большим чиновником» (как порой называли В.К.

фон Плеве), готовым решать лишь технические вопросы и не способным мыслить политически. К моменту своего стремительного возвышения у Столыпина имелись более или менее сложившиеся взгляды, в том числе (а может быть, и прежде всего) на «окраинный вопрос». Большую часть своей жизни он провел как раз на окраине империи — в Ковенской губернии, где по долгу службы налаживал тесное взаимодействие с польским дворянством, литовским крестьянством и с городским населением, значительную часть которого составляли евреи¹. Есть основания полагать, что ключевую роль в назначении Столыпина и.д. Гродненского губернатора сыграли польские аристократы, а именно семейство Тышкевичей, у которых были свои каналы влияния в Петербурге². Они не видели в нем опасного для себя русского националиста. То же можно сказать о гродненском дворянстве, также польском в значительной своей части. У него не было претензий к губернатору, напротив, отмечалась взвешенная, сбалансированная политика «хозяина губернии»³. В таком Столыпине едва ли угадывался националист. В общественном мнении он стал таковым благодаря финляндскому вопросу и, прежде всего, введению земства в Западном крае (март 1911 г.).

Эти, как, впрочем, и многие другие, мероприятия трудно анализировать вне контекста столыпинского понимания политической географии России, которую он видел исключительно империей. Он полагал, что целью как внешней, так и внутренней политики страны в XVI—XIX вв. было освоение огромного евразийского пространства. В продолжении реализации этого проекта Столыпин и видел миссию русского народа. То был исторический вызов для государства, предопределивший и форму его правления, и административное устройство, и внешнеполитические задачи. Кроме того, это обуславливало программу действий власти, которая стояла перед необходимостью разрешения конфликтов между имперским центром и периферией, поддержания безопасности протяженных сухопутных границ и освоения малонаселенных окраин.

Столыпин уподоблял Россию Римской империи. По его мнению, ключевым в стране должен был стать институт гражданства, который объединил бы всех подданных русского царя вне зави-

¹ П.А. Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 486–487.

² П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 34.

³ Юрковский Р. Культурно-просветительская и благотворительная деятельность Петра Столыпина на посту гродненского губернатора в 1902–1903 гг. // Новейшая история. 2017. № 3. С. 58–59.

симости от их национальной или конфессиональной принадлежности. 16 ноября 1907 г. Столыпин убеждал депутатов от Царства Польского: «Признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права»⁴.

Премьер подчеркивал, что империи бывают разными, они выстраивают отношения между центральным правительством и национальными окраинами в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. В частности, децентрализация, характерная для Британской империи, не годится для России: «Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать, и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет!»⁵ Имперский характер российской государственности предопределял каждодневную «повестку дня» как законодотворческого процесса, так и работы исполнительной власти. Например, наличие значительных малоосвоенных пространств Азиатской России ставило перед правительством задачу скорейшего строительства средств коммуникации между центром и отдаленными окраинами, прежде всего — железнодорожного сообщения. В противном случае Россия рисковала утратить контроль над Дальним Востоком и Восточной Сибирью. «Наши государственные границы равняются 18 000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши, — говорил Столыпин. — Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения?»⁶ Создание масштабной инфраструктуры, строительство новых железных дорог должно было обеспечить колонизацию края. Столыпин оспаривал популярную точку зрения, согласно которой все средства, имевшиеся в распоряжении правительства, должны были быть брошены на обустройство Европейской России. По мнению премьер-министра, империя представляла собой

⁴ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 106.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Там же. С. 121—122.

единый организм, каждая часть которого имела жизненно важное значение для целого: «Лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться»⁷. Кроме того, Столыпин был убежден, что при определении доктрины российской внешней политики следовало учитывать евразийский характер империи, которая имеет интересы как на Западе, так и на Востоке, и не может пожертвовать одними во имя других. «Русский народ, — утверждал он, — всегда сознавал, что он осел и укреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью»⁸.

Сложившаяся к началу XX в. территория России представлялась Столыпину отражением пройденного ею исторического пути. Недооценивать важность защиты достигнутых границ значило подвергать сомнению усилия прежних поколений, которые их расширяли. По мнению Столыпина, это ставило бы под вопрос дальнейшее поступательное развитие государства. Причем премьер-министр подчеркивал значение даже тех территорий, которые не были в полной мере интегрированы в Российскую империю. Выступая в Государственной думе 5 мая 1908 г., он так комментировал историческое значение присоединения Финляндии к России: «Господа, неужели об этой стремительной мощи, об этой гениальной силе наших предков помнят только кадеты морского корпуса, которые поставили на месте Гангутской битвы скромный крест из сердобольского гранита? Неужели об этой творческой силе наших предков, не только силе победы, но и силе сознания государственных задач, помнят только они и забыла Россия? Ведь кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы,

⁷ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 128.

⁸ Там же. С. 129.

ведь вы плоть от плоти их, ведь не многие же из вас отрицают отчизну, а громадное большинство сознает, что люди соединились в семьи, семьи — в племена, племена — в народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человечество вперед. Неужели и тут скажут, что нужно ждать, пока окрепнет центр, неужели в центре нашей государственной мысли, нашего государственного чувства ослабло понимание наших государственных задач?»⁹ Столыпин постоянно апеллировал к национальному самосознанию, которое, по его словам, было государствообразующей силой стран Западной Европы. Решение национальных задач должно было исходить не только от власти, но и общества. По мнению премьер-министра, этому должна была способствовать деятельность представительных учреждений (Думы и Государственного совета), существование которых ставило потенциального избирателя перед необходимостью политического выбора, имевшего общегосударственное значение. В 1908 г. Столыпин заявил в Думе: «Забывают, что с введением нового строя в России поднялась другая волна реакции, реакция русского патриотизма и русского национального чувства, и эта реакция, господа, вьет себе гнездо именно в общественных слоях, общественных кругах. В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать рассыпанную хранину русского народного чувства, и выразителями этого чувства являетесь вы, господа»¹⁰.

С точки зрения Столыпина, пробуждение национального самосознания было тем более важно, что Россия находилась в состоянии конкурентной борьбы с другими великими державами. В силу этого отстаивание общегосударственных интересов не могло быть делом исключительно правительства при безразличии или даже враждебности общества: «Да, господа, народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы»¹¹.

По словам В.В. Шульгина, Столыпин был «по чувствам националист благородной, “пушкинской” складки»¹². Его национализм тяготел к классическим образцам XIX в., далеким от ксенофобии

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ Там же. С. 149.

¹² Цит. по: Правда Столыпина. Саратов, 1999. С. 153.

и шовинизма (т.е. Н.Э. Берка, Ф. Шлегеля, А. Мюллера, К. Штайна, И.С. Аксакова и др.). Однако важнее то, что его национализм не подразумевал унификации империи, единого рецепта для лечения ее различных болезней. В своих выступлениях Столыпин отделял имперский центр от периферии, что вполне естественно для любой империи. Интереснее, пожалуй, другое: в его интерпретации периферия имела различные категории. Это были колонии, подлежащие освоению. К ним относилась так называемая Азиатская Россия, т.е. Сибирь и Дальний Восток. Премьер-министр отмечал: «У России нет и не будет других колоний, что наши дальневосточные владения являются единственными нашими колониальными владениями, что у нас нет другого на востоке входа в море»¹³.

В этой связи и следует рассматривать переселенческую политику Столыпина, которую обычно интерпретируют исключительно как составную часть аграрной реформы. Это верно лишь отчасти. Организация переселения подразумевала разрешение целой совокупности проблем, в том числе военно-стратегических. Впрочем, колонизации подлежали не только земли за Уралом. О кавказском направлении переселенческой политики немало написано¹⁴. Столыпин ставил перед главноуправляющим землеустройством и земледелием Б.А. Васильчиковым задачу содействовать переселению русских крестьян в Царство Польское и прибалтийские губернии¹⁵. Эти переселенцы становились бы своего рода агентами влияния России. Как писал премьер прибалтийскому генерал-губернатору А.Н. Меллер-Закомельскому, «без сомнения, сюда должны быть направлены наиболее надежные, крепкие духом русские люди, которыми не оскудело еще наше Отечество. Такие люди не подпадут под влияние местных народностей, а сумеют сохранить свою самобытность, свои верования и обычаи и исконную преданность началам русской государственности»¹⁶. Конечно, в Прибалтике или в Царстве Польском эта политика не могла развернуться в полной мере — так, как в Сибири или на Дальнем Востоке¹⁷.

¹³ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. С. 166. Об этом подробнее см.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–XX вв. Омск, 2004. С. 439–469.

¹⁴ Зиновьев В.П., Федорова Н.А. Переселение // П.А. Столыпин: Энциклопедия. С. 436–437.

¹⁵ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 241.

¹⁶ Там же. С. 215.

¹⁷ Такая политика встречала сопротивление со стороны местной администрации, которая представляла настроения региональной элиты. Так, А.Н. Меллер-Закомельский весной 1908 г. выступил против раздачи земель православных

Речь шла о хорошо известных Столыпину окраинах, населенных преимущественно нерусским населением. К тому следовало относиться уважительно, признавая за ним право на собственный бытовой уклад. Вместе с тем и у империи были свои права. Во-первых, окраины должны были быть хорошо управляемы, и ничто не должно препятствовать реализации администрацией ее естественных прерогатив. Во-вторых, особый порядок, характерный для окраин, не может ущемлять интересы русского меньшинства, проживавшего там. Этой линии Столыпин придерживался и в Польше, и в прибалтийских губерниях, и в Средней Азии. С особой остротой этот вопрос встал в Великом княжестве Финляндском, чья элита давно полагала, что проживает в независимом государстве, связанном с Россией лишь личной унией¹⁸.

Для Петербурга такой подход был неприемлем. Как писал Столыпин И.Я. Гурлянду 5 июля 1909 г., «от Финляндии требуется прямое и честное исполнение своих обязательств в качестве части нераздельной Российской империи»¹⁹. Не отрицая наличие у Великого княжества особого статуса, правительство рассчитывало определить правовые рамки его существования как неотъемлемой части России. В конце 1908 г. было решено создать смешанную русско-финляндскую комиссию, которой предстояло выработать перечень вопросов, подлежащих регулированию исключительно общероссийского законодательства. Должен был быть определен и порядок принятия тех норм, которые действовали бы по всей империи, включая Великое княжество Финляндское. В итоге 14 марта 1910 г. в Думу был внесен законопроект о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. За Финляндией оставалось только областное самоуправление, Основные государственные законы распространяли свое действие и на Великое княжество. Будучи частью империи, Финляндия должна была посылать своих представителей в Думу и Государственный совет²⁰.

Решение проблемы управляемости окраины всякий раз подразумевало нахождение баланса интересов центра и региональ-

арендаторов. Его письмо вызвало резкую реакцию Столыпина, который на его полях отметил: «Презрение ко всему русскому в этом письме прямо возмутительно»: П.А. Столыпин. Переписка. С. 216.

¹⁸ См.: Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 225–367.

¹⁹ П.А. Столыпин. Переписка. С. 332.

²⁰ Бахтурина А.Ю. Финляндский вопрос // П.А. Столыпин: Энциклопедия. С. 679–680.

ных элит. Нужно было иметь достаточно «пряников», не избаловав при этом местную знать; следовало уметь пользоваться и «кнутом», сохраняя образ благодетеля. Это была традиционная имперская политика, которая не подразумевала единообразного решения окраинного вопроса. Она должна была быть достаточно гибкой. Правительство Столыпина пыталось этому следовать. Так, премьер-министр был противником курса «игнорирования» мусульман в Туркестанском крае, который проводился со времен генерал-губернаторства К.П. фон Кауфмана²¹. При этом премьер видел угрозу в распространении ислама (в особенности отдельных его направлений) в Российской империи. В письме обер-прокурору Св. Синода С.М. Лукьянову от 19 сентября 1909 г. Столыпин отмечал, что «для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государственную», поэтому «всякое активное проявление магометанства в той или иной форме или в той или иной части Империи заслуживает самого серьезного внимания»²². Это были не просто слова, они затрагивали вопросы, связанные с организацией народного просвещения в Туркестане. Не было секретом, что школы для «инородцев» лишь в малой степени контролировались правительственной администрацией²³.

И все же имперская политика столыпинского правительства не подразумевала русификацию окраин. Рассуждая о Городовом положении в привислинских губерниях, Столыпин следующим образом объяснял свою позицию: «Если <...> в Западном крае министерство стремилось создать земство по окраске русское, то в городах губерний Царства Польского мы ожидаем увидеть самоуправление польское, подчиненное лишь русской государственной идее»²⁴. Иными словами, Польша должна была оставаться Польшей — правда, в составе России. Однако это никак не относилось к Западному краю, который ни в коем случае не подлежал колонизации. Исторический центр страны должен был оставаться русским.

В этой связи возникал трудно разрешимый вопрос: где проходит граница, отделявшая центр от периферии? В представле-

²¹ Она же. Средняя Азия // Там же. С. 621–622.

²² П.А. Столыпин. Переписка. С. 339–341; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 291–309.

²³ Там же. С. 308–309. См. также: Арапов Д.Ю. Мусульманский вопрос // П.А. Столыпин: Энциклопедия. С. 369–370.

²⁴ П.А. Столыпин. Переписка. С. 634.

нии Столыпина, западное «пограничье» составляли белорусские и украинские губернии, которые при этом, несомненно, входили в состав исторического центра империи. В силу специфики своего географического положения и исторической судьбы они оказались в эпицентре национальной политики, затеянной правительством. Это был своего рода «полигон» национальной конкуренции и строительства. У известного мыслителя русского зарубежья Г.П. Федотова были свои претензии к имперскому прошлому России. Одна из них сводилась к тому, что подлинными центрами империи были периферийные города: Одесса, Варшава, Тифлис, а не Рязань, Владимир, Тамбов...²⁵ В этом была своя правда. Именно на окраинах империя утверждала себя, на окраинах исторического центра утверждала себя имперская нация. В соответствии с этой логикой, власть не могла быть безразличным наблюдателем этого процесса в Западном крае.

«Достойна ли русского правительства роль постороннего зрителя, постороннего наблюдателя, стоящего на этом историческом ипподроме, или в качестве беспристрастного судьи у призового столба, регулирующего лишь успехи той или иной народности?» — задавался вопросом Столыпин, очевидно, подразумевая отрицательный ответ²⁶. Учреждение земства в Западном крае в редакции 1911 г. была борьбой не за Украину, а за Россию, за ее исторический центр в понимании Столыпина. Значимость этого вопроса предполагала смелые, нестандартные решения, на которое в итоге пошло правительство, именно — на создание национальных избирательных курий, русской и польской. Это был очевидный вызов сословному началу, которым правительство фактически пренебрегло. Традиционная имперская политика опоры на региональные элиты сменилась ставкой на формирование и разрастание русского национального движения. В известной мере это ключ к пониманию столыпинского национализма, подразумевавшего расширение форм политического участия. В сущности, речь шла о складывании политической нации — правда, в границах исторического центра страны. Она должна была возникнуть поверх сословных делений. Накануне своей трагической кончины, 28 августа 1911 г., Столыпин с воодушевлением писал жене из Киева о земской делегации, в которой были представлены и магнаты, и мелкопоместные дворяне, и крестьяне. Они все — и очень бо-

²⁵ Федотов Г.П. Избранные сочинения. М., 2010. С. 149.

²⁶ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. С. 272.

гаты, и их менее состоятельные соседи — с благодарностью выслушали речь премьера: «Мое впечатление — общая, заряжающая приподнятость, граничащая с энтузиазмом. Факт, и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и крайне правые. Меня вела моя вера, а теперь и слепые прозрели»²⁷.

По этой причине Столыпин считал свое столкновение с Государственным советом по столь кардинальному вопросу, как введение земства в Западном крае (март 1911 г.), событием исключительного значения, требовавшим чрезвычайных мер со стороны правительства — применения 87 статьи Основных законов. 1 апреля 1911 г. он заявил в верхней палате: «Я знаю, господа, что вы думаете об этом иначе, что вы в ином видите осуществление русских идеалов. Но именно разногласие с правительственной внутренней национальной политикой, которая получает одобрение и указание не в собственном, не в своем вдохновении, составляет событие не каждодневное, тем более что эта политика не узконационалистическая, не партийная, основанная на общем чувстве людей самых разнообразных политических убеждений, но однородно понимающих прошлое и будущее России. Вы сказали свое мнение, должны были его сказать откровенно, но признание правоты вашей точки зрения в вопросе о западном земстве, о национальных куриях означало не только отклонение очередного законопроекта, а знаменовало крушение целого мира понятий»²⁸.

В этой цитате многое переплелось: противопоставление правительственной национальной политики узкому национализму и партийности, соотнесение ее с общностью исторической судьбы. Такой «не узкий» национализм во многом сходилсся со «здоровым национализмом» П.Б. Струве. Не случайно, тот с благодарностью ухватился за слова Столыпина о «великой России». Однако любой национализм, «здоровый» или «узкий», подразумевает приоритет именно национальных интересов (конечно, с учетом различных трактовок этого явления)²⁹.

Применительно к положению Западного края к 1911 г. речь шла о противодействии неизбежному ополчанию и утрате местным населением национальных корней. «Я всегда откровен-

²⁷ П.А. Столыпин. Переписка. С. 613.

²⁸ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. С. 351.

²⁹ См.: *Струве П.Б. Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. С. 61–62.

но заявлял, что считаю польскую культуру ценным вкладом в общую сокровищницу совершенствований человечества. Но я знаю, что эта культура на Западе веками вела борьбу с другой культурой, более мне близкой, более мне дорогой — с культурой русской. Я знаю, что конец мечты о западном земстве — это печальный звон об отказе С.-Петербурга в опасную минуту от поддержки тех, кто преемственно стоял и стоит за сохранение Западной России русской», — говорил Столыпин на заседании Государственной думы 1 апреля 1911 г.³⁰ При этом, как уже отмечалось, национальная политика была асинхронной и разнонаправленной, например, в украинских и привислинских губерниях. Хотя бы в силу этой причины на границах «исторического центра» и окраин возникали конфликтные зоны, где все противоречия, естественно, решались в пользу центра. Примером этому может служить холмский вопрос, когда по инициативе местного православного духовенства из состава Привислинского края была выделена Холмская губерния для прекращения ополячивания и окатоличивания региона — «в обеспечении охраны чисто русского по своим верованиям, свойствам и облику местного населения»³¹.

Такая политика казалась правительству неизбежной. Оно не признавало возможности федерализации страны. По разумению Столыпина, это противоречило всему ходу истории России. Председатель Совета министров напоминал, что Россия возникла из одного исторического центра, интересы которого не могли быть игнорируемы во имя интересов окраин хотя бы в силу того, что именно он продолжал связывать воедино все государство. Его ослабление означало бы и крушение империи³².

Политика Столыпина, поставленная на ее службу, не подразумевала единого алгоритма решения национального вопроса. Более того, она исключала возможность одного национализма. Он был разным в разных частях страны настолько, насколько разной была сама империя.

³⁰ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. С. 351.

³¹ П.А. Столыпин. Переписка. С. 279—280.

³² П.А. Столыпин: Энциклопедия. С. 375.

Сибирь как колония: мнения и факты

Н.И. Никитин

В 1882 г. в Санкт-Петербурге вышла книга Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония». Книга была приурочена к 300-летию похода Ермака, положившего начало присоединению зауральских территорий к Московскому государству, и была посвящена, судя по подзаголовку, следующим вопросам: «Современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее». Через десять лет вышло второе издание той же книги с названием, более четко отразившим идею, положенную в ее основу: «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении». Этот труд примечателен прежде всего тем, что в нем впервые в отечественной историографии обосновывался колониальный статус Сибири.

Автор книги — Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894) — являлся наиболее видным и талантливым представителем так называемого областнического (от слова «область») движения Сибири. Оно сформировалось в 60-х гг. XIX в., позиционировало себя как содружество «сибирских патриотов» и ставило конечной целью отделение своей «малой родины» от России и создание собственного независимого государства — по аналогии с тем, как были образованы на базе английских колониальных владений в Новом Свете Североамериканские Соединенные Штаты. В связи с этим Ядринцев и его единомышленники (прежде всего Г.Н. Потанин и С.С. Шашков) стремились представить Сибирь колонией, во всем подобной колониям западноевропейских государств в Америке, подводя своих читателей к мысли о неизбежности обретения и Сибирью независимости от «метрополии»¹.

¹ См.: *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 295—351; *Шиловский М.В.* Специфика колонизации США и Сибири // *Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное*. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 36; *Хорхордина Т.И.* Сибирское областничество как зеркало кризисов российской государственности // *Исторические записки*. Вып. 15. М., 2015. С. 216—221.

Какие аргументы использовали областники для доказательства колониального статуса Сибири? Это, во-первых, то, что присоединена она была к Московскому государству посредством «кровавого завоевания», сопровождавшегося, как и в Новом Свете, истреблением аборигенного населения, его ограблением и жестокой эксплуатацией со стороны как центральной власти, так и рядовых исполнителей ее воли, следствием чего стало вымирание сибирских народов и образование «пропасти» между ними и русскими переселенцами. Во-вторых, обвинения Москвы и Петербурга в хищнической эксплуатации природных богатств Сибири и в ее превращении в сырьевой придаток Европейской России. Несомненное право на отделение «сибирские патриоты» подкрепляли выдвинутой еще их идейным предшественником А.П. Шаповым «концепцией», согласно которой за Уралом в результате смешения переселенцев с аборигенами якобы давно сформировался особый народ, русским по крови уже не являвшийся².

Надо сказать, что областники не были одиноки в своем видении прошлого и настоящего Сибири. Их взгляды во многом разделяли и некоторые представители российской либеральной интеллигенции, например — профессор Казанского университета Н.А. Фирсов (1831—1896). Он также утверждал, что русские переселенцы несли коренным жителям Сибири лишь насилие и угнетение, захватывали земли аборигенного населения, устранившись всюду жить за его счет и т.д.³ Но если судьба и карьера Фирсова сложились благополучно, то «сибирские патриоты» кончили плохо. Основатели и «столпы» областнического движения, пройдя через тюрьму и ссылку, отошли от активной общественно-политической деятельности, а их последователи и наследники, заняв во время Гражданской войны 1918—1922 гг. антибольшевистскую позицию, пришлось «не ко двору» и обосновавшемуся в Сибири правительству адмирала А.В. Колчака, исповедовавшего принцип «единой и неделимой России», оказавшись, таким образом, неудобными как «красным», так и «белым» — со всеми вытекавшими отсюда последствиями⁴.

² См.: *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы. СПб., 1891. С. 203, 210—212; *Шашков С.С.* Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898. С. 630—632; Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 312—318; 330—331.

³ *Фирсов Н.А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

⁴ См.: *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 222—226.

Однако после Гражданской войны концепции областников оказались весьма востребованными в СССР со стороны историков-марксистов, ориентированных партией большевиков на бичевание и разоблачение политики «русского царизма». Применительно к Сибири (как и к другим окраинам Российской империи) она однозначно трактовалась ими как колониальная, т.е. «хищническая», «эксплуататорская» — в соответствии с теми определениями основного значения слова «колония», которые давались в 1930-е гг. в советских толковых словарях. Таким, например: колония — это «область или страна, захваченная империалистическим государством с целью получения сверхприбылей путем ввоза в нее капиталов и товаров, использования ее источников сырья и беспощадного экономического, политического и национально-го угнетения населения»⁵.

Поэтому историки-марксисты тех лет, рассматривая дореволюционную Россию типичным империалистическим государством, при освещении прошлого Сибири, подобно областникам, делали акцент прежде всего на «трагической судьбе» ее коренного населения и тоже писали, что его «покорение» царизм осуществлял «огнем и мечом с истреблением целых племен». Кроме того, в соответствии с господствовавшими в те годы вульгарно-социологическими концепциями «школы» М.Н. Покровского, утверждалось, что уже с XVII в. сибирские народы становились жертвой грабежей, насилий, погромов и объектом «беспощадной эксплуатации» не только со стороны «царских сатрапов», но и «торгового капитала» и даже богатых русских крестьян («кулаков»), называемых в этой связи «колониальными хищниками». И лишь советская власть спасла народы Сибири от вымирания — к такому выводу подводили своих читателей наши первые историки-марксисты⁶.

Для обоснования колониального характера эксплуатации сибирских народов «царизмом» ими обычно использовался нехитрый прием: при описании всякого рода «зверств» и «насилий» представителей царской власти по отношению к аборигенам ничего не говорилось о том, что русское население страдало от административного произвола ничуть не меньше. Этим и создавалось впечатление о жестоком «национальном гнете», царившем за

⁵ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935. С. 1408.

⁶ См.: Мамет Л. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII–XIX вв. // 100 лет якутской ссылки. М., 1934; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 385, 388–389; Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 49–51, 65, 95, 236–241.

Уралом вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В то время и сибирская археография не могла избежать политизации. Отбор материала для публикаций нередко носил тенденциозный характер, и даже те сборники архивных документов, которые касались самого широкого круга вопросов истории Сибири XVII—XVIII вв., выходили под названиями «Колониальная политика...»⁷.

Сам термин «колонизация» стал в 1920–1930-е гг. все чаще употребляться лишь в значении «превращение в колонию» — вопреки устоявшейся в русской историографии с середины XIX в. традиции понимать под ним лишь заселение и хозяйственное освоение пустующих и слабозаселенных земель. Много воды с тех пор утекло, но с рецидивами несвойственного нашей науке понимания этого термина приходится сталкиваться до сих пор.

Восходящая к трудам областников и представителей «школы» Покровского концепция сибирской истории господствовала в советской историографии фактически до середины 1940-х гг., а наступившие в ее трактовках перемены имели как идеологические, так и сугубо научные основания. Что касается идеологии, то правящие круги СССР, наверное, наконец, поняли, что их страна является преемницей исторической России, и, заставляя изображать ее сплошь в мрачных тонах, они, что называется, «стреляют себе в ногу». Полагаю, однако, что главную роль в смене курса все же сыграл накопленный к тому времени и во все большем объеме вводимый в научный оборот конкретно-исторический материал, который никак не вписывался в представления о Сибири как колонии, подобной заокеанским владениям западноевропейских стран.

Историки нового поколения прежде всего разобрались с областническим движением. Они выяснили, что его активисты были не столько исследователями, сколько публицистами, что главным для них было не восстановление исторических событий во всей возможной полноте, а их использование для подтверждения своих деклараций. Главной отличительной чертой исторических конструкций областников явились необоснованные обобщения — распространение действительно имевших место явлений локального характера на всю сибирскую территорию⁸.

⁷ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сб. документов. Л., 1936; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сб. архивных материалов. Л., 1935.

⁸ Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 313–333.

В первую очередь, вопреки утверждениям областников, выяснилось, что вымирания аборигенного населения в Сибири в действительности не происходило. Труды выдающегося советского этнографа Б.О. Долгих и его последователей показали неуклонный численный рост абсолютного большинства народов Сибири в XVII–XIX вв.⁹ Была доказана также полная несостоятельность мнения областников о формировании за Уралом из переселенцев в результате смешивания с аборигенами особой «сибирской народности». Специальные антропологические и этнографические обследования русского старожильского населения Сибири не выявили у него сколько-нибудь существенных отличий от русского населения Европейской России (тоже, кстати, весьма далекого от «этнической чистоты»). Исключения составили небольшие изолированные группы в отдаленных районах главным образом Восточной Сибири, но численность таких групп по сравнению с основной массой русского населения края была ничтожно мала, так что общий вклад аборигенного населения в «этногенез» сибиряков не превышал 5–10% общего числа их предков¹⁰. Да и общее соотношение численности аборигенного и русского населения Сибири показывает абсурдность областнических утверждений об их смешивании.

В конце XVII в. аборигенов и русских в Сибири было примерно поровну — по 200 тыс. человек. В конце XVIII в. аборигенов насчитывалось около 360 тыс., русских — 553 тыс. В середине XIX в. аборигенов было 648 тыс., русских — 2 млн 288 тыс., а в самом конце этого столетия на примерно 800 тыс. аборигенов в Сибири приходилось уже около 6 млн русских. Даже если предположить, что все аборигенное население Северной Азии без остатка растворялось среди постоянно прибывавших из европейской части

⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 682–700; *Долгих Б.О.* Родоплеменной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; *История Сибири с древнейших времен до наших дней* 5 т. Т. 2. Л., 1968. С. 505; *Воробьев В.В.* Коренные народы Азиатской России (численность, состав, современное состояние) // *Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.* Новосибирск, 1996. С. 40; *Скобелев С.Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.

¹⁰ *Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк.* М., 1973. С. 174; *Любимов Ю.В.* Проблемы политической интеграции (русская колонизация XVII–XIX вв.) // *Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности).* 2-е изд. М., 2001. С. 186–187; *Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде.* М., 2008. С. 78.

страны переселенцах, смешалось с ними, то ясно, что даже в таком случае сколько-нибудь существенного влияния на генофонд сибиряков оно оказать просто физически не могло.

При более внимательном изучении сам процесс вхождения сибирских народов в состав России, рассматриваемый областниками и ранними историками-марксистами лишь как жестокое «кровавое» завоевание, оказался более сложным. Выяснилось, что целый ряд родоплеменных объединений принял российское подданство либо добровольно (в расчете на защиту от врагов), либо без сколько-нибудь серьезного сопротивления. Это дало основание В.И. Шункову, нашему главному в 1940–1950-х гг. историку-сибиреведу, предложить для обозначения этого процесса более нейтральный термин — «присоединение», поскольку он включал в себя «явления различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения»¹¹. Вскоре концепция Шункова была принята большинством советских историков.

В целом она не противоречила фактам, свидетельствующим, что вооруженные столкновения между русскими отрядами и коренными обитателями Сибири в конце XVI–XVII вв. происходили часто и порой носили весьма ожесточенный характер (особенно вдоль южной, лесостепной полосы), но сомнению стали все чаще подвергаться масштабы и степень «кровавости» этих столкновений. Со временем о боевых действиях в Сибири появились и более конкретные сведения. Дело в том, что в русских войсках (как, наверное, во всех армиях мира) участники сражений обычно отправляли «наверх», начальству, донесения, в которых указывали число убитых в сражении врагов. Считается, правда, что в надежде на награды число это обычно сильно преувеличивалось. Тем не менее нашлись исследователи, которые не поленились свести воедино такие сведения. И оказалось, что согласно этим (якобы сильно завышенным) данным за период с конца XVI по начало XVIII в. всего в сражениях с русскими за Уралом было убито около 6 тысяч аборигенов¹². Напомню, что общая численность коренных жителей Сибири в тот период равнялась примерно 200 тыс. человек.

В 1950–1970-е гг. был серьезно поколеблен еще один утвердившийся в советской историографии постулат — о грабитель-

¹¹ Шунков В.И. Некоторые проблемы истории Сибири (К созданию «Истории Сибири») // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 66–67.

¹² Москаленко С.В., Скобелев С.Г. Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI–XX в. // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху Средневековья. Новосибирск, 2001. С. 157–183.

ском, «неэквивалентном» (т.е. «колониальном») характере торговли русских с сибирскими аборигенами. В ходе специальных исследований выяснилось, что на самом деле классические «колониальные товары» — бусы, колокольчики и прочие безделушки — уже в XVII в. занимали в общем объеме продававшихся коренному населению Сибири за меха вещей незначительное место, а преобладали среди них орудия труда и охоты, одежда, металлическая посуда, мука и крупы¹³. Что касается «неэквивалентности» такого рода обмена, то ее можно назвать весьма условной и, строго говоря, взаимной. Во всяком случае, те сибирские народы, которые до прихода русских жили, по сути, в каменном веке, порой открыто выражали свое удивление «глупости» пришельцев, готовых отдать железный топор «всего» за несколько соболей¹⁴. Однако русским торговцам, знавшим реальную цену мехов на европейских рынках, на сверхприбыли, как правило, рассчитывать не приходилось. Дальность расстояний, неимоверные трудности пути к сибирским соболям, огромные расходы на снаряжение и экипировку — все это, как убедительно показал красноярский историк П.Н. Павлов, приводило к тому, что большинство вернувшихся в Европейскую Россию торговцев пушниной могли рассчитывать на прибыль в 22–25%. Она, по словам Павлова, «достаточно высока, но не баснословна, как можно ожидать при колониальном, неэквивалентном характере торговли»¹⁵.

По мере введения в научный оборот нового материала происходило дальнейшее освобождение нашей историографии от вульгарно-социологических клише и идеологических штампов. В частности, более «академичный», деполитизированный характер получали определения слова «колония». В справочной и специально посвященной этому вопросу литературе 1970–1980-х гг. указывалось, что колония — это территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишенная политической независимости, служащая для метрополии сырьевым придатком и управляемая на основе особого («колониального») режима, дискриминирующего коренное население колоний. (В свою очередь,

¹³ Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 348; Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 326–327; Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 81.

¹⁴ См.: Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 71; Казаркин А.П. Этапы колонизации Сибири // Вестник Томского университета. История. 2008. № 2. С. 33.

¹⁵ Павлов П.Н. Указ. соч. С. 326–327.

метрополией называлась часть государства, живущая за счет своих колоний в более благоприятных условиях и имеющая отличные от колоний формы административного управления и устройства.)¹⁶ Под напором фактов стали исчезать основания и для того, чтобы называть политику Российского государства по отношению к сибирским народам «колониальной» в ее традиционном понимании. Прежде всего выяснялось, что за Уралом, в отличие от западноевропейских владений в Северной Америке XVI–XVIII вв., не наблюдалось ни умышленного истребления коренного населения для «очистки» необходимых переселенцам территорий, ни насильственного и массового сгона аборигенов с их родовых земель, ни какой-либо дискриминации по расовому или этническому признакам. Весьма показательны и дошедшие до нас правительственные распоряжения, категорически запрещающие взыскивать с аборигенов недоимки по налоговым платежам посредством телесных наказаний (что было обычной практикой в XVI–XVII вв. в отношении русского населения). Смертная казнь к преступникам из числа аборигенов разрешалась лишь с санкции Москвы или сибирской «столицы» Тобольска. Москва пыталась строго регламентировать и сам порядок приведения народов Сибири в свое подданство, и сбор с них «ясака» (так называлась дань мехами, постепенно превращавшаяся в налог). Отправлявшимся на поиск новых земель военным отрядам предписывалось «призывать» сибирские племена в российское подданство «ласково», а в случае отказа или сопротивления «усмирять» их по возможности «небольшим разорением», «слегка». Для служащих, уличенных в насилиях и прочих злоупотреблениях по отношению к принявшим российское подданство аборигенам, вполне реальным было суровое наказание — тюремное заключение и кнут. Даже при «измене» аборигенов московское правительство крайне неохотно шло на карательные меры по отношению к ним, предпочитая путем переговоров склонять «изменников» к признанию своей вины и возобновлению уплаты «ясака». Власти всеми доступными мерами стремились также противодействовать закабалению аборигенов переселенцами, устраивали в Сибири специальные хлебные склады для помощи аборигенам в «голодные годы»¹⁷.

¹⁶ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 610; Российский энциклопедический словарь. Кн. 1. М., 2001. С. 709; Российская империя: от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 853.

¹⁷ Якутия в XVII в. С. 276, 283, 287; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 57–58; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.

Конечно, далеко не все предписания московского правительства, направленные на защиту коренного населения Сибири, осуществлялись в полной мере, и даже те историки, которые считали необходимым отметить «заботливое отношение» центральной власти к сибирским народам, отмечали случаи «вопиющих насилий» по отношению к аборигенам со стороны местных властей — особенно в самых удаленных от административных центров местах. Кроме того, при общих оценках положения коренного населения Сибири нельзя было пройти мимо и таких, негативно влиявших на его жизнь факторов, как распространение у сибирских народов болезней, занесенных переселенцами, а также не учитывать естественные ассимиляционные процессы в аборигенной среде, приводившие к поглощению одних племен другими. Выяснилось, что именно эти, не подвластные человеческой воле факторы, а вовсе не военные акции властей, в первую очередь и приводили к сокращению численности некоторых этнических групп Сибири (ительменов, юкагиров, кетов), но все же не смогли повлиять на общую тенденции демографического развития ее коренного населения, все более адаптировавшегося к тому новому, что принесли с собой переселенцы, и неуклонно увеличившегося численно.

Правительственные меры по защите сибирских аборигенов были, разумеется, продиктованы не столько принципами гуманизма, сколько сугубо фискальными соображениями — заботой об исправном и все большем поступлении в государственную казну налоговых сборов. В России, постоянно страдавшей при своих гигантских размерах от «малолюдства», пустые земли ее правительству были не нужны, а в редконаселенной Сибири оно было особенно заинтересовано в сохранении реальных и потенциальных налогоплательщиков и прежде всего — тех из них, кто добывал пушнину. В XVI—XVII вв. она выполняла в России функцию своеобразной валюты и пользовалась неограниченным спросом на внешних рынках. Поэтому если в английских владениях в Северной Америке коренные жители часто являлись помехой и прямым препятствием для переселенцев в развитии товарного сель-

М., 1972. С. 169, 171; *Степанов Н.Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 115—116; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 170—171; *Леонтьева Г.А.* Указ. соч. С. 50; *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 219.

ского хозяйства, то в Северной Азии, где даже в силу естественных причин было невозможно возникновение плантаций с рабским трудом, власти стремились к сохранению земельных угодий, используемых аборигенами для ведения своего хозяйства.

Проведение такой политики облегчалось не только наличием за Уралом огромного массива слабо освоенных (и вовсе не освоенных) территорий, но и тем, что вся земля там официально считалась государственной. На этом основании уже в XVII в. издавались царские указы, запрещавшие под угрозой жестокого наказания не только разорять промысловые угодья аборигенного населения, но и занимать их под русские селения и пашни. Переселенцев предписывалось размещать лишь на «порозжих местах», и в подкрепление этих распоряжений не раз ликвидировались как пашни, так и селения, возникавшие на освоенной аборигенами территории. В случаях конфликтов с переселенцами из-за каких-то угодий суд в большинстве случаев вставал на сторону аборигенов. В итоге во многих районах Сибири складывалась парадоксальная для обличителей «колониальной политики царизма» ситуация. А именно: лучшие земли в округе принадлежали не пришлому, а коренному населению, и русские крестьяне арендовали у него за весьма солидную плату различные угодья или «полюбовно» договаривались с ним об их совместном использовании¹⁸.

Такой порядок сохранялся в Сибири веками (вплоть до коллективизации 1930-х гг.), он во многом основывался на удивлявшем сторонних наблюдателей умении русского человека ладить, уживаться и мирно договариваться с представителями самых различных народов и рас. Отсутствие пренебрежительного, высокомерного отношения к аборигенному населению явились чертой, разительно отличавшей русских переселенцев в Сибири от большинства осваивавших Новый Свет западноевропейских колонистов¹⁹.

¹⁸ См.: *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1951. С. 260; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 71–72, 253; *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946. С. 64–70; *он же.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 428; *он же.* Некоторые проблемы истории Сибири. С. 68; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 118; *Шиловский М.В.* Указ. соч. С. 38–39; *Никитин Н.И.* О взаимоотношениях русских и татар в Сибири XVII–XX веков // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 30–33.

¹⁹ *Замысловский Е.* Занятие русскими Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Октябрь. С. 245; *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 334–335; *Бахрушин С.В.* Истори-

Известно, что уже в первой половине XVII в. русские крестьяне и аборигены часто ходили друг к другу в гости, а в этнически смешанных селениях русские порой подолгу жили у аборигенов, пили и ели с ними «из одних сосудов», вызывая особое негодование церковных властей еще и тем, что «приживали детей» от некрещеных аборигенок²⁰. С течением времени факторы адаптации в отношениях между русскими переселенцами и коренными обитателями Северной Азии лишь крепили. Это, конечно, не исключало бытовых конфликтов, они случались нередко, но добрососедские отношения между сторонами явно преобладали, и, вопреки утверждениям областников, никакой «пропасти», разделяющей аборигенов и русских за Уралом, не существовало. Примечательно, что американский сенатор Бэверидж, проехавший в 1901 г. всю Сибирь, увидел главную причину прочности позиций России на Дальнем Востоке в том, что она присутствует там «в виде русского крестьянина», т.е. «самого русского народа», отличающегося тем от других наций, что он не проявляет «никакого оскорбительного способа обращения с расами, с которыми превосходно уживается»²¹.

Но русский человек не чувствовал себя господином по отношению к коренным народам Сибири еще и потому, что таковым не являлся юридически. Аборигенное население зауральских территорий России, как и русское, являлось субъектом гражданского и публичного права, а его повинности в пользу государства отличались от выполняемых переселенцами лишь формой да, как правило, гораздо меньшими размерами²². Кроме того, не существовало и особого режима управления Сибирью, так что и ее административное деление было идентично установленному для европейской части страны. Таким образом, для Сибири было налицо отсутствие одного из главных признаков колониального статуса — управление территорией на основе каких-то особых правил.

ческий очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. С. 78; *он же*. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 246, 271; *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1951. С. 151—152; *Зуев А.С.* Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1998. С. 128.

²⁰ Буцинский П.Н. Указ. соч. С. 332—334.

²¹ См.: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 287—288.

²² *Окладников А.П.* Предисловие // Описание Тобольского наместничества. С. 7; *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 63, 250; *История крестьянства СССР*. Т. 2. М., 1990. С. 477; *Миронов Б.Н.* Рец. на: Каппелер А. Россия — многонациональная империя // Отечественная история. 1998. № 3. С. 169, 172.

Что же в итоге оставалось у сторонников концепции «Сибирь — это колония»? Только признание ее сырьевым придатком «метрополии», поскольку экономика обширной восточной окраины России вплоть до начала XX в., действительно, носила преимущественно сырьевой характер. Исходя из этого, в 1960-е гг. советские историки пришли к «компромиссному» заключению: Сибирь являлась колонией Российской империи, но не такой, как Средняя Азия или «Русская Америка», колонией не в социально-политическом, а лишь «в экономическом значении слова» — подобно Новороссии и Предкавказью²³.

Эта точка зрения является в отечественной историографии пока господствующей, но с 1990-х гг. все чаще подвергается критике. После смены общественно-политического строя в нашей стране за Уралом вновь активизировался «вирус областничества» и опять стали популярны взгляды на Сибирь как типичную (полную) колонию, аналогичную колониям западноевропейских стран в Новом Свете, подвергшейся со стороны метрополии варварскому завоеванию, жесточайшему геноциду, разграблению и т.д. и т.п.²⁴

Такие перемены отчасти можно объяснить реакцией нашей общественности на те перекосы в освещении истории Сибири, которые в угоду политической конъюнктуре часто допускались «поздней» советской историографией, стремившейся обходить «острые углы» во взаимоотношениях народов СССР как в далеком, так и не в слишком далеком прошлом, а историю присоединения и освоения Сибири представить как процесс сугубо мирный и даже добровольный²⁵. Но здесь явно просматривается и политический заказ, ибо аргументация «неообластников» на поверку оказывается не более (а часто даже менее) состоятельной с научной точки зрения, чем доводы их идейных предшественников.

Утверждается, например, что нельзя противопоставлять европейскую колонизацию Северной Америки и русскую колонизацию Северной Азии в XVII—XIX вв., поскольку и тут и там имели место как непримиримая вражда и жестокие расправы переселенцев с аборигенами, так и случаи их мирного сожительства и даже дружеских отношений. Что ж, действительно, в Сибири

²³ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967. С. 357, 366—367; Горюшкин Л.М. О характере колониальной зависимости Сибири в эпоху капитализма // Бахрушинские чтения. 1971. Новосибирск, 1972. С. 66—67.

²⁴ См.: Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 215, 227.

²⁵ См.: Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 63—90.

и Америке в ходе европейской колонизации бывало и то, и другое. О мирных отношениях русских и аборигенов уже шла речь выше. Однако и в Новом Свете далеко не всегда и не везде коренные жители оказывались в столь же трагической ситуации, как индейцы Карибского бассейна: например, на территории Канады их положение было гораздо лучше, чем к югу от нее (и во многом напоминало Сибирь)²⁶. В Америке среди выходцев из Старого Света, конечно, встречались не только «охотники за скальпами», но и люди, подобные прототипам «положительных героев» романов Фенимора Купера, или вполне реальные «друзья краснокожих», подобные Джеймсу Шулцу, описавшему свою жизнь среди индейцев в целой серии повестей и рассказов²⁷. Но что превалировало в отношениях переселенцев и аборигенов в Новом Свете и Сибири? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дает общий итог «демографической политики» русских и западноевропейских колонистов: в Северной Азии к началу XX в. численность коренного населения возросла в несколько раз, а в Северной Америке она за то же время в несколько раз уменьшилась²⁸.

В качестве доказательства типично колониального статуса Сибири нынешние областники указывают и на то, что официальным языком в зауральских владениях России «был язык метрополии», что правовое положение русского и коренного населения на ее территории «было неодинаково», в подтверждение чего даже предоставляемые аборигенам льготы (например, освобождение от тяжелейшей рекрутской повинности) рассматривают как чуть ли не дискриминацию по этническому признаку. В той же связи делается упор и на имевшую место за Уралом «объективную экономическую дифференциацию» между пришлым и коренным населением по «этническому и отраслевому принципам, т.е. — на различия хозяйственно-бытовых укладов русских и аборигенов²⁹.

Авторы подобных пассажей не разъясняют, как они представляют себе функционирование властных структур в Сибири, если бы официальным языком там был не русский, а бурятский, якут-

²⁶ *Побережников И.В.* Канадский и российский фронтир: общее и особенное (XVI — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 25–30.

²⁷ См., напр.: *Шулц Дж.* Ловец орлов и другие повести / пер. с англ. М., 1991.

²⁸ См.: *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 8–10; *Коренное население Северной Америки в современном мире.* М., 1990. С. 335; *Скобелев С.Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв....

²⁹ *Козулин А.В.* Была ли Сибирь колонией Российской империи // Преподавание истории в школе. 2011. № 8. С. 16–18.

ский, татарский, эвенкийский, кетский, нивхский, ненецкий, корякский, хантский, мансийский и прочие «национальные» языки и их диалекты. А относительно других другие «признаков» статуса Сибири как «колонии и в политическом, и в экономическом смысле», достаточно привести лишь один контраргумент, который разрушает и вышеприведенные, и прочие «доказательства» якобы коренного различия в правовом и экономическом положении русских и аборигенов. Дело в том, что за Уралом существовала довольно многочисленная (для этого региона) социальная категория — русские «ясачные люди», т.е. переселенцы, которые, подобно аборигенам, вносили в качестве налога в государственную казну определенное количество мехов или же их денежный эквивалент. Самой многочисленной и известной их группой являлись старообрядцы, самовольно поселившиеся в горах Алтая на реке Бухтарма и согласившиеся стать российскими подданными в 1791—1792 гг. лишь в статусе «ясачных людей», который сохранили до 1878 г. Их положение по сравнению с другими категориями русского крестьянства Сибири считалось более выигрышным³⁰.

Что же касается различий между пришлым и коренным населением «по отраслевому принципу», то как, в связи с утверждениями о типично колониальном статусе Сибири, трактовать место в ее социальной структуре отдельных групп русского населения, которые вели типично «аборигенный» образ жизни, занимаясь главным образом охотой и рыболовством, образовав со временем своеобразные этнографические группы? И уж совсем не ясно, как в той же связи характеризовать положение тех аборигенов, которые занимались земледелием и в XVIII—XIX вв. по образу жизни уже практически ничем не отличались от русских крестьян?..³¹

Примечательно, что тезис своих идейных предшественников о формировании за Уралом новой народности из-за смешивания русских переселенцев с аборигенами «неообластники», как правило, уже не повторяют, но реальность существования особого этноса (или субэтноса) «сибиряков» отстаивают. Акцент при этом, правда, делается уже не на «кровь», а на особенности сибирского менталитета³². Что ж, менталитет — материя тонкая, разбираться

³⁰ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 337; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 217.

³¹ См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 304—313.

³² См., напр.: *Шерстова Л.И.* Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 25—27.

с ним сложно и пространство для маневра у сибирских сепаратистов здесь довольно широкое.

В силу громадности территории, многоукладности экономики, полиэтничности и поликонфессиональности в России XVII—XIX вв. не могло быть абсолютного единообразия и в том, что касалось управления и жизненного уклада ее населения. Но все же различий этих явно недостаточно для признания того или иного региона колонией, да еще и «в полном смысле этого слова».

Политизация термина «колония», придание ему эмоциональной, тенденциозной окраски с использованием в сугубо пропагандистских целях — весьма заметное для нашего времени явление. Колониями Российской империи и СССР объявили себя почти все бывшие советские республики. А в самой России на тот же «колониальный» статус с недавних пор стали претендовать (в лице некоторых политических деятелей) не только отдельные «национальные регионы» и Сибирь, но и казачий Дон, и ряд исконно русских областей (например Тверская, Новгородская). Сразу же возникает вопрос: а что же в таком случае было у нас метрополией, живущей за счет угнетаемых колоний? С ответом на него возникают проблемы. Одни авторы называют такой метрополией столицу — Москву и (затем) Санкт-Петербург, другие считают, что носителем функции метрополии в России выступала царская семья вместе с помещиками и бюрократией. Впрочем, аргументацией в подкрепление своих позиций современные «борцы с русским колониализмом» себя обычно не утруждают и даже заявляют, что не в Москве должны определять, что такое колония, и раз какие-то территории чувствуют себя колониями, значит, они колонии и есть. Однако когда пытаешься все-таки понять эти «чувства», то они обычно оказываются на редкость просты: если какому-то региону, несмотря на его национальные, культурные или «ментальные» отличия, не представляется возможность создания собственного независимого государства, то он, ясное дело — колония...³³

В данном случае мы имеем дело с явлением, характерным не только для постсоветского пространства: например, свою родину колонией Англии называют шотландские националисты, а бретонские считают колонией Франции свою Бретань. Но вряд ли ученым и в этом вопросе следует уподобляться политикам и публицистам и отказываться от критериев, позволяющих счи-

³³ См.: Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 431–432.

тать ту или иную территорию чьей-то колонией. И вряд ли лишь отсутствие государственной самостоятельности у какого-то региона можно считать достаточным основанием для закрепления за ним колониального статуса. Точно так же сырьевой характер экономики каких-либо стран или регионов еще не превращает их автоматически в чьи-то колонии даже «в экономическом смысле»: существует же такое понятие, как разделение труда — и международное, и межрегиональное. Трудно ведь, согласитесь, представить себе сколько-нибудь значительную по размерам страну, где абсолютно все регионы в равной степени индустриально развиты.

Что касается Сибири, то у Н.М. Ядринцева, считавшего ее колонией, уже в конце XIX в. нашлось немало оппонентов, убежденных в том, что колонизация далеко не всегда превращает колонизируемые территории в колонии американского типа. Это были, в частности, Н.Я. Данилевский, С.М. Прутченко, В.И. Ламанский³⁴. Но мне больше импонирует мнение, высказанное знаменитым норвежским полярным исследователем и путешественником, видным общественным деятелем, лауреатом Нобелевской премии Мира Фритьофом Нансеном. Личность эта не только во всех отношениях выдающаяся, но в нашем случае беспристрастная и, главное, вполне компетентная. Нансен на рубеже XIX и XX вв. не раз бывал и в Европейской России, и в Сибири, и имел возможность сравнивать их. Он пришел к выводу, что Сибирь представляет собой «в сущности естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины»³⁵. Полагаю, на этом в дискуссии о статусе Сибири можно ставить точку.

³⁴ Там же. С. 432.

³⁵ Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 18.

Колонизация и «деколониальный поворот» в казахстанской историографии

Д.А. Аманжолова

В своей основе вопрос о сущности колонизации и ее трактовки как колониальной политики со стороны «внешней» силы в лице России является отражением проблемы прерывности или непрерывной последовательности истории Российской империи и СССР, в частности, о преемственности или отличии имперского и советского периодов истории Казахстана и, соответственно, о степени «колониальности» двух типов государств и их политики. Как известно, советская и в том числе казахстанская историография рассматривала колонизаторскую политику как существо имперской политики, с которой СССР решительно порвал, а западная проводила идею непрерывности колониальной политики России на протяжении всей ее истории, включая советскую.

Постсоветская историография разными темпами и с разной степенью радикализма переживает период необольшевистского отрицания того, чему поклонялась совсем недавно. Расширение информационной базы о прошлом сопровождается его ангажированной репрезентацией, нацеленной на форматирование социально-политической системы как независимой сущности. Понимание и анализ многослойного прошлого таких сложных по структуре и истории кросскультурных регионов только намечается. Так называемый деколониальный поворот, характерный для постсоветских стран, в Казахстане приобрел свою специфику (впрочем, Казахстан всегда отличался от остальных республик центральноазиатского региона, что было зафиксировано в том числе и в советской формуле «Казахстан и Средняя Азия»). В сравнении с монохромной историографией Узбекистана и Таджикистана, в Кыргызстане и Казахстане ситуация представляется более разнообразной. В Казахстане организационно и содержательно она обусловлена как минимум тремя обстоятельствами: официальным «историческим» дискурсом, который определяется

властью; разрывом прежде единого научного и информационного пространства бывшего СССР, что вызвало падение уровня и форм сотрудничества российских и казахстанских историков; формированием нового слоя историков, осваивающих современный методологический инструментарий главным образом в сотрудничестве с западными коллегами.

Нациестроительство, как и в других бывших советских республиках, осуществляется в том числе посредством простого противопоставления «плохого» или даже ужасного прошлого блестящим успехам независимого Казахстана. О переоценке истории Казахстана впервые на институциональном уровне было заявлено в 1990 г., когда Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР совместно с редакцией журнала «Вопросы истории» провел круглый стол «Национальные движения в условиях колониализма: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ»¹. Будущий руководитель института С.Ф. Мажитов, к примеру, призвал отказаться от политизации и руководствоваться в оценке «освободительных движений XIX в.» требованиями «научной нравственности». Д.И. Дулатова подчеркнула, что выступление крестьян во главе с Кенесары Касымовым было антиколониальным и антиоккупационным, независимо от лидерской роли султанов и старшин².

Интенсивность и характер оценки колониализма в трактовке российской и советской политики в Казахстане связаны с политической и экономической конъюнктурой в отношениях РФ и РК, в том числе определениями и оценками главы государства Н.А. Назарбаева, а также эволюцией взглядов и методологической оснащенности самих историков. В связи с особой чувствительностью к «голосу власти» важно иметь в виду дискурс, транслируемый главой государства, начиная с 1992 г., о потерях и упущенных возможностях казахов в условиях колониальности, прежде всего в досоветский период. Так, в 1992 г. он отмечал: «И не вина, а беда нашего народа в том, что он стал меньшинством на земле своих предков вследствие колониального порабощения царской империей, вымирания от голода в годы советской власти, ссылок и переселений других наций в период коллективизации и Отечественной войны, механического возрастания удельного веса не-

¹ Национальные движения в условиях колониализма: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ: Мат-лы круглого стола, 27–28 июля 1990 г. Целиноград, 1991.

² Там же. С. 39, 54.

коренного населения в ходе целинной эпопеи и освоения недр республики»³. В 1993 г. Н.А. Назарбаев подчеркивал: в СССР «отношения центра и регионов носили полуколониальный характер <...> Попытка унифицировать все нации в единую суперэтническую общность — советский народ — явно провалилась»⁴. В 2012 г. прозвучал такой тезис: «мы были колонией Российского царства, затем Советского Союза. За 150 лет казахи едва не лишились своих национальных традиций, обычаев, языка, религии»⁵; в 2016-м: «Во времена царской России все богатства из земли вывозились, а нам просто оставляли перекопанную землю и заставляли глотать пыль. У нас даже дорог внутри страны не было. А сейчас видели, какую железную дорогу запустили? А раньше такого не было, потому что мы были колонией»⁶. В последней статье Н.А. Назарбаева «Семь граней Великой степи» тезис о колониальном прошлом Казахстана отсутствует, но предлагается новая программа «Архив-2025»⁷.

За постсоветский период в РК было инициировано несколько государственных программ по обновлению исторического знания: 1) 1998 г. — год Народного единства и национальной

³ Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алма-Ата, 1992. С. 38.

⁴ Назарбаев Н.А. Идеиная консолидация общества — как условие прогресса Казахстана. Алматы, 1993. С. 6—7, 8.

⁵ КазИнформ. // URL: <https://newsland.com/user/4297691255/content/nazarbaev-kazakhstan-buduchi-koloniei-rossii-lishalsia-traditsii/4403433> (дата обращения: 21.12.2018).

⁶ Назарбаев: «Казахстан был колонией России» // URL: <http://zakonvremeni.ru/news/13-3-/29432-nazarbaev-qkazaxstan-byi-koloniej-rossiiq.html> (дата обращения: 05.12.2018).

⁷ Кроме того, намечено создать учебно-образовательный Парк-энциклопедию «Великие имена Великой степи», научно-популярную серию «Выдающиеся личности Великой степи» — «Ұлы Дала тұлғалары», проект «Тюркская цивилизация: от истоков к современности» и в его рамках Всемирный конгресс тюркологов в Астане в 2019 г., Дни культуры тюркских этносов; создать Музей древнего искусства и технологий Великой степи «Ұлы дала», Общенациональный клуб исторических реконструкций «Великие цивилизации Великой степи», туристический проект по частичному восстановлению города Отырар, «Антологию степного фольклора», сборник «Древние мотивы Великой степи», серии научно-поисковых экспедиций в различные регионы Казахстана и другие страны для поиска общих исторических основ фольклорной традиции; специальный цикл документально-постановочных фильмов, телевизионных сериалов и полнометражных художественных картин. См.: Назарбаев Н.А. Семь граней Великой степи // http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi (дата обращения: 23.11.2018).

истории, «Прошлое Казахстана в источниках и материалах»; 2) 2006–2008 гг. — «Мәдени Мұра» («Культурное наследие») — переводы зарубежных источников («История Казахстана в арабских источниках», «История Казахстана в русских источниках» и т.п.); 3) 2014–2016 гг. — «Народ в потоке истории». Последняя программа связана с установками государственного секретаря РК М.М. Тажина, озвученными на расширенном заседании Межведомственной рабочей группы по изучению национальной истории Казахстана: «В современной историографии под воздействием европоцентризма доминирует представление о борьбе между двумя противоположностями — кочевниками (“варварами”) и оседлыми народами (“цивилизованными”) <...> Мы должны серьезно переосмыслить все эти источники <...> Мы видим огромный наплыв неграмотных подделок <...> Изучая историю тюркско-славянского взаимодействия, нельзя акцентировать внимание только лишь на конфликтах и упускать из вида положительные точки соприкосновения наших культур и цивилизаций <...> нужно избежать идеализации прошлого <...> открыто сказать о драматической истории XX века, а не предаваться ностальгии по некоему порядку <...> показать все прелести решения национального вопроса в тоталитарном государстве — это просто долг наших историков. Национальная история должна стать центральным звеном среди общественных наук»⁸. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова разработал программу исследований, в которой были определены в том числе следующие темы: «3. Историческая судьба казахского народа в новое время: 3.1 Колонизация края и адаптация казахов к новым условиям; 3.4 Духовная колонизация: итоги и уроки истории; 3.8 Казахстан и Россия в условиях единого потока колониализма <...> 4. Казахский народ в советский период: 4.7 Освоение целины — проявление неокolonизации»⁹. 4) В 2018 г. Назарбаев инициировал новую программу «Рухани Жанғыру» (подпрограммы — «Туган жер», «Сакральная география», «Современная казахстанская культура», «100 новых лиц», «100 новых учебников»).

В рамках перечисленных программ и установок представители «официального» направления (М.К. Козыбаев, У.Ш. Исмагулов, Д.К. Абенев и др.) политику имперской администрации в Казахстане в XIX–XX вв. определяют как колониальную со всем

⁸ URL: <http://www.inform.kz/> (дата обращения: 14.06.2013).

⁹ URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/331> (дата обращения: 8.01.2019).

спектром отрицательных последствий для автохтонного населения. Сторонники «умеренного» направления, размышляя о роли имперского фактора в аграрной колонизации Степного края, жестко критикуют романтизм в казахстанской исторической науке и как его следствие — мифологизацию исследований аграрной истории Казахстана¹⁰. Значительная часть исследователей принадлежит к первому направлению.

Основными темами, подтверждающими колонизаторский характер политики Российской империи, практически неизменно являются крестьянское переселение, появление казачества в Степи и социальные протесты против власти. В частности, утверждается, что имперская политика российского правительства в отношении коренного населения «держала ориентир на превращение кочевого хозяйства в крепостное, а казахов в крепостных крестьян»¹¹ и их русификацию. Говорится о негативном влиянии переселенческого движения на хозяйство, а главное, на духовную жизнь казахов, о сокращении их численности (А.М. Мырзахметова, А.М. Бурсукбаева, Г.Т. Каженова, Д.Р. Айтмагамбетов и др.)¹². Так, З.Т. Садвокасова объясняет логику самостоятельных переселенцев-одинок, отправлявшихся в неизведанные края и постепенно обставших хозяйством, присоединявшихся к ним родственников и земляков, как некий тайный «стратегический умысел» по «захвату» исконных владений казахов¹³. На деле гово-

¹⁰ *Токмурзаев Б.С.* Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. С. 8.

¹¹ *Рахимбекова А.К.* Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004.

¹² *Атушева С.* Переселенческая политика царской России и кризис традиционного казахского общества // Мысль. Алматы, 2000. № 4. С. 70–72; *Бурсукбаева А.М.* Колонизаторская политика царизма в казахских землях XIX — начале XX вв. (на материалах Северо-Восточного Казахстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2005; *Артыкбаев Ж.О., Раздыков С.З.* История Казахстана. Астана, 2007; *Мырзахметова А.М.* История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007; *Каженова Г.Т.* Казахи и сибирские казаки в историческом и социокультурном пространстве Степного края (XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2008; *Айтмагамбетов Д.Р.* Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Акмолинской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010; и др.

¹³ *Садвокасова З.Т.* Русские крестьяне-переселенцы и Русская Православная Церковь в Казахстане (II половина XIX в.) // Альманах современной науки и об-

речь о русификации вряд ли уместно, так как традиционная культура и родной язык оставались господствующими. Неубедительно выглядят и утверждения о духовной экспансии православия¹⁴. Укоренение ислама среди казахов в начале XX в. было защитной реакцией на колонизацию, в том числе на усилия православных миссионеров¹⁵, в Туркестане же ислам и до колонизации играл исключительную роль в системе моральных и духовных ценностей, правовых норм и быта казахов и других народов.

Что касается темы национально-освободительной борьбы, то здесь в центре внимания остается последний казахский хан Кенесары¹⁶. Показательная дискуссия развернулась в академическом сообществе РК в 2012 г. по поводу статьи журналиста Б. Ауельбекова «О колонизации Казахстана и восстании Кенесары Касымова»¹⁷, который попытался оценить его в контексте имперской политики России. Появились статьи-опровержения, в которых автора обвинили в том, что он отрицает российскую колонизацию Степи до конца XIX в., считает смыслом строительства укрепленных линий и создания казачьих войск охрану торговых путей, а не колониальный захват; доказывает неспособность малочисленного неказахского населения (8% от общей численности) ко-

разования. 2012. № 2 (57). С. 21–23. См. также: *она же*. Из истории духовной экспансии царизма в Казахстане: учеб. пособие. Алматы, 2000.

¹⁴ См.: *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане. Алматы, 2005.

¹⁵ См.: *Лысенко Ю.А.* Миссионеры Киргизской православной миссии о степни исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. // *Мир Большого Алтая*. 2016. № 2 (1.1). С. 53. З.Т. Садвокасова, убежденная в крайней опасности и реальном ущербе от духовной экспансии царизма в прошлом, признает, что на практике среди русских переселенцев второй половины XIX в. нередки были случаи перехода в ислам. См.: *Садвокасова З.Т.* Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // *Отан тарихы*. 2007. № 3; *она же*. Русские крестьяне-переселенцы и Русская Православная Церковь в Казахстане (2-я половина XIX в.) // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов, 2012. № 2. С. 21–23.

¹⁶ Кенесары (1802–1847) — султан, чингизид, внук Абылай-хана. В РК почитается на государственном уровне как лидер национально-освободительного движения казахов 1837–1847 гг. Кенесары продолжил линию отца Касыма и брата Саржана, вероломно убитых кокандским ханом. В войне против России он искал союзников в лице бухарского хана, киргизов и др., после срыва компромисса с российскими властями начал военные действия, которые охватили большую часть казахских земель. В 1841 г. был провозглашен ханом. Коалиция с киргизами оказалась неудачной, в 1847 г. Кенесары был пленен и казнен (останки не обнаружены).

¹⁷ *Ауельбеков Б.* О колонизации Казахстана и восстании Кенесары Касымова // *Мысль* (Алматы). 2012. № 6. С. 67–74; № 7. С. 62–67.

лонизировать обширный регион и считает целью Кенесары не борьбу против «колонизаторской» России, а освобождение казахов от кокандской зависимости. Один из критиков, к примеру, писал, что конечной целью долговременной «вредоносной» стратегии России «была постепенная русификация казахов, с переходом их на оседлость, распространение среди них русской грамоты». Набеги казахов на соседние земли, сопровождавшиеся пленением местного населения и грабежами, оцениваются как несопоставимые «со страшными бедствиями и потрясениями» казахов «от российской колонизации»¹⁸. В Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова был организован «круглый стол»¹⁹, на котором ведущие историки доказывали, что российская колонизация Азиатской России происходила в шесть этапов с конца XI в. до 1917 г. Учебник по историографии истории Казахстана за 2013 год (утвержден МОН РК) определяет российскую колонизацию Степи в три периода, начиная с XVIII в.²⁰

Подчеркивалось, что статья «задевает честь казахского народа», а объективную оценку восстание Кенесары 1837–1847 гг. получило лишь в независимом Казахстане как «национально-освободительное движение против колониальной политики Российской империи». В качестве аргумента приводились аналогичные оценки советской историографии²¹. Одно из обвинений заключалось в том, что ученый-казах, гражданин РК, рассуждает «с позиции великодержавного шовинизма», при этом дореволюционный термин «замирение» прямо связывался «со свежим примером — России против Грузии по ее “принуждению к миру”». Историки современной России попутно обвинялись в преувеличении влияния и силы воздействия принятого Абулхаиром подданства, как и в отрицании факта колонизации Казахстана. Статья

¹⁸ Жетписбай Н.Ы. О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII — первой трети XIX вв. в Западном Казахстане // Отан тарихы (Отечественная история). Алматы. 2012. № 3 (59). С. 42, 52–53. См. также: Оразов Р.Е. Азаттық үшін күрескен Кенесары тәуелсіздік кезінде неге сынға алынауы тиіс? // Там же. С. 55–60.

¹⁹ Стенограмма круглого стола «Колонизация Казахстана и хан Кене: история и антиистория». 12 сентября 2012 г. // Отан тарихы (Алматы). 2012. № 3 (59). С.173–186.

²⁰ XVIII в. — 20-е гг. XIX в. — протекторат над Младшим и Средним жузами; 20-е гг. — первая половина 60-х гг. XIX в. — утрата политической самостоятельности; первая половина 60-х гг. XIX в. — 1917 г. — колония Российской империи: Игубаев С.К. Историография истории Казахстана: учебник. Алматы, 2013. С. 10–11.

²¹ Там же. С. 179, 175–176.

оценивалась как «закамуфлированная под невежественную оболочку политическая технология»²². В одиночестве оказался главный редактор журнала, опубликовавшего статью, С. Куттыкадам, который прямо обвинил академическое сообщество в конъюнктурности и неспособности объективно оценить свою историю: «Что пишут наши историки? Стыдно! <...> Вот, Кене хан вчера был врагом народа, а сегодня он герой, Хан»²³. В итоге в изучении национально-освободительного движения было предложено руководствоваться патриотизмом; признать, что «национальная историография была поставлена на колени упорствующим нажимом имперского и тоталитарного режимов» и сохраняются «стереотипы советской эпохи». Серьезными проблемами были названы неразработанность теории и методологии протестных движений, отсутствие компаративной и коммуникативной связи с исследованиями «сопредельных стран», а в качестве цели было определено «историческое наследие через призму национальных интересов» и государственных приоритетов²⁴.

Казахстанская историография рассматривают колонизацию и национально-освободительное движение казахов как причину и следствие. Пятитомное академическое издание истории Казахстана 2000–2010 гг. содержит (в томе 3) главу о «национально-освободительной борьбе казахов против установления российского колониального господства (20–40-е годы XIX века)», а социальные протесты имперского периода чаще всего включаются в разряд национально-освободительных²⁵.

В 2012 г. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова принял решение подготовить новое 10-томное издание истории Казахстана в 20 книгах. Была опубликована структура издания²⁶, в написании ряда глав участвовали в том числе специалисты ИРИ РАН Н.Е. Бекмаханова, В.В. Трепавлов, автор этих строк. Коллективный труд был подготовлен, но до сего дня не опубликован. Судя по структуре, события XVIII века, связанные с вхождением казахских земель в состав России, прямо как колонизация не оцениваются. Речь идет об «освободительной борьбе казахского на-

²² Там же. С. 177, 183.

²³ Там же. С. 178.

²⁴ Там же. С. 184–186.

²⁵ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3. Алматы, 2000. С. 764, 36, 419, 636–651.

²⁶ Отечественная история. Алматы, 2012. № 3 (59). С. 121–146 (на каз. яз.); С. 147–173 (на рус. яз.).

рода» и «протестном движении против присоединения Младшего жуза к России». В томе 5, посвященном XIX веку, содержатся пункты (глава 1): «Военная колонизация. Казачьи войска в Казахстане»; «Рост протестного движения казахской элиты против утверждения колониальной системы в Западном Казахстане»; глава 2 «Народно-освободительная борьба против военной экспансии Российской империи» (на юге современной РК). В томе 6 статус Степи в составе России упоминается в контексте «народной борьбы в условиях утверждения колониальной системы царизма», тогда как административные преобразования как колонизаторские не определяются. В томе 10, посвященном методологии и историографии, планировалось также осветить состояние казахстанской историографии «российской колонизации» в досоветский период. Признаком «отчуждения» от советской и российской историографии стал отказ от понятия «Великая Отечественная война», которое было в издании 2010 г. (том 4). В томе 7, посвященном Казахстану в составе советского государства в 1917–1953 гг., выделена глава «Казахстан накануне и в период Второй мировой войны» с главой «Казахстан в советско-германской войне 1941–1945 гг.»²⁷.

Между тем обновление методологии происходит крайне медленно²⁸, что подтверждает дискуссия к 100-летию восстания 1916 года. В Казахстане она фактически не состоялась, тогда как в Киргизии и России ученые смогли уточнить некоторые важные вопросы, связанные с последствиями аграрной колонизации Степи. Российские организаторы смогли привлечь отдельных историков РК к этому обсуждению (Т.Д. Далаева, А.А. Галиев, Г.С. Султангалиева, Е.С. Сыздыкова, Д.Р. Ашимбаев, А.А. Жунисбаев)²⁹. Было

²⁷ Там же. С. 161–163, 167.

²⁸ О некоторых проблемах мифологизации в казахстанской историографии см.: *Галиев А.А.* Мифологизированная история как ненаучная форма историографии // URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/962> (дата обращения: 22.12.2018).

²⁹ См.: *Далаева Т.* Роль казахских волостных управителей в восстании 1916 года // Восстания 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017. С. 229–242; *Галиев А.* Реконструкция традиционной системы власти в ходе восстания 1916 г. в Казахской степи // Там же. С. 242–249; *Султангалиева Г.* Восстание 1916 г. в Степном генерал-губернаторстве: новые аспекты изучения // Там же. С. 223–229; *Сыздыкова Е.С.* Современная казахстанская историография национально-освободительного движения 1916 г. // Там же. С. 358–375; *Ашимбаев Д.* Восстание 1916 года: вопросы трактовки в контексте современной политики // Цивилизационно-культурные

показано, что рост мультикультурности региона служил не только неким «обременением» для необходимой устойчивости общеимперского социокультурного пространства, но и стимулировал расширение официального, научного и общественного дискурсов по поводу управления усложняющимся этносоциальным ландшафтом.

В казахстанской историографии все еще мало попыток понять, как разноуровневые социальные практики на местах формировали культурно сложную и подвижную реальность, в которой взаимодействовали общественно-политические и властные группы и структуры, конструировались региональные модели воплощения общеимперского проекта аграрной колонизации и интеграции кочевой общности в полиэтничное общероссийское пространство. Получившая распространение методология «новой истории империи» оказывается практически вне поля зрения, за небольшим исключением.

Пожалуй, лишь Г.С. Султангалиева и руководимый ею небольшой коллектив признают факт присутствия и активной деятельности в регионе значительного числа взаимодействующих акторов. Новые данные, которые они вводят в научный оборот, на примере формирования казахского чиновничества показывают, что в степных областях центральная власть не только контактировала с национальной бюрократией, но и способствовала ее превращению во все более важный слой управленцев³⁰. Колониальность прямо и опосредованно становится важнейшей характеристикой и советской истории Казахстана³¹, а сопротивление ей

аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016. С. 14–16.

³⁰ См.: Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в.) // Acta Slavica Iaponica. Т. 27. 2009. Р. 77–101; она же. От пристава к приставству: административная политика в Степи в первой половине XIX в. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII – XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы, 2015. С. 238–267; Далаева Т.К. Окружная административная система: опыт сравнительного исследования (20–60 гг. XIX в.) // Там же. С. 267–289; Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов. Алматы, 2014.

³¹ Внучка известного казахского советского деятеля У. Джандосова (1899–1938), петербургский историк З.А. Джандосова рассматривает народную и государственную колонизацию Степи как русско-тюркский симбиоз, в котором произошел переход от естественной интеграции к сознательной политике ассимиляции через русификацию со стороны российских колониальных властей, которая в советский период стала частью плана в отношении кочевников как безнадёжно архаичных и более всего русифицированных. «Крушение кочевой системы и тотальная русификация как советский вариант колониального синтеза привели

представляется перманентным подвигом несмирившихся жертв, часть которых совмещала борьбу с режимом и демонстрацию лояльности ему на пути к независимости, где этносберегающую роль играли религия и романтизированная этничность³².

Особое место в «деколониальном повороте» казахстанской историографии заняли события 16–18 декабря 1986 г. в Алма-Ате. В 1997 г. ак. М.К. Козыбаев назвал их «массовым, демократическим, национально-освободительным, политическим восстанием народа за самостоятельность и свободу республики», носившим «национально-освободительный, антиколониальный характер»³³. В 5 томе «Истории Казахстана» они называются этническим конфликтом классического типа, когда «колониальная провинция восстала против метрополии, и бунт был жестоко подавлен», а в структуре нового издания истории страны 2012 года выступление относится к этническим и социальным конфликтам³⁴. В 2006 г. Г. Карасаев, следуя заданной парадигме, сделал вывод, что события в Алма-Ате, нашедшие некую поддержку в Восточном Казахстане, в конечном счете показали кризис тоталитарной коммунистической системы, и их последствия привели к распаду колониальной системы СССР³⁵.

Конструирование советского прошлого как преемственного имперскому в их «колониальной» сущности занимает центральное место в казахстанской историографии, обеспечивающей новое нациестроительство³⁶. Академическое издание характеризует

к фактической деэтнизации значительной части городских казахов и к глубинному расколу в обществе — резкому отличию городской русскоязычной элиты от сельских казахоязычных париев». См.: *Джандосова З.А.* Казахи: некоторые итоги вековой русификации // *Східний світ* (Київ). 1999. № 1–2. С. 140–154 // URL: <https://www.academia.edu/32588942/> (дата обращения: 23.04.2017).

³² *Ғабжалилов Х., Омарбеков Т.* Созақтағы канды қырғын (Көтерілістің 75 жылдығына) // *Алаш*. 2005. № 1, 2; *Ескендилов М.Г.* Силовая модернизация в Восточном Казахстане (1926–1939 гг.). Семипалатинск, 2000; *Кыдыралина Ж.У.* Казахская интеллигенция и национальный вопрос (XX век). Астана, 2008; *Койгельдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009; и др.

³³ Козыбаев М.К. Декабрь 1986 года: факты и размышления. Алматы, 1997. С. 13, 32.

³⁴ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 5. Алматы, 2010. С. 91; Отечественная история. Алматы, 2012. № 3 (59). С. 147–173.

³⁵ *Карасаев Ф.* Алматыдағы 1986 жылғы желтоқсан оқиғасы және Шығыс Қазақстан (қозғалыстың 20 жылдығына). (Декабрьские события 1986 года в Алма-Ате и Восточный Казахстан). Өскемен, 2006. С. 112.

³⁶ Об этом см.: *Ремнев А.* Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio*. 2011. № 1. С. 169–204;

Декларацию о государственном суверенитете Казахской ССР 1990 года и стратегию «адаптированной модернизации» как классическую деколонизацию через возврат к историческим корням³⁷. Для этой группы авторов характерны утверждения о том, что советское государство воспроизводило основные черты имперского колониального управления, включая обнищание коренного населения, насильственное разрушение самобытного уклада, образа жизни и духовности, репрессии и всеохватную русификацию.

Вся проблематика советской истории Казахстана сводится к нескольким темам: судьба автономистского движения Алаш, коллективизация и голод 1932–1933 гг., а также сталинские репрессии, включая широкий круг исторических биографий. З.Ж. Марданова, к примеру, оценивает ссылку как карательную меру в стратегии колонизации Казахстана, репрессивно-освоенческих планах и практике реализации государственной политики ссылки в 1920–1930-е гг.³⁸ Трагедия коллективизации, вызвавшая массовый голод и трагическое сокращение численности казахского этноса, оценивается как геноцид³⁹. Сотрудники ведущего Института истории государства (Астана) А.М. Ауанасова и Е.К. Нурпеисов пишут: «Распада Российской империи не произошло, смена формы государственного управления не привела к деколонизации <...> Место метрополии вместо царской России заняла номенклатурная верхушка компартии. В новых исторических условиях сама Россия, наравне с другими республиками из бывших царских окраин, превратилась в колонию в имперской политике КПСС»⁴⁰.

Понятно, что советская риторика дружбы народов и модернизации отсталых окраин сегодня представляется архаичной, что отнюдь не отменяет признания объективных достижений казахского общества в его движении от традиции к модерности именно

Аманжолова Д.А. Советское притяжение: Историческая литература Республики Казахстан о советском веке // Прошлый век: Сб. науч. тр. Вып. 1. М., 2013. С. 338–366; *Соколов М., Тимаев К.* Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

³⁷ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 5. С. 104–105.

³⁸ Марданова З.Ж. Государственная политика принудительных переселений в Казахстан в 20–30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007.

³⁹ *Омарбеков Т.* Аштыкка саяси баға әлдеқашан берілген (Политическая оценка голода давно дана). // URL: <http://anatili.kazgazeta.kz/?p=50054> (дата обращения: 23.12.2018).

⁴⁰ *Ауанасова А.М., Нурпеисов Е.К.* Советская власть и скрытая политика неокOLONиализма и тоталитаризма // 1917 год: исторические судьбы народов Евразии. Алматы, 2018. С. 245, 258.

в советской реальности. Фетишизация независимости в казахстанской историографии привела к искусственному отрыву объекта изучения — истории казахского общества — от «внешнего» фактора в лице Российской империи/СССР, в государственных рамках которых оно развивалось около 300 лет. Это новое «центрирование» исследовательских интересов, когда фокус переносится на взгляд изнутри, а не из бывшего имперского центра, оказывается ограниченным, поскольку сосредоточен на создании образа народа как почти перманентной жертвы «сторонних» сил. При этом центр все равно присутствует как «извечное зло»⁴¹. Избирательный подход к событиям прошлого, как правило, обусловлен поиском аргументов для объяснения истоков или результатов современных обстоятельств. Язык, религия и приверженность традициям становятся полем битвы за нормативную казахскость, которая должна противостоять внутреннему ощущению колонизированности у части интеллектуалов, несмотря на обретение независимости как неожиданного подарка.

В то же время с критикой мифологизации истории выступили Н. Масанов, Ж. Абылхожин, И. Ерофеева, А. Галиев⁴². Компромиссный вариант интерпретации чувствительных вопросов общей истории России и Казахстана предложил С. Акимбеков. Называя Казахстан не колонией, а внутренней провинцией Российской империи, он подчеркивает — несмотря на сложность взаимоотношений, «мы вместе остаемся наследниками имперского прошлого Евразии»⁴³.

Более детализированные трактовки предлагают историки, тесно сотрудничающие с российскими и западными исследо-

⁴¹ Наглядным примером служит интерпретация голода начала 1930-х гг. К примеру, Т. Омарбеков, наиболее активно занимающийся этой проблемой, считает, что по замыслу и механизму проведения коллективизация не была геноцидом, но по результатам оказалась таковым. // URL: <http://anatili.kazgazeta.kz/?p=50054> (дата обращения: 23.12.2018).

⁴² «С проблемой “российский колониализм, этничность и национальное самосознание” может что-то проясниться лишь по мере избавления от диктата мифов и обращения к новейшим теоретико-концептуальным наработкам исторической науки и этнологии», — пишет Ж.Б. Абылхожин. Цит.по: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 258. См. также: Галиев А.А. Изобретенные традиции в контексте мифологизированной истории // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2018. № 3(15). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/953> (дата обращения: 22.12.2018). Взвешенные оценки содержат работы З.Г. Сактагановой, А. Жунисбаева, А.Н. Алексеенко, Ж.А. Еремекбая, Б.О. Жангуттина.

⁴³ Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы, 2018. С. 503.

вательскими центрами. Казахстанские историки, работавшие в научных школах России, рассматривают «внутреннюю колонизацию» как долговременный опыт применения практик колониального управления и знания в рамках единого государства, уточняя определения «*имперский проект колонизации*» и «*имперские практики колонизации*»⁴⁴. Имперский проект аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX — начале XX в. стал продуктом совместной деятельности власти и общества. В реальных обстоятельствах колонизационного процесса и в практической деятельности всех уровней власти проект земледельческого освоения степных областей Западной Сибири отразил существо концепции «внутреннего империализма» как модели включения Степного края в общеимперское пространство⁴⁵. К сожалению, пока конкретно-исторических исследований реализации этой модели крайне мало. Важнейшим успехом казахстанских историков можно считать большой массив опубликованных источников⁴⁶, что, однако, не привело к осязательному расширению проблематики и обновлению методологического инструментария.

Это подтверждает и Д. Ашимбаев: «Историческая наука, как бы с этим не спорили, — во многом понятие идеологическое:

⁴⁴ Под «имперским проектом» колонизации понимается совокупность представлений о вероятности, перспективах и последствиях аграрного освоения Степного края, принявших программные очертания, зафиксированные в законодательстве. «Имперские практики» — это способы и модели реализации имперского проекта центральными и региональными органами власти в конкретно-исторических условиях См.: *Токмурзаев Б.С.* Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. С. 11; *Буктугутова Р.С.* Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX — начале XX вв. Кокшетау, 2006; *Избасарова Г.Б.* Казахи Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М., 2018.

⁴⁵ *Токмурзаев Б.С.* Указ. соч. С. 17.

⁴⁶ См.: Движение Алаш. Апрель 1920—1928 гг. Сб. документов и материалов: в 3 т. / под ред. М.К. Койгельдиева. Алматы, 2007; Движение Алаш. Сб. материалов судебных процессов над алашевцами: в 3 т. / под ред. Т.К. Жұртбай. Алматы, 2011; Движение Алаш. Из истории изучения вопроса. Сб. документов и материалов. 1918—2007 гг.: в 4 т. / отв. ред. В.Н. Шепель. Алматы, 2008; История Казахстана в документах и материалах. Альманах. Вып. 1—3 / отв. ред. Б.Т. Жанаев. Алматы; Астана; Караганда, 2011—2013; История Казахстана в персидских источниках XIII—XIX вв.: в 5 т. / сост. М.Х. Абусейтова. Алматы, 2007; История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. В 10 т. / под ред. И.Н. Тасмагамбетова. Алматы, 2005—2008; Наркомы Казахстана. 1920—1946 гг. Биографический справочник. Алматы, 2007; Трагедия казахского аула. 1928—1934: Сборник документов / сост. А.С. Зулкашева и др. Алматы, 2013; и др.

власть формирует своего рода государственный заказ, основываясь на своем представлении об истоках государственности, исторической преемственности правящей элиты, модели внутренней, национальной, конфессиональной политики, приемлемой для высшего и среднего образования и культуры. Определенные контуры формируются для внешнего восприятия — в соответствии с актуальным перечнем союзников и противников. Как мы прекрасно видим, с одной стороны, у нас возникло избыточное число “фольк-историков”, которые совершенно исказили все, до чего дотянулись, а с другой — назрела необходимость в очередной раз уточнить “истоки государственности”. А этот процесс идет уже три десятилетия, хотя его основы были заложены еще во времена Динмухамеда Кунаева, когда аккуратно поощрялось ведение истории не с революции, а со времен древних тюрков. Включение национального, националистического, национал-популистского трендов в структуру государственной идеологии, периодически практикуемое Астаной, в какой-то степени снижает возможные риски разжигания межэтнических конфликтов <...> У ряда научно-исследовательских институтов есть серьезные наработки, но при этом наука совсем уж уступила место идеологии. И вот как раз между всеми этими корифеями истории как науки произошло разделение. Простой пример — отношение к советскому прошлому. От героизации до категорического отрицания <...> Мы с Россией не только соседи, но и стратегические союзники <...> “буржуазная пропаганда” в лице западной советологии и востоковедения активно “прокачивала” темы “колонизации”, “геноцида”, “ущемления интересов коренного населения”, выпячивая весь возможный негатив. В какой-то степени нынешние национальные истории — это прямое следствие именно внешних оценок и пропаганды»⁴⁷.

Среди историков, связанных с «дальним зарубежьем», можно отметить Д.Т. Кудайбергенову, Б. Касымбекову, А.Ж. Бисенову, К. Медеуову. Они обращают внимание на опыт колонизации и сопротивление ей со стороны казахских интеллектуалов начала XX в., изучают механизм включения «антиколониального дискурса в новые институциональные постколониальные формы в рамках конструируемой советской гомогенности». Подчеркивается,

⁴⁷ «Семь граней Великой степи». Назарбаев предложил пересмотреть роль казахов в истории. // URL:http://eurasia.expert/sem-graney-velikoy-stepi-nazarbaev-predlozhit-peresmotret-rol-kazakhov-v-istorii/?fbclid=IwAR3Xif0iBLXQFnIfaZaxcOaczJfL_3DJKTMa2cDIajkEbgFqjEZ666JCszc (дата обращения: 3.12.2018).

что давление метрополии продолжается, и «академический национализм сам оказывается в плену гегемонного дискурса бывшей метрополии», при этом и получившие образование за пределами бывшего СССР историки не способны к радикальной деколонизации знания⁴⁸. В этом плане они солидарны с выводом Бравны Дэйв о том, что колониальность «играла очень важную и определяющую роль» в современном национальном самосознании казахов, сама идея нации пришла к ним через колониальную систему и связана с ней⁴⁹.

Наиболее плодотворным представляется анализ феноменов «колониальности» и «деколониальности» в постсоветской историографии, если он будет совмещать не только богатство разнообразных источников, в том числе субъективных. При этом глобализация сетей производства и трансляции знания должна способствовать более сложному и многомерному пониманию «колониального прошлого» и «постколониального настоящего». Постколониальное, как его называют западные авторы, обновление историографии в бывших советских республиках лишь намечается. Бывший колониализм и его хронотопические проявления продолжают оставаться важной мобилизующей силой и смыслом многих крайних так называемых постколониальных интерпретаций современности, изобретая новый миф о России и культурный реванш новых независимых государств, их позиционирование вне европоцентричного прогрессивизма и универсализма.

Выводы А.В. Ремнева, сделанные на этот счет еще в 2011 г., и сегодня представляются актуальными⁵⁰. Методологическая противоречивость и подчиненность актуальному политическому дискурсу, использование отживших идеологических оценок в интересах политической прагматики составляют основу доминирующего нарратива колонизации, которая приравняется к колони-

⁴⁸ Бисенова А., Медеуова К. Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Ab imperio*. 2016. № 4. С. 213, 222, 221, 233, 234. Д. Кудайбергенова считает, что политический постколониализм, используемый властью как контекст для легитимации режима и формирования политических противников, при неоднозначности терминов и идеологических колебаниях может расколоть общество в отсутствие сильного интеллектуального движения. См.: *Kudaibergenova D. The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan // Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. No. 5. P. 917–935.

⁴⁹ Dave B. *Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power*. New York, 2007. P. 24. Цит. по: Ремнев А.В. Указ. соч. С. 173.

⁵⁰ См.: Там же. С. 182.

альной политике. Меж тем очевидна настоящая потребность в «нормализации» наших представлений о колонизации, которая, по справедливому замечанию А.В. Головнева, — не есть грех прошлого или угроза будущего, а среда взаимной адаптации, повседневность человечества, его естественная динамика на протяжении всей истории. В таком случае станет возможным более объемное и учитывающее разные нюансы представление об этом сложном историческом явлении⁵¹.

⁵¹ В этой связи весьма ценны его обобщенные характеристики этого сложного явления. См.: *Головнев А.В. Феномен колонизации*. Екатеринбург, 2015. С. 535, 537–539.

Сведения об авторах

Аманжолова (Киселева) Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.

Балар Мишель — профессор-эмеритус Университета Сорбонны (Париж).

Бассо Энрико — профессор Университета Турина (Италия).

Бахматова Марина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Карпов Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор, академик РАН, президент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Никитин Николай Иванович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

Трепавлов Вадим Винцерович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

**ИМПЕРИЯ:
проблемы внутренней и внешней колонизации.**

Материалы XXXVIII международного семинара
исторических исследований «От Рима к Третьему Риму»
Москва, 15 января 2019 г.

Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка: *С.А. Голодко*
Корректор: *Н.А. Самсонова*

Подписано в печать 25.07.2019
Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,0.
Тираж 500 экз. Заказ 07483

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18
E-mail: info@vesmirbooks.ru
[http:// vesmirbooks.ru](http://vesmirbooks.ru)

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1,
тел.: (495) 230-20-52

ISBN 978-5-7777-0778-9

В сборнике помещены доклады, представленные российскими, итальянскими и французскими историками на XXXVIII международном семинаре исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», который работал в Институте российской истории РАН 15 января 2019 г. Тексты публикуются на языке оригинала и в переводе на русский/итальянский языки.